

ВАЛЕРИЙ ФИЛАТОВ

ЛАБИРИНТ
ИСКАЖЕНИЙ

В тихом и захолустном Зареченске три раза было совершено нападение на инкассаторов. Местная милиция не в силах остановить грабежи. Управление МВД СССР посылает в Зареченск полковника Ткачёва — опытного оперативного работника, чтобы тот помог местной милиции обнаружить и задержать бандитов. Но Ткачёв перед отъездом в командировку получает вызов в КГБ...

Огромная благодарность Кире Гофер за создание обложки и иллюстраций к произведению.

Благодарность читателю edgar за предоставленный эпиграф к роману

Действительно Лабиринт. Множество входов, множество ответвлений и только один выход. Лабиринт разрешает и запрещает, в одно и то же время являясь символом как недопущения, затрудняя путь, так и удержания, затрудняя выход. Достичь центра могут лишь достойные, обладающие необходимым знанием. Те же, кто рискнет вступить в него, не имея этого знания, пропадет в лабиринте

edgar 20 марта 2021 года

Январь 1981 года. Москва.

Ткачев негромко ругнулся, когда за открытой дверью станции «Кузнецкий мост» увидел на площади памятник Феликсу Эдмундовичу. Сколько раз он приезжал в управление и ещё ни разу не вышел там, где надо. Подземные переходы под площадью Дзержинского, словно лабиринт всегда выводили Ткачева на самый дальний выход из метро от мрачноватого и величественного здания центрального управления КГБ СССР. Впрочем, он и был то всег пару раз здесь даже когда жена с ребёнком ездили в «Детский мир» Ткачев предпочитал оставаться дома или на работе. Поскольку ещё никогда поездки в управление КГБ не приносили ему удовольствия.

И сейчас пришлось спускаться в подземный переход и, петляя по коридорам с коричневой плиткой на стенах и полу, искать ближайший к зданию выход. На улице было холодно и ветрено.

С чекистами отношения стали ещё больше натянутыми после дела «на Ждановской». Щёлоков и Андропов итак недолго любили друг друга, а тут... убийство милиционерами сотрудника КГБ. И вот совершенно неожиданный вызов Ткачева к некому генералу Трефилову. Хорошего ждать не приходилось. Хотя начальство Ткачёва не высказало по поводу его вызова к чекистам озабоченности, вскользь упомянув, что вызов касается дела по разбойным нападениям в Зареченске. Что могло интересовать КГБ в этом деле, Ткачёв не имел ни малейшего представления.

Зареченск городок небольшой. Не сказать, что деревня, но и большим назвать трудно. Правда, в городе и в его окрестностях располагалось довольно много всяких предприятий. И вот месяц назад, аккурат под Новый год начались разбойные нападения на инкассаторов, и к концу января уже было три эпизода. В Зареченске следствие зашло в тупик, хотя сам Щёлоков распорядился в самый короткий срок найти и обезвредить бандитов. Пришлось главному управлению МВД подключать к следствию своего сотрудника, которым и оказался Андрей Викторович Ткачёв. И получив назначение, вместе с этим ещё и вызов в КГБ.

Ткачёва до кабинета Трефилова проводил хмурый и неразговорчивый майор, вызванный на проходную дежурным. В отличие от майора генерал оказался не старым и суровым «пнём», а добродушным и улыбчивым мужиком. Взгляд генерала, конечно, был присущ настоящему чекисту — колючий и пронзительный.

— Это я настоял на вашей кандидатуре, полковник, — после приветствия и рукопожатия сказал Трефилов. — Мои коллеги посоветовали, плюс у вас есть соответствующий допуск. Присаживайтесь. Чай? А может быть кофе? — и загадочно предложил. — С коньячком. На улице не май месяц, а одеты вы не по погоде.

— А не откажусь, — согласился Ткачёв, усаживаясь за переговорный стол. Начало интриговало.

— Элла Аркадьевна, сделайте два кофе, пожалуйста, — попросил генерал секретаря.

Через минуту стройная женщина в элегантной юбке и кофточке с жабо внесла поднос с чашками. Ткачёв проводил её взглядом, заинтересованно рассматривая покачивание округлых бёдер, затянутых в тонкую ткань. «И где они берут таких?!» — подумал полковник, вспоминая секретариат в его управлении. Генерал улыбнулся и достал фляжку с коньяком. Плеснул в кофе.

— Вот какое дело, Андрей Викторович, — сказал он, подвигая чашку к Ткачёву. — Третий эпизод в Зареченске связан с нашей конторой напрямую. То, что я расскажу сейчас, а расскажу много и подробно, не должен знать никто, кроме вас.

— Это очень неудобно, — Ткачёв пригубил кофе. — Как можно скрыть такую информацию от местных?

— Поэтому вы туда и направляетесь.

Генерал вздохнул и почесал лоб.

— Учитывая некие разногласия между нашими ведомствами, решено, что только вы один сможете иметь всю полноту информации.

— Спасибо за доверие, — полковник поставил чашку и облизал губы. — Но как тогда мне работать?

— Это вы решите сами после того, как получите всю информацию. Я буду готов выслушать ваши пожелания.

— Хорошо. И где мне изучить материалы?

Трефилов встал и подошёл к окну.

— Информацию вы получите от меня. Устно. И постарайтесь запомнить...

Ткачёв растерялся — такое было впервые. Чтобы генерал КГБ передавал информацию устно?! Что же там было в этом Зареченске? Он справился с растерянностью быстро.

— Я готов выслушать вас, товарищ генерал.

После разговора с Трефиловым Андрей Викторович вылетел из его кабинета и срочно стал искать туалет. Три чашки кофе с коньяком дали о себе знать.

Всё началось ещё до Московской Олимпиады. В Зареченске, на одном из производств, группа инженеров-радиотехников нашла принципиально новый подход к конструкции решёток антенны. Поначалу исследования не заинтересовали учёных и военных, но результаты испытаний принесли массу неожиданностей. Во время Олимпиады КГБ и милиция работали в усиленном режиме, сотрудников не хватало, и поэтому решили не усиливать КГБ Зареченска новыми людьми. Да и результаты экспериментов, по словам учёных, были, мягко говоря, спорными.

Новаторам дали небольшую лабораторию, приставив единственного сотрудника местного отделения КГБ.

Как раз в тот момент, когда разногласие между двумя силовыми конторами достигло пика, инженеры выдали некое решение и запросили чертежи, чтобы привязать свою конструкцию к изделию. Ученые раздумывали, а в Зареченске произошло первое нападение на инкассаторов. Прокуратура возбудила дело и опера стали рыть землю. Две недели все было тихо, и как-то всё успокаивалось само собой, но тут произошло второе нападение. Первый секретарь горкома доложил наверх, и Щёлоков, находившийся в крайне неудобном положении, разогнал половину Зареченского управления МВД, а вторая половина с пеной на губах занялась круглосуточными поисками бандитов.

А вот здесь и началось самое интересное.

В кулуарах было решено отправить в Зареченск копии чертежей изделия, но только той части, где предполагалось установить новую конструкцию антенны. Параллельно было решено премировать инженеров, чтобы они усиленно повели разработку. И два курьера из КГБ, что везли деньги и копии чертежей, не нашли ничего лучшего, как сесть в инкассаторский автомобиль, который и вёз зарплату работникам предприятия, где базировалось крохотное ОКБ.

Произошло третье нападение.

Как и в других нападениях до этого, все инкассаторы были убиты, а деньги и чертежи исчезли.

Ткачёв в разговоре с Трефиловым сообщил, что его направляют в Зареченск, чтобы возглавить группу по розыску банды и никакого усиления не обещали. А тут, прямо скажем, ситуация весьма неоднозначная — мало ли, что может произойти за время следствия.

Генерал долго раздумывал и сказал:

— Полковник, я дам вам в усиление нашего агента. Предупреждаю, агент — крайне неординарная личность. Работает интуитивно и жестко, но эффективно. Как он выглядит по-настоящему — известно единицам. К сожалению, времени у нас мало. Если копии попадут к иностранным спецслужбам, то их аналитики догадаются, чем наши инженеры решили удивить. Поднимется страшный шум, а сейчас нет возможностей, чтобы вывезти ОКБ из Зареченска. Это привлечёт излишнее внимание. Да и, честно сказать, пока никто не понимает, чем эта разработка может закончиться.

— И как ваш агент сможет мне помочь? — недоумевал Ткачёв. — И как я с ним буду взаимодействовать?

Трефилов внимательно смотрел в окно, слегка покачиваясь.

— Он сам выберет способ взаимодействия. Ваша же задача как можно скорее выйти на банду.

Повернувшись к полковнику, генерал тихо добавил:

— Агент обладает навыками следственной и оперативной работы, но только в рамках своей компетенции. Если он посчитает, что бандиты ему мешают, то уберёт их без лишнего шума. Если посчитает, что мешаете вы, то уберёт вас...

— Ничего себе! — возмутился Ткачёв.

Трефилов усмехнулся:

— А как вы хотели, полковник? Задача и у него, и у вас очень сложная, а времени нет. Но если бандиты не имеют отношения к иностранным спецслужбам, агент просто заберёт чертежи. Запомните пароль — вам привет от Хмеля.

Теперь Ткачёв стоял в кабинке туалета и раздумывал. Вернее, не раздумывал, а силился понять — как он смог попасть в такое хитросплетение интересов? И, взглянув на часы, сообразил, что стоит около писсуара с расстёгнутой ширинкой уже пятнадцать минут.

Полковник не был тупым служакой. Окончив школу милиции после службы в армии, он был направлен в одно из отделений МВД Сокольнического района Москвы в стажёры к известному оперу майору Хренникову. С ним он и постигал опыт следственно-розыскных мероприятий. Хренников был старой закалки, начав службу ещё в сорок пятом году, после окончания войны. Молодого стажёра не жалел, гоняя как собачку по тёмным переулкам района и учил, учил, учил.

— Андрюх, — говорил майор, — это сейчас преступник ещё необразованный. Война, голод, лишения... Больше инстинкта, чем разума. Но в твоё время придёт бандит умный и

сильный. Сявок всегда будет много, но настоящий преступник будет тщательно готовиться. И его не возьмешь на «руки вверх, стрелять буду». Надо будет просчитывать его возможные ходы, и иметь обширную агентуру. Пришёл, спросил, подумал... И уже догадываешься, где можно ставить засаду. А не бегать за ним по Москве, паля в воздух. Умей договариваться с «законниками». Они же, как коты, поместили свою территорию, и никого чужого на неё не пускают. Это только блатная болтовня о братстве и бандитских понятиях. Если кто-то чужой и жесткий им дорогу переходит, то сдают на раз, но незаметно. Через брошенное невзначай слово, через ненужного сявку, через фраеров...

«Наука» Хренникова очень помогла Андрею Викторовичу в будущем. Собирая информацию от агентов, он умел выстраивать схемы, но что немаловажно — обрел некий авторитет среди законников. Особенно после одного случая.

Он задержал преступника. Матёрого вора по кличке «Мутант». Задержал случайно, зайдя на квартиру его любовницы.

— Мутант, давай не будем палить друг в друга! Не дай бог заденем женщину. Просто выйди и сдайся. Обещаю, не буду писать в протоколе, что у тебя было оружие. Получишь свою трёшку...

— Ты правду говоришь, начальник?!

— Я похож на болтуна?

Тогда с пистолета Ткачёв стер пальцы Мутанта и сумел сделать так, что оружие в отделение принесли малолетки, якобы нашедшие его случайно.

Мутант был вором авторитетным и после отсидки пришёл к Ткачёву.

— Начальник, сделай доброе дело. Прошу, сходи к Нинке, спроси у неё — смогу я с дочкой повидаться.

Тогда Андрей Викторович помог. Он стоял рядом, поскольку женщина согласилась только на таких условиях, и смотрел, как Мутант плачет, обнимая маленькую худенькую девочку.

— Начальник, век воли не видать, — растроганный вор смахнул слёзы, — никогда не забуду твою помощь!

Так что Ткачёва в воровских кругах зауважали.

После перевода в центральное управление старшим опером Ткачёв стал постигать ещё одну науку — как разговаривать с высоким начальством. Никогда нельзя было напролом требовать что-то для себя. Надо было обязательно предоставлять что-то из этого и начальнику. Только в этом случае вопросы решались гораздо быстрее. Не оставлял он и своих «подопечных», приходя к ним с различными разговорами и потом анализировал информацию, подолгу засиживаясь дома на кухне. Чертил схемы, сопоставляя оперативные данные и полученную от «законников» информацию. А пара раскрытых дел со следователями по особо важным делам, ещё и со стороны прокуратуры сделали авторитет Ткачёва весьма высоким.

Андрей Викторович не забывал и о физической подготовке, регулярно посещая бассейн и зал для занятий по самбо. Пять километров утренней пробежки — незыблемая традиция для полковника. А после того, как повзрослел сын — вместе с сыном.

Командировка в Зареченск была неожиданностью. Кстати, генерал Трефилов так и не объяснил ему о причинах выбора его кандидатуры. Практически все старшие опера управления имели допуск к определённой секретности.

До отъезда в Зареченск было ещё время, и полковник решил заехать к одному

знакомому. Ткачёв позвонил из телефона-автомата в метро.

— Аллё, это я. Через полчаса зайду, можно?

Он доехал до станции «Пушкинская» потом сделал пересадку и доехал до «Маяковской». Вышел на улицу и быстро добежал под холодным ветром до ресторана «Пекин». Швейцар узнал его и открыл дверь тут же.

— Вас ждут, Андрей Викторович, — сказал высокий старик-швейцар, принимая пальто и шапку полковника. — Проходите в отдельные кабинеты.

В одном из уютных уголков этого не совсем обычного заведения, Ткачёва ждал не совсем обычный человек. Нет, человек был вполне обычным — аккуратная бородка, деловой костюм и выцветшие глаза одинокого старика. Положение в обществе было необычным. Своего рода «авторитет» над «авторитетами» без положенной в воровском обществе клички. И никогда не отбывавший срок в местах не столь отдалённых.

— Что за напасть привела тебя ко мне, Андрюша?

Ткачёв устало выдохнул.

— Помощь твоя нужна, Автондил Акакиевич.

— Говори. Помогу, чем смогу.

Полковник немного помолчал, формулируя просьбу в уме, потом сказал:

— Мне нужно встретиться с «положенцем» в городе Зареченск. Знаешь такой?

«Положенцем» в воровском мире называли «смотрящих» за определенной территорией. Собирались «на сходку» воры «в законе» и решали, кого поставить на такую «должность». Слово «положенца» было законом для воров всех «мастей» на той территории.

— Знаю, — раздумав, кивнул старик. — А тебе зачем, позволь узнать?

— Говорят, разбойники там завелись лихие. Мне бы разузнать точнее.

Автондил причмокнул, тихо щелкнул пальцами. В кабинет зашёл маленький мужчина в очках.

— Чародей, узнай мне про Зареченск, — попросил старик, — но только быстро.

Когда мужчина в очках скрылся, Автондил улыбнулся уголками губ.

— Я смотрю, Андрюш, ты ещё в фаворе. Не коснулись тебя события «на Ждановской».

Полковник махнул ладонью.

— Не знаю я, очень бы не хотелось.

— Так тебе чего бояться? Ты людей не сажал без разбору, денег не берёшь... С комитетчиками конфликтов не было. Или?..

— Вот именно, — перебил Ткачёв. — Только что из комитета.

— Ну, — протянул старик. — Если ты вышел оттуда, значит чист. А милицию давно надо почистить. Люди в неё пришли мутные, только за длинным рублем охочие. Плохо это. Для державы плохо. Старые милиционеры за совесть работали, за порядок. Вот их и уважали.

Воспоминания старика прервал мужчина в очках. Он наклонился и что-то долго шептал Автондилу на ухо. Выслушав, старик вялым жестом пальцев отослал его вон. Глаза Автондила резко приобрели стальной блеск.

— Прав ты, Андрей. В Зареченске непонятное происходит. У тебя когда поезд?

— Сегодня в десять вечера. Вагон четвёртый.

— Хорошо. Яков придёт тебя проводить. А сейчас иди, мне подумать надо. Я помогу...

— Благодарю, Автондил Акакиевич.

Сборы были недолгими. Полковник не раз выезжал в командировки и у него на такой

случай был небольшой чемоданчик и большой кожаный портфель.

— Надолго уезжаешь? — угрюмо спросила жена.

— Не знаю, — буркнул Ткачёв. — Буду сильно задерживаться — позвоню.

Отношения с женой у полковника были... если сказать одним словом — никакие.

Поженились они случайно: Ткачёв участвовал в следствии по хищению с убийством и в конторе предприятия встретил милостивую девушку с «внушительными» формами. Тогда двадцатисемилетний капитан подал заявление на вступление в ряды партии коммунистов. В комитете партии ему доходчиво объяснили, что отсутствие жены — фактор подозрительный, хоть и её наличие не является обязательным. Ткачёв никогда не задумывался над спутницей по жизни, полностью поглощённый работой, а мимолётная связь с одной сотрудницей из министерства торговли даже отбила охоту к такому изменению в его жизни, как официальная процедура бракосочетания и дальнейшее совместное проживание под одной крышей.

Людмиле, будущей жене будущего полковника, было уже двадцать пять лет, и она решительно согласилась выйти замуж за Андрея. Как-бы надо было иметь семью и хотя бы одного ребёнка. После рождения сына «внушительные» формы Люды превратились в то, что называется нехорошим словом — обабились. Милостивая девушка превратилась в несуразное подобие вечно что-то поглощающего бегемота, а «внушительные» формы — в бесформенную массу. А после того, как Ткачёва перевели в главк, и дали звание полковника, то изменился и характер жены. Если раньше её практически всё устраивало, то теперь появились странные для Ткачёва материальные амбиции.

— Андрей, вон у Хромовых дача есть, а у нас нет.

— Люд, а зачем тебе дача? Что ты будешь там делать? Консервы закатывать? Так от подарков Хромовых в кладовке места нет. Мы не успеваем эти консервы есть.

— Андрей, вон Абасовы трехкомнатную квартиру получили. А мы всё в двушке ютимся.

— Люда, у Абасовых двое разнополых детей. Им надо. А тебе зачем?

В главке МВД можно было достать многое — сотрудникам главка Щёлоков дал массу преференций, но Ткачёв не стремился к ним. Даже сотрудники его отдела порой удивлялись.

— Андрюх, твоя очередь на автомобиль подошла. Ты чего не оформляешь?

— Да денег нет, и мне без надобности. Я на метро быстрее доеду. А за машиной ещё и ухаживать надо. Гараж там, бензин... Не моё это.

Никто не знал, а порой только догадывался, что стоило бы Ткачёву только заикнуться про машину, квартиру или ещё что-то ценное, то это было бы у него на следующий день. «Законники» бы принесли бесплатно, да ещё бы и в подарочную обёртку завернули. Как-то один из «авторитетов» пошутил:

— Викторыч, если бы ты попал на зону, то она была бы образцовой...

— Это почему?

— Слово твоё шибко твёрдое, а авторитет непререкаемый. «Кум» бы просто отдыхал в сторонке.

— Спасибо, конечно. Но на зону я не тороплюсь.

Попрощавшись с сыном, полковник поехал на вокзал. По дороге он уже включился в процесс расследования и, постукивая пальцами по портфелю, раздумывал и рисовал в голове возможные версии. Как в эти версии можно было органично вплести приданного ему агента КГБ, он не видел. Впрочем, и материалов по делу было недостаточно. То, с чем он ознакомился в главке, было очень поверхностным. Множество деталей было не видно.

Около поезда Ткачёва встретил маленький мужчина в очках. Тот, которого Автондил называл Чародеем.

— Вам передали, что останавливаться в гостинице и на служебной квартире не надо. Запоминайте адрес — улица Советская, дом два. В Зареченске садитесь в такси, которое к вам подъедет. Адрес не называйте, а передайте таксисту вот это, — он протянул Ткачёву монету достоинством в один рубль. — Слово за вас сказали, а там сами разберётесь. Ключи от дома у соседки напротив. Зовут её Мария.

На удивление, Ткачёв в поезде хорошо выспался. Он поблагодарил проводника за чай и чистое бельё и вышел из вагона.

Зареченск Андрея Викторовича встретил зимней тишиной провинциального города. На привокзальной площади вальяжно расхаживали две пушистые кошки, прячась за колёсами заиндепевших от мороза автобусов. Не было какой-то суеты и беготни. Пассажиры с поезда чинно расселись по автобусам и такси, и вскоре площадь почти опустела. Только дворник махал метлой, поскрипывая снегом под валенками.

На площадь влетела черная «Волга» гудя двигателем, и остановилась возле Ткачёва. Скрипнула дверь и ему навстречу шагнул улыбчивый человек в форме милицейского подполковника.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — козырнул он Ткачёву. — Я заместитель начальника ГУВД Зареченска Василий Ефремович Шмелёв. Как доехали?

— Здравствуйте. Нормально. Только встречать меня не было необходимости, — с легким недовольством ответил Андрей Викторович

— Извините, если что не так. Мне полковник Гладышев поручил вас встретить — я встретил, — Шмелёв продолжал улыбаться.

«Разумно», — отметил про себя Ткачёв и вслух добавил:

— Скажите полковнику, что вы встретили. А теперь попрошу вас вернуться и к одиннадцати организовать мне рабочее место и собрать всех, кто участвует в расследовании по нападению на инкассаторов. И материалы по делу в полном объёме.

Улыбка сошла с лица подполковника.

— Слушаюсь. Может подвезти вас до служебной квартиры?

— Не стоит, Василий Ефремович. Вопросы с бытом оставим на потом.

— Разрешите выполнять?

— Не задерживаю, — и Ткачёв протянул ладонь для рукопожатия. Ему понравился этот исполнительный подполковник, не задающий глупых вопросов.

Чёрная «Волга» резво уехала, а на её место подъехала желтая, с полустертыми пашечками на двери. Ткачёв сел на заднее сидение. Таксист молча взирал на него через зеркало в салоне.

Андрей Викторович не спеша достал монету и протянул ему. Таксист взял, потёр её пальцами, а потом открыл, как баночку с вазелином. Внутри монеты оказалась записка. Прочитав, таксист пристально взглянул на Ткачёва, опять через зеркало и, включив передачу, плавно тронулся с места.

Ехали они не долго. Пропетляв по узким улочкам, такси выскочило в жилой сектор из одноэтажных деревенских домов и остановилось у бревенчатой аккуратной избышки с синими наличниками.

— Стукнешь три раза через равные промежутки. С тебя рубль двадцать, — пробасил таксист.

Полковник отсчитал мелочь и вышел из такси. Машина немедленно скрылась.

— Однако, — прошептал Ткачёв. — А становится всё интересней.

Он подошёл к двери дома и постучал. Дверь приоткрылась.

— Хм, мент пожаловал, — раздался старческий женский голос. — Ну, заходи...

Ткачёв зашёл и увидел немолодую женщину с папиросой в зубах.

— Не маячь, в дом заходи, — сказала она. — Чаю выпьем. Ты, поди, с дороги голодный, да неумытый.

— Правда, твоя, — Ткачёв поставил в прихожей чемодан, снял пальто и шапку.

— Рукомойник на кухне. И полотенце там висит чистое, — раздался голос хозяйки и шум доставаемой посуды. — Обувь не снимай, прохладно ногам будет.

Ткачёв умылся и прошёл к столу.

— Ну, говори, кем будешь? — хозяйка долила из самовара воду в кружку с чаем. Подвинула к Андрею Викторовичу. — Ты, мент, пирожки бери. С вишней. Сама пекла.

— Полковник я, — прогудел он, откусывая порог. — Из Москвы. В главке служу опером шестого управления. (6 управление — управление по борьбе с групповыми и организованными преступными проявлениями (ранее управление по борьбе с бандитизмом) прим. автора)

— Понятно. А меня, значит, Серафимой Васильевной звать. Весточка о тебе из столицы прилетела. Сказали, что ты мент правильный. Ну, спрашивай. Порядок знаешь...

Полковник съел пирог, хлебнул чай.

— Серафима Васильевна, ты же знаешь о нападениях на инкассаторов в городе?

— Допустим.

— Скажу тебе, что в третий раз не по своей масти куш взяли.

Женщина задумалась, достала папиросу и закурила.

— Ты, мент, сейчас что мне предъявляешь?

— А ничего, — Ткачёв потянулся за ещё одним пирогом. — Взяли они, что им не положено. Из-за этого большая беда будет всем.

Серафима выдохнула облако дыма, кашлянула в кулак.

— Поясни.

— Человек сюда приедет неразборчивый и жесткий. Шухер наведёт — мама не балуйся. И заметь, только за третий раз. Я-то разбойников сыщу. Сдохну, но найду. Кто был не при делах — может спать спокойно. А у приезжего такой задачи нет.

— Стращать вздумал?

— А оно мне надо, Серафима Васильевна?

— А кто тебя знает, мент? Это ты в столице уважаемый, а я тебя в первый раз вижу.

— Ладно, — Ткачёв поднялся. — За чай с пирогами благодарствую. Проводишь?

Полковник оделся, шагнул за порог и обернулся к Серафиме.

— Ты скажи там, что ежели принесут мне, что на третьем налёте взяли, то шухера не будет. Три дня у тебя, Серафима. Потом не говори, что я не предупреждал.

— Я не знаю о чём ты, мент...

Ткачёв ушел, приподняв воротник.

— И где эта улица Советская? — тихо спросил сам себя, шагая в том направлении, куда уехало такси.

Серафима подождала, пока полковник скроется из виду, потом негромко свистнула. Из кладовки в сенях вышел мужчина в ватнике, подошёл к ней.

— Ты всё слышал?

— Да.

— И что думаешь?

— Если мент не врёт и начнётся шухер, то нам мало не покажется. Это факт. А ещё я

знаю, что он у чекистов был перед приездом сюда.

— Думаешь, кто-то из гэбни приедет?

— Если приедет, то нам можно сразу в гроб ложиться и самому себя прирезать. Чтобы не мучиться...

— И что делать-то, Топтыга?!

— Малявы рассылай, Серафима. Говорить будем.

Ткачёв приехал в ГУВД Зареченска в половине одиннадцатого. Дежурный на входе, рассмотрев его удостоверение, встал и отдал честь.

— Проводите меня до начальника, пожалуйста.

— Есть! Сержант, проводите полковника.

Гладышев встретил его в приёмной, поздоровался.

— Мой заместитель сказал мне о вашей просьбе. Мы все подготовили и выделили вам отдельный кабинет.

— Спасибо. Я могу его посмотреть?

— Да, конечно. Личный состав группы соберётся в назначенное вами время. Прокуратуру мы тоже известили.

Кабинет был небольшим, но с большим столом для совещаний. В углу стоял маленький диван и столик под электрической розеткой. Около входа высился двухстворчатый шкаф. Ткачёву кабинет понравился.

— Кто у вас начальник розыска?

— Майор Поплутин. Грамотный офицер, но опыта маловато.

— Хорошо. Я после совещания отъеду на места происшествий, поставьте здесь телефон с выходом на межгород.

— Сделаем, — твёрдо сказал Гладышев, но Ткачёв чувствовал, что ему не терпится что-то спросить.

— У вас есть вопросы? — подтолкнул начальника ГУВД Андрей Викторович.

— Да, — смутился Гладышев. — Из Москвы сказали, что времени у нас осталось мало...

Ткачёв кивнул:

— Это так. Мне выделено три дня на поимку преступников.

— И как вы думаете?..

— Пока никак, — перебил Ткачёв. — Ознакомлюсь с материалами, потом будем думать. И от вас мне потребуется полное содействие. Сколько у вас экипажей?

— Три.

— Мало. Нужно как минимум ещё столько же.

— Но у меня нет машин, людей и связи! Половина ГУВД была снята с должности министром!

— Полковник, простите, но я не прошу, а требую. Я вас понимаю, но о сроках вы слышали. Делайте выводы.

— Понял, — уныло сказал Гладышев и вышел.

К одиннадцати кабинет стал заполняться людьми. Первым пришёл следователь из прокуратуры — полный отдувающийся старик с пышными седыми усами. Не успел он скинуть пальто, как зашли три опера из уголовного розыска.

— Майор Поплутин, — представился коренастый опер с большими серыми глазами. — Начальник розыска. Это два моих подчинённых — капитан Румянцев и лейтенант Нодия.

— Присаживайтесь, товарищи, — пригласил Ткачёв. — Начнем.

Полковник посмотрел на Поплутина, когда все расселись за столом.

— Прошу вас, майор, доложить о расследовании. Материалы, которые я изучил в Москве, не отличались полнотой фактов. Так что, начните сначала — это важно.

Майор прокашлялся, открыл принесённую с собой толстую папку.

— Тридцать первого декабря прошлого года, в семь часов вечера неизвестными было совершено вооруженное нападение на инкассаторский автомобиль. Оба инкассатора были убиты, сумма похищенных денег составила шестнадцать тысяч рублей. Это была дневная выручка центрального универмага. Розыскные мероприятия по «горячим следам» результатов не дали. Нападение было совершено в Северном районе города...

— Карту города разверните, пожалуйста, — попросил Ткачёв.

Оперативники развернули карту.

— Вот здесь центральный универмаг, — майор нарисовал кружок почти в центре города. — А вот здесь произошло нападение, — ещё кружок появился на окраине.

Полковник присмотрелся. Город был разбит на пять частей — Северный, Южный, Восточный, Западный и Центральный районы.

— Инкассаторы везли выручку из универмага уже второй раз за день. Отделение Госбанка, куда они свозили деньги, находится здесь, — небольшой кружок появился на стыке Северного и Западного районов. — Маршрута на вторую поездку разработано не было. Был звонок от директора универмага, что скопилась выручка и её необходимо забрать. Дежурный по отделению Госбанка звонок принял и послал экипаж инкассаторов, пообещав им премию. Сами понимаете... Новый год... праздник...

— Подождите, — задумался полковник. — В компетенции дежурного посылать экипаж повторно? Или это с кем-то согласовывается свыше?

— Мы проверили, всё было в рамках инструкции.

— Хорошо, — Ткачёв пометил для себя в блокноте: «проверить универмаг». — Дальше.

— Две недели мы проверяли наш «контингент» на возможное участие. Но... зацепок никаких не было. Пятнадцатого января этого года произошло нападение на инкассаторов, которые везли зарплату на завод пластмассовых изделий, — карандаш очертил кружок в Восточной части на окраине города. — Были убиты три инкассатора, а преступники завладели суммой в сто девять тысяч рублей. Об этом мы узнали только по звонку главного бухгалтера завода. В назначенное время машина с инкассаторами не пришла, и бухгалтер позвонила в отделение Госбанка. Экипаж на связь не выходил, и позвонили нам. Вернее, дежурному. Это было в час десять после полудня. А машину ждали ровно в полдень...

Ткачёв встал.

— Да, час десять для преступников хорошая фора, — сказал он, проходя за спинами сидящих оперов. — Продолжайте.

— Восемнадцатого января, то есть, позавчера, произошло третье нападение. Что было взято — нам неизвестно, но были убиты два инкассатора...

— Почему неизвестно?

— В отделении Госбанка нам отказались предоставлять информацию. На запрос полковника Гладышева в Москву, нам ответили, что пришлют старшего опера из управления.

— Понятно, дальше.

— Машина направлялась в Южный район Зареченска на завод радиотехнических конструкций. Кстати, личности убитых инкассаторов нам неизвестны. Нападение произошло

вот здесь...

Карандаш скрипнул, очерчивая круг.

— Так, что скажете о характере преступлений?

— Все нападения совершены с применением оружия. При осмотре мест происшествий найдены гильзы от патронов автомата Калашникова калибром семь шестьдесят два, а также гильзы от патронов к пистолету «ТТ». Пули, вынутые из тел, это подтверждают. Мы послали запросы в ближайшие места для заключенных под стражу — не было ли побегов с хищением оружия у караульных. Ответы пришли отрицательные. Ближайшая воинская часть расположена в ста восьмидесяти километрах от Зареченска. Мы и туда послали запрос. Ответ...

— Отрицательный, — кивнул Ткачëв и уселся на стул. — Немного подытожим. Назовите приблизительный состав банды.

— Я, думаю, три или четыре человека. Они не местные, но местность им знакома или изучена.

— А не может быть, чтобы в банде был один из местных? Например, осужденный за разбой и отсидевший срок.

— Простите, товарищ полковник, — следователь поднял руку, как школьник. — Но в последние восемнадцать лет в Зареченске не было дел квалифицированных под разбой. На моей памяти, это первые случаи нападения в городе на инкассаторов. Город небольшой, тихий. Мы на окраине области, а за нами вообще тайга на сотни километров. В город ведут три дороги — одна железнодорожная, две автомобильных. На автомобильных — посты ГАИ, они отслеживают все машины, тем более, незнакомые. На вокзале всегда дежурит постовой...

— Сегодня я его не видел.

— Зато он увидел вас, товарищ полковник. И позвонил в дежурку.

Ткачëв удивился, но не подал виду, только улыбнулся.

— Ладно. Но не призраки же нападали на инкассаторов? И откуда у них автомат?

Поднял руку капитан Румянцев.

— А никто не говорил, что у них есть автомат...

Ткачëв дёрнулся.

— Поясните, капитан.

— Мы выяснили, что гильзы и пули от автомата Калашникова, но то, что стреляли из него — не факт. То же самое и с пистолетом «ТТ».

— Самоделки?! — удивился Ткачëв.

— Да хрен его знает. Вот посмотрите...

Румянцев выложил на карте снимки.

— Я служил в морской пехоте и мне довелось... в общем, неважно. Смотрите, вот первое нападение. Если бы палили из «калаша», то машина была бы в решето, и кровящи по салону. Вот второе нападение. То же самое. А вот — третье. Смотрите у водителя полголовы снесло, и лобовое стекло вдребезги. Мы собрали все пули и гильзы, и количество сходится. С металлоискателем вокруг машин ходили.

— И?!

— Не знаю, — отвернулся Румянцев, стукнув ладонью о стол. — Странно всё это. Я уже голову сломал.

— «Странно» к фактам не приложишь, капитан. Я дам вам телефон, позвоните. Может

быть, эксперты в Москве что-то подскажут.

— А вот это дельно, — оживился Румянцев.

— Хорошо, что это нам даёт? — спросил полковник майора. — Если окажется, что оружие самодельное.

— У нас только один завод, на котором это можно сделать — инструментальный. Мы втихаря осмотрели цеха. Ничего не нашли, но заводское оборудование позволяет изготовить оружие. При должном умении.

— Как одно из направлений поисков, сойдёт, — Ткачёв вздохнул. — Что дал опрос свидетелей?

— Ничего не дал, — ответил Поплутин. — Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Странно, что столько выстрелов, а все, будто глухие. Но и нападения были совершены в безлюдных местах.

— Так что в итоге? — полковник потёр лоб ладонью. — Кстати, приоткрою завесу неизвестности по третьему эпизоду. Инкассаторы везли сорок тысяч рублей для персональных премий сотрудикам.

— Разрешите? — Поплутин явно хотел показать, что не зря служит в розыске.

Ткачёв махнул рукой, разрешая.

— Преступники взяли в итоге сто шестьдесят пять тысяч рублей. По меркам Зареченска это очень большие деньги. Но, если поделить их на четырех или, допустим, трех соучастников, то куш не так уж и велик. Понятно, что преступники осознают — за три эпизода им светит высшая мера. Она им светила уже после первого эпизода, но по какой-то причине они не остановились, а наоборот, стали действовать нагло и самоуверенно.

Майор достал из папки документы.

— Неясно, по каким признакам банда выбирает объект для нападения. Вот справки, по которым видно, что в дни налёта инкассаторы перевозили и более крупные суммы. А если учесть, что все предприятия города расположены на окраинах, и почти ко всем есть участки глухого и безлюдного пути, то преступники действуют, исходя из какой-то непонятной логики. Как партизаны, мать их! Выходят на позицию, возможно заранее подготовленную, и ждут проезда инкассаторов. Уж день зарплаты и аванса на предприятиях узнать не составляет труда...

— Минуту, — перебил Ткачёв. — Первый эпизод, как и третий, не вписывается в вашу версию. Судя по карте, инкассаторы имели три варианта маршрута в первом случае, а в последнем никто не знал, что повезут премию. То есть, в третьем варианте мы имеем явные признаки «наводки» бандитов на инкассаторов.

— Это как? — искренне удивился Поплутин.

Ткачёв усмехнулся, но добродушно, не желая показывать майору его неопытность.

— А так. Кто-то, узнав о выезде инкассаторов на завод радиотехнических конструкций, сообщил об этом бандитам. Мало того, бандитам был известен маршрут поездки. Значит...

— У преступников был уже выработан план нападения, и они находились недалеко от завода, — закончил воодушевленно Поплутин и тут же смутился. — Простите, товарищ полковник.

— Всё правильно, майор, — Ткачёв сделал пометку в блокноте: «прочесать район завода радиотехнических конструкций». — И что всё это нам говорит?

— Честно, не знаю, — Поплутин развел руками. — Преступники ведут себя непоследовательно, хотя имели возможность с одного раза взять солидную сумму и не

подставляться ещё раз.

— Да, — поддакнул следователь прокуратуры. — Очень странные бандиты. Такое ощущение, что они создают видимость разбойных нападений, при этом конечная цель... очень невнятна.

Ткачёв задумался. Прокурорский довольно точно выразился, но если прав генерал Трефилов, то преступники уже взяли то, что им надо — чертежи блоков изделия. Тогда зачем им были нужны первые два нападения? Особенно первое. Шестнадцать тысяч не та сумма, чтобы вот так рисковать!

Допустим, что чертежи и были их целью. Хотя, наверняка эти чертежи есть у западных спецслужб. А что конкретно говорил генерал? Что аналитики смогут понять, над чем работают в нашем ОКБ. То есть, чертежи надо передать аналитикам. Потом они какое-то время будут думать... А потом?

Если разработка не имеет ценности, то группа уходит. А если интерес есть, то?.. В любом случае группа ждёт какое-то время. И у них должна быть связь!

Стоп, стоп, стоп. Трефилов упомянул лето прошлого года. Именно тогда инженеры вышли на какое-то техническое решение. Значит, бандиты должны были прибыть в Зареченск после Олимпиады и как-то легализоваться в городе. Мало того, у них должны быть «свои» люди и на заводе, и в отделении Госбанка.

— Товарищ полковник?

Ткачёв вздрогнул. Все за столом внимательно смотрели на него с беспокойством.

— Извините, товарищи. Задумался.

Он взял лист бумаги и решительно написал на нём цифру «1».

— Товарищ следователь. Необходимо выяснить всех приехавших в Зареченск на постоянное место жительства за период с начала июля прошлого года. Возраст от девятнадцати лет. Особо обратить внимание на вернувшихся из рядов Советской армии. Проследить их трудоустройство. Вам трое суток хватит?

— Вполне, — следователь пригладил усы.

На листе появилась цифра «2».

— Лейтенант Нодия. Вам — центральный универмаг. Выяснить всех кто работал тридцать первого декабря. Опросить и составить их передвижения по магазину поминутно. Под роспись. Задача ясна?

— Так точно.

— Капитан Румянцев, — карандаш скрипнул, выводя цифру «3». — На вас отделение Госбанка. Подключайте начальника, местный партком, да хоть чёрта лысого, но чтобы у вас были списки тех, кто там работал, начиная с тридцатого декабря прошлого года. Особенно диспетчеров инкассации. Если хватит времени, то выясните связи диспетчеров — родных, любовниц, любовников, место жительства и когда устроились. Обратите внимание на то, как устроились — вакансия, знакомство, по распределению. Телефон экспертов в Москве...

Ткачёв быстро написал номер на клочке бумаги, протянул Румянцеву.

— Позвоните немедленно. Пока они будут работать над этим, вы и займётесь Госбанком. Надо будет — выезжайте туда для проведения личных бесед.

— У меня нет допуска.

— Получите разовый. Пусть Гладышев сделает запрос в Москву. В конце концов семь инкассаторов уложили — это не бабкин хрен жрать.

— Есть.

— Майор Поплутин. Сейчас пойдёте к Гладышеву. Категорично попросите усиление постов ГАИ на выезде из города силами милиции. Останавливать все транспортные средства и тщательно досматривать. Так же и владельцев. Если будут очереди из машин — ничего страшного, потерпят. На вокзале чтобы постоянно дежурил экипаж. Всех подозрительных и иногородних проверять, досматривать и составлять объяснение. Для досмотра женщин привлечь инспекторов по работе с несовершеннолетними.

— Не спугнём преступников? Если они ещё в городе, конечно.

— Они ещё в городе. И, наверняка, будет четвёртый налёт. За следующие трое суток нам надо его спровоцировать и вычислить место. Бандиты пойдут из города с боем — им терять нечего. Вам полчаса на составление бумаг по мероприятиям розыска. В двенадцать тридцать жду вас здесь — поедем на места происшествий.

Табачный дым висел над потолком в комнате, не спеша исчезать через приоткрытую форточку окна. Собравшиеся на сходку «авторитеты» Зареченска молча пили чай из самовара и курили. Ждали ещё одного.

— Пятеро одного не ждут, — прогундосил «авторитет» по кличке Хмурый, взглянув на настенные ходики. — Пятнадцать минут уже прошло.

— Ну гунди, — Топтыга подошёл в окно и посмотрел на улицу, приподняв занавеску. Было видно, что «смотрящий» за Зареченском немного нервничает. — Димон, ты сам передавал маляву Цыгану?

— Сам, — Димон чиркнул спичкой, чтобы закурить очередную папиросу.

— С Цыгана потом спросим, — прохрипел очень «авторитетный» на всю страну карманник с кличкой «Мальш». — Топтыга, начинай сходняк, а Серафима за дверью присмотрит.

— Точно, — поддакнул Хмурый. Ему хотелось выпить водки, но на сходняке этого нельзя.

— Серафима, присмотри, — кивнул на дверь в дом Топтыга.

Серафима была старшей сестрой смотрящего, и успела отсидеть одиннадцать лет за воровство, считаясь «воровкой на доверии», но на сходняке её присутствие не требовалось.

— Так, — начал Топтыга, когда Серафима закрыла за собой дверь, — сегодня заходил полкан из Московской уголовки. Ша! — прикрикнул смотрящий, видя, что остальные скривили лица. — Малява была из столицы — мента встретить и с ним поговорить. И пришла от Автондила.

Мальш длинно присвистнул.

— Я знаю, что за полкан. Ткачёв его фамилия. Нашего брата переловил много, но не беспредельничал. А после отсидки даже помогал некоторым.

— И чем он Автондилу помог, что тот за него вписался? — хмыкнул Димон.

— А ты у Автондила спроси, если сможешь, — ответил Мальш.

— Хорош бакланить, — заерзал на стуле Хмурый. — Пусть Топтыга договорит.

— Вот я и говорю, — продолжил смотрящий. — Мент весточку привёз, что последняя делюга на инкассаторах не по нашей масти. Было там что-то, и не для всех предназначалось.

— Гонит мент, — Хмурый достал папиросы. — Что могут везти инкассаторы, кроме денег. У нас чё тут, золотой прииск открыли?

— Мент намекнул, что гэбешный убивец по наши души придёт...

Папиросы выпали из пальцев Хмурого, Мальш стукнул ладонью по ноге, а Димон так вздрогнул, что самовар на столе затрясся.

— За золото и деньги спроса нет, — пояснил Топтыга.

— Во влипли! — прохрипел Мальш после недолгого молчания. — И ведь не отмажешься!

— Я знаю, как гэбня работает, — тихо сказал Димон. — Видел... Ловят первого попавшегося, колят херню какую-то, а потом спрашивают. А под этой ерундой люди чирикают, как попугаи, когда им задницу соломиной чешут. Всех сдают... А когда сдали, тогда в расход...

— Жути не нагоняй, — Хмурый чиркал спичками, но те не загорались.

— Я за слова отвечаю, — привстал Димон.

— Да, тихо вы! — Топтыга стукнул по столу. — Что делать будем?

В ответ, словно издеваясь, табачный смог стукнул форточкой.

— Епт, нездоровый кипеш будет, — Малыш почесал затылок, глядя на окно. — А что полкан ещё сказал?

— Сказал, если выдадут ему то, что взяли, то кипеша не будет.

— Так надо отнести, — Малыш облизал губы. — Мне не в кайф под хернёй чирикать, а потом в могиле гнить. На чей земле инкассаторов в последний раз валили?

— Цыган, твою мать! — отчётливо прошептал Топтыга. — С него надо спросить...

Ткачёв осматривал место первого нападения. Поплутин стоял рядом и показывал — где стояла машина инкассаторов, где валялись гильзы и где были следы. Дорога, где остановили машину инкассаторов, шла от города до отделения Госбанка полукругом, огибая небольшой лес. Было непонятно, почему выбрали именно этот маршрут, хотя буквально в полукилometре проходили ещё две дороги, пусть по не очень людным окраинам города. Сама же территория отделения располагалась в черте города, фасадом как-бы выходя на эту лесную дорогу.

— Майор, карту, — приказал Ткачёв.

Поплутин развернул её на капоте милицейского Уазика.

— Скажите, майор, а вы проверяли в первом случае — по какой дороге быстрее добраться от универсама до отделения банка?

— Да. Быстрее вот по этой дороге, которая как-бы по центру. На той, что мы стоим — средне, но третья — самая длинная. Нам было неясно, почему автомобиль на этом участке притормозил, хотя должен был двигаться с максимально разрешённой скоростью.

— Да, мы упустили какую-то мелочь. Почему инкассаторы не поехали по самой короткой дороге? Это было очевидно. Скорее сдать выручку и отправиться домой. Путь через лес явно опаснее по темноте. Вот, посмотрите на карту. От универсама они выехали вот здесь. По городу через центр можно проехать как угодно, перегородить самую короткую дорогу просто нет возможности. Да даже если бы и была, то только здесь — на середине пути. Но тогда объехать проще и быстрее по самой длинной.

— Н-да, — Поплутин поскрёб подбородок. — Я как-то не учёл этого. Ведь маршрут инкассаторов разрешён на всех дорогах к банку. Но что-то им помешало ехать самой короткой дорогой...

— Это надо выяснить, майор. Ладно, поедem на второе место.

Завод пластмассовых изделий был вынесен за черту города на пять километров, но к нему вели четыре дороги приблизительно равные по дальности от города до завода. Был, правда, один нюанс — три дороги проходили через железнодорожную колею, и были оборудованы на переездах шлагбаумами. В рабочие дни по ветке часто проходили составы, тянущие груз с товарной станции на продуктовую базу и к нескольким другим предприятиям.

— Здесь понятно, — сказал Ткачёв. — Машина с деньгами торопилась, и они не хотели стоять на переездах. Или?..

— Они везли зарплату в два места, — ответил Поплутин. — Но сначала заехали в городскую контору электроснабжения, а потом поехали на завод. В контору везли денег почти в два раза больше.

— А вот это интересно, — задумался Ткачёв.

— Почему?

— Попробуем предположить, что источник информации для бандитов в отделении Госбанка. Начало движения машины происходит строго по времени. Как бандиты могли узнать, что в конторе инкассаторы задержаться? Что инкассаторы будут спешить и, рискуя потерять время на переездах, поедут по дороге без переезда.

— Не знаю. Выходит, что в конторе тоже был источник информации?

— Нет. Это исключено. Слишком много получается источников. Опасно.

— Но тогда как?

— Это тоже придётся выяснить.

Ткачёв пошёл к Уазику, но вдруг остановился.

— Смотрите, майор, какая интересная получается цепочка. Кто-то делает так, чтобы машина с деньгами поехала именно в том месте, где бандиты её ждали.

— Но как? — Поплутин потряс головой.

— Не знаю. Если в первом случае это вообще непонятно, то во втором случае мы имеем зацепку.

— И какую?! — Майор даже остановился.

— Что-то задержало инкассаторов по пути. Причем не от банка до конторы, а от конторы до завода. И эта задержка была запланирована заранее. До выезда машины из банка. И да, конторских надо будет опросить. Поехали на третье место. Возможно, там мы найдем ответы.

Завод радиотехнических конструкций располагался в черте города, но на самой окраине Южного района. Дорог к заводу было много, и все они проходили в довольно безлюдных местах.

— Чёрт, — Ткачёв осмотрел место нападения. — Тут вообще непонятно. Ну, почему выбрали именно этот путь, а не другие? И по времени всё одинаково.

— И денег с гулькин нос, — вставил майор. — Относительно второго нападения.

— Да, — согласился полковник.

Он был почти уверен, что третье нападение было не случайным — машину ждали и знали, что в ней везут. Но в каком месте произошла утечка информации, и как бандиты эту информацию получали? По времени надо было реагировать очень быстро. Три или четыре мужика, выходящие из дома с сумками, очень заметны. Значит, у них наверняка есть автомобиль. И человек за рулем прекрасно знает город.

— Майор, у вас в управлении есть столовая?

Поплутин отрицательно покрутил головой.

— В городе есть. Но, может, ко мне заедем? Моя жена хорошо готовит.

— Спасибо, но мне надо побыть одному — подумать. И поесть. Попросим водителя завести меня в столовую, а потом он отвезёт вас домой.

— Хорошо, товарищ полковник.

Поплутин сделал вид, что не обиделся.

Ткачёва подвезли к двухэтажному зданию с вывеской «Дом быта».

— Майор, соберите группу к семи вечера. Будем обобщать результаты, — распорядился он, выходя из машины. — В следователе необходимости нет, но вы забежите к нему за справками. И в контору электроснабжения загляните. Попробуйте узнать причину задержки там инкассаторов.

Увидев, что Поплутин хмуро кивнул, добродушно добавил:

— И не обижайтесь, прошу вас. Найдем банду, я обязательно загляну к вам на обед.

Майор от этих слов, будто оттаял. А до этого сидел напряженный и холодный, как айсберг.

— Договорились, Андрей Викторович.

Столовая была небольшой, посетители заходили и, наспех перекусив, убегали по своим делам. Ткачёву пока некуда было спешить. В его голове вырисовывалась общая картина преступлений, но не хватало нескольких ответов на вопросы. Были бы живы инкассаторы, то он сразу бы эти ответы получил.

Размеренно и чинно кушая солянку, Андрей Викторович постарался собрать единую цепочку событий. Бандой налётчиков явно руководил кто-то весьма неглупый и в отделении Госбанка у него был свой человек. «Почерк» нападений говорил о том, что налётчики не простые уголовники, а умелые бойцы, превосходно применяющие оружие и умеющие маскироваться в городских условиях. У них есть налаженная связь и «нора». Может быть даже — несколько. В таком городе, как Зареченск, сделать это нетрудно. Помимо индивидуальных домов, в городе были ряды сарайчиков и погребов, раскиданных по всем окраинам. Группа явно легализована и приблизительно в ней пять человек. Не меньше. Это сам главарь, водитель, двое бойцов и осведомитель из банка. Или... осведомительница. Причем, это самое слабое звено, которое, в принципе, свою роль отыграло. Если главной задачей было получение копий чертежей.

Первый налёт был простой тренировкой. Проверкой взаимодействия. И, конечно, бандитам нужны были деньги. Причём, срочно. Скорее всего, им надо было что-то купить, например, машину. Это хорошая версия. Или одарить чем-нибудь дорогим источник в банке.

А вот теперь стоп. Вопрос, наверное, самый главный в этой истории — как западные спецслужбы вышли на инженеров-радиотехников? Каким образом из этого провинциального города ушла информация о разработке какой-то принципиально новой конструкции? Это один из ключевых моментов, который сможет объяснить поведение налётчиков. Либо они сделали своё дело и, зачистив следы, уйдут из города. Либо ждут сообщения о том, что делать дальше. Но если они хорошо легализованы, то уходить из города нет смысла. Что в этом случае они будут делать? Будут аккуратно замечать следы в любом случае. В первую очередь источник в банке, во вторую — водителя. Как бы поступил умный главарь, чтобы начисто оборвать все ниточки к себе? Убрать всех. Задача непростая, а решать её надо в один день, иначе вероятность того, что на него выйдут — очень велика. Мелкий след всё равно останется.

Ладно. Дальше.

Второй налёт — это тщательно спланированная акция по добыче денег. Причем такой суммы, чтобы хватило на что-то такое очень нужное. Заодно пустить розыск по уголовному следу и сбору информации. Но зачем так себя подставлять? Или... это какая-то «игра» между спецслужбами? Например, вынудить КГБ обозначить предмет, над которым работают инженеры. Эта версия очень «на тоненького».

В третьем налёте масса «тёмных пятен». Вот зачем гэбисты попёрлись изображать из себя инкассаторов? Только одно объяснение — выманить бандитов на себя. Но у них не было времени основательно подготовиться к операции, и они импровизировали по обстановке. Это многое объясняет.

Ткачёв доел солянку и ковырнул вилкой котлету. Слегка насытившись, он приподнял голову, задумчиво глядя в побеленный потолок.

Какая-то загвоздка мешала ему понять — ради чего в Зареченске произошли эти события. Он привык мыслить, исходя из логики. Уж если уголовники идут на разбой, то идут за большие деньги. Вот, например, как во втором эпизоде — деньги не такие великие, чтобы рисковать по полной. Ведь инкассаторы тоже могли стрелять на поражение. Что помешало информатору слить бандитам более крупную сумму при перевозке?

Котлету и пюре из картошки есть расхотелось. Ткачёв тяжело вздохнул и отхлебнул компот.

— Мил щеловек, ты котлету не будешь?

Полковник дернулся от неожиданности и увидел рядом с собой стоящего старика. Потертый, выцветший плащ, съеденная молью шапка и густая седая борода. От старика резко пахло старостью. Таким кислым резким запахом старой кожи, потерявшей молодую свежесть гормонов.

— Отец, может быть, ещё что-то хочешь? Я возьму...

— Шпасибо. Котлеты хватит. Хлебушку бы ешо кусочек.

Ткачёв сходил на раздачу, взял три куска хлеба, положив недовольной видом старика кассирше три копейки.

— Кушай, отец. Что, пенсии маловато?

— Денежка есть, токмы готовить некому. Ты не ешь, так не пропадать же шпродукту. Экономия.

Старик многозначительно поднял скрюченный палец.

— Экономия, говоришь?

— Конечно. Што зазря шпродукт переводить.

Котлета с пюре и куски хлеба быстро исчезли.

Старик отряхнул с бороды крошки и тихо произнёс:

— Нужда есть, мил щеловек. В девять к тебе с приветом приду от Хмеля. Уж не пужайся.

И шустро встав, вышел из столовой, хромая на правую ногу.

— Еттить его мать, — громко ругнулась кассирша на раздаче. — Вот перед Олимпиадой всю шушеру из Москвы выгнали, а они разбрелись по городам.

Ткачёв невесело усмехнулся. Правды в словах кассирши не было. Зато была огромная работа шестого управления МВД СССР. В начале восьмидесятого года полковник встретился с Автондилем.

— Слушай, Макакыч, — со смехом сказал Андрей Викторович, коверкая отчество смотрящего. — Тут такое дело. Знаешь же, что в столице скоро Олимпиада.

— А нас это каким боком касается? — спросил Автондил, совершенно не обидевшись на Ткачёва.

— Пришло распоряжение весь так называемый неблагонадёжный элемент отослать из столицы за сто первый километр. Пойдут повальные облавы с привлечением чекистов и военных.

Автондил задумался. Эта новость уже бродила в слухах, но подтверждения не имела. Но Ткачёву он верил. А ещё знал, что просто так ничего не бывает. После олимпиады в Москве начнётся передел в воровских кругах.

— Что предлагаешь, Викторыч?

— Ты же авторитет, Автондил. Собери сходку, скажи своим, чтобы затихарились на время. Пусть милиция залетных почистит. И своих сохранишь, и ещё больше авторитета

поймешь.

В словах Ткачёва было разумное решение. Но как воров вразумить? Столичный вор — это особая каста, к нему на дохлой козе не подъедешь.

— Допустим, я собрал сходку. Что я им скажу?

Полковник мечтательно прикрыл глаза.

— Потряси общаком, Автондил. Раздай вора́м на нужды. А кто ослушается, того... сам знаешь, что сказать.

— У меня не Госбанк, — надулся смотрящий. — Да и не решаю я такие вопросы в одиночку.

— Вот и собери сходку. Нужные слова найдешь.

Автондил ещё больше задумался. Сходку собрать было непросто, но возможно. А несогласных потом аккуратно сдать Ткачёву. А несогласные всегда есть.

Но тут дело другое. Власть предлагает вора́м компромисс, и надо быть полным идиотом, чтобы на него не пойти.

— Ладно, — согласился смотрящий. — Я потом цынкану, где сходка соберётся. Ты же знаешь, что надо сделать, Андрюша?

Полковник понял, что Автондил хочет от него. На сходке нельзя никого брать, тогда начнётся стрельба, но послушать разговор можно. И несогласных с мнением Автондила тихо и аккуратно убрать. И лучше без следа. Их будет немного — от силы два три вора, которые метят на место Автондила. Их надо будет грамотно подставить.

Операция прошла успешно.

Андрей Викторович вышел из столовой на улицу, покрутил головой. Старика видно не было.

«Какой шустрый агент», — усмехнулся про себя полковник и решил все-таки доехать до адреса, который ему дали для проживания. После того, как он утром вышел из дома смотрящего, у него не было возможности заглянуть туда.

Улица, где стоял Дом Быта было оживленной. Сновали в разные стороны люди, машины и автобусы, оглашая морозный воздух звуками работающих моторов и скрипом снега под шагами. Показалась желтая машина с пашечками. Полковник заспешил к краю дороги, вытянув руку. Такси лихо отреагировало на его жест, припарковавшись.

— Советская дом два, — сказал таксисту Ткачѐв, и «Волга» загудела мотором.

— Не местный будешь? — спросил таксист, поглядывая в зеркало.

— Да, командировочный.

— Таких много в последнее время, — таксист был явно словоохотлив. — Город заметно расширился, строится. Новых предприятий настроили. Специалисты везде нужны.

— Это да, — незаметно для себя подтвердил полковник. — Такси тоже больше стало?

— А то! Года два назад с десятков машин было. А сегодня раз в пять больше. Целый гараж выстроили, с мастерскими. Вот хотели сделать машины по вызову. Это когда заказываешь такси по телефону. Удобная вещь. Надо тебе на поезд, например, завтра. А ты сегодня звонишь и машину к определённого времени заказываешь. Вещички взял, вышел из дома, а уже и такси стоит!

— И что, сделали?

Таксист сморщился, мельком взглянув на Ткачѐва.

— Тут, понимаешь, телефонная станция у нас маловата. Отдельный телефон диспетчеру нужен, а то и два. Зарплату им выделять. Мы же на сдельщине. Мысль-то хорошая... Мы подумали, и решили клиентам номер в гараж давать — механикам. А они нам заказы и передают. Ну, мы с ними чаевыми делимся, складываемся. Народ-то за сервис накидывает немного к счётчику.

— А начальство как на это смотрит?

— А что начальство? Начальству план нужен. А мы его даже перевыполняем.

Машина выехала на окраину Зареченска, потянулись одноэтажные домики.

— Вот, приехали.

Ткачѐв дал таксисту рубль, несмотря на то, что на счётчике не было и восьмидесяти копеек, а взамен получил клочок бумаги с номером телефона.

— Вы это... Звоните, если машина будет нужна.

Улица Советская начиналась прямо под ногами вылезшего из машины Ткачѐва и уходила вглубь роскошного соснового леса. Домики стояли за невысокими заборами аккуратные, прямо как с картинки. С забора на правой стороне от полковника блестела чистотой табличка «Советская, д.2». Он посмотрел налево и увидел калитку под резной деревянной аркой.

— Мне туда за ключом, — вслух сказал Ткачѐв, удивляясь тишине.

Он постучал в калитку два раза, но никто не вышел ему навстречу. Полковник развернулся и уже хотел уйти, как столкнулся с женщиной.

— Простите, — Ткачев поднял выпавший из её пальцев ключ. — Я вас не видел.

Женщина была молода. Прядь русых волос выбивалась из-под ажурного пухового платка, чуть скрывая прищуренный глаз. Уголок умело покрашенного рта изящно изогнулся удивленной улыбкой.

— Ничего. Бывает, — её грудной приятный голос не потревожил тишину улицы.

— Я ищу Марию, — поспешил сказать полковник. — Вы её знаете?

— Знаю, — она взяла ключ с его ладони. — Это я.

Ткачёв потоптался перед ней, потеряв дар речи. Потом, собравшись с духом, объяснил своё появление:

— Мне сказали, что я у вас могу взять ключ от дома... Напротив.

Брови Марии сошлись к переносице.

— Вы, наверное, из Москвы?

— Да, да, — закивал обрадованно полковник. — Мне Автондил...

— Хорошо, — не дав ему закончить, она показала ключом на калитку. — Разрешите, я открою.

Он посторонился, смутившись.

— Ещё раз простите.

Мария открыла калитку, взглянув на Ткачёва насмешливо, протянула руку под козырёк навеса и достала связку ключей.

— Маленький от калитки, длинный от входной двери...

— Спасибо.

Калитка перед ним закрылась, и раздался щелчок задвижки. Ткачёв постоял ещё немного, затем шагнул к «своему» дому.

Зайдя внутрь, осмотрелся.

— А неплохо здесь живут! — сказал он, рассматривая богатое убранство.

Современная мебель, ковры, большой телевизор и на прикроватной тумбочке... телефонный аппарат. Подняв трубку, убедился, что телефон работает.

В доме было холодно и Ткачёву пришлось затопить печку. Небольшие полешки тут же занялись весёлым огнём, и полковник присел на стул, протянув руки к огню. Вообще было странно, что Автондил проявил такое участие. Будто в расследовании у него умелся некий интерес. Ткачёв хорошо знал воровскую «публику» — они ничего просто так не делают, особенно те, кто стоит «наверху». Можно было закрыть дом и отдать ключи Марии, но Андрей Викторович вспомнил, что агент придёт к нему на встречу именно сюда. Он совсем не поверил, что тот старик в столовой и есть агент. Это был лишь выход на связь.

Разговор с агентом мог многое прояснить. В первую очередь причину возникновения в Зареченске вооруженной банды. Это было очень важно. Понятно, что генерал Трефилов не стал в кабинете раскрывать все карты. Это было бы опрометчиво. Но как только Ткачёв «влез» в это дело, то, наверняка, что-то накопал. И сегодня вечером будет обмен информацией, если агент решит, что это приблизит к полному расследованию и поимке преступников.

Весьма возможно, что не все преступники должны быть взяты и кто-то должен незаметно «уйти от наказания». Каким образом — это только на усмотрение агента. У КГБ свои игры с иностранными разведками. Но преступников надо найти для начала.

Ткачёв невольно рассчитывал на помощь местных «авторитетов». Они точно знают всех «своих» в городе и, опасаясь террора со стороны КГБ, сдадут преступников, если узнают, кто

совершал налёты. А уж если это какие-то «залётные», то и подавно.

Полковник преследовал в этом случае две цели. Первая — если налетчики из местных уголовников или приезжих, то в Зареченске не будет больше крови. Денег полковник не найдёт, но преступников ему преподнесут на блюдечке. Вместе с чертежами. В этом плане уголовники щепетильны — денег у государства украсть можно — не запахло, но разбойным путем получить секреты государства — значит подставить себя под удар КГБ. А гэбистам вообще пофиг какой ты масти, и какой ты «авторитет» — хлопнут при задержании, и никакого геморроя. Да ещё и потрясут хорошо всю уголовную «рать».

Вторая — если преступники не местные уголовники, а пришлые со стороны фраера, то уголовники их сами прирежут. Тихо так вычислят и тихо толпой успокоят. Или тихо сдадут розыску.

А пока непонятно, что представляет банда. Хуже всего будет, если это не уголовники, а засланные и устроившиеся легитимно спецы. Но местные и это вычислят по оружию, а может быть, и вычислят «нору», где банда спряталась. Вот тогда будет много крови. Чего Ткачёву совершенно не хотелось. Но, скорее всего, крови не будет. Местные шепнут и спрячутся так глубоко, что и не достать.

Интерес Автондила к этому делу полковника немного напрягал.

— Милый, а ты когда ещё раз придёшь?

Пышногрудая брюнетка томно развалилась на широкой кровати, провела пальцем по оголенному бедру.

— Не знаю, — улыбнулся Цыган. Он уже оделся после бурной и продолжительной любви, но вид обнажённой груди и пухлого бедра не давал уйти.

Внезапно раздался шорох, и глаза брюнетки в страхе расширились. Цыган хотел обернуться, но получил сильный удар по затылку. Падая, увидел, как его Милашку накрывают с головой одеялом.

Послышались два негромких хлопка, и грудь брюнетки колыхнулась, выплескивая брызги крови. После третьего хлопка Цыган почувствовал, что по его голове будто ударили чем-то острым и горячим. Он хотел крикнуть, но не смог. Острая боль пронзила всё тело, а глаза накрыла черно-белая сверкающая пелена.

Дом быстро прогрелся. Ткачёв закрыл заслонку и встал со стула.

Он уже закрывал дверь, как в его калитку сильно постучали.

— Кто там? — крикнул полковник, торопливо проворачивая ключ.

— Это я — Серафима...

Ткачёв подбежал к калитке, чувствуя беду. Открыл.

— Слышь, полковник, — зашептала женщина. — Тут одного нашего завалили наглухо. Он у своей мартышки был. И её тоже. Ты же про три дня говорил! Что за херня?

— А как вы узнали, что завалили?

— Топтыга пришёл, чтобы спросить с него. А там два трупа.

— Чёрт! — выругался Ткачёв. Неужели агент начал действовать?! Быть такого не может. — Кого завалили?

— Цыгана. Цыганков Антон Иванович. Мартышку его вроде Милой звали. Там местная уголовка уже суету навела.

Ткачёв быстро закрыл калитку.

— Поплутин приехал? Или Румянцев?

— Нет. Шмелёв приехал и с ним ещё двое. Потом эксперты подтянулись вместе с

грузином — лейтенантом. Поплутина и прокурорского ждут.

— Машина есть?

— Да. Пойдем скорее.

Они добежали до такси. Шофером оказался тот самый мужик, что вёз полковника с вокзала.

— Так что Топтыге передать?! — испуганно спросила Серафима, не садясь в машину.

— Скажи, чтобы спрятались пока и носа не высовывали. Мутно всё становится. Очень мутно...

Машина рванула вперед, зарываясь колёсами в снег. Таксист рулил, сжав губы.

Резво покрутившись по улицам, такси остановилось у двухэтажного дома на окраине. Во дворе стояли три милицейских Уазика.

— Автондил недоволен будет, — глухо сказал шофёр.

— Я разберусь, — огрызнулся Ткачёв. — Позвоню...

Полковник выскочил из такси и вбежал на второй этаж подъезда, у которого стояли милицейские машины. У распахнутой двери в квартиру стоял Шмелёв.

— Товарищ полковник?! — удивился он. — А Поплутина ещё нет. Вы разве не с ним?

— Нет. Я обедал в столовой, потом пошёл пешком в управление. Майор домой обедать уезжал.

— Вам дежурный про убийство сказал? Соседка в управление позвонила — увидела, что дверь открыта. Дежурный Поплутина не нашёл и доложил мне. Я вызвал следователя.

Ткачев пропустил ответ о том, как он здесь оказался, и как узнал об убийстве, а Шмелёв и не настаивал.

— Я посмотрю? — полковник шагнул в квартиру и первое, что он почувствовал — это резкий запах отработанного пороха. — Василий Ефимович, здесь телефон есть?

— Да, у соседки.

— Преступники не могли уйти слишком далеко. Организуйте перехват.

Шмелёв застыл.

— У нас нет подобного опыта. И машин всего две на данный момент.

— А под окнами чьи стоят?

— Одна это наряда с которым я приехал, вторая — это лейтенант Нодия с группой экспертов, третья — прокуратуры.

Ткачёв нетерпеливо взмахнул рукой.

— Звоните в управление. Пусть одну машину высылают по маршруту окраины этого района, а сами, вместе с нарядом попробуйте объехать все близлежащие улицы. Останавливайте всех подозрительных, но будьте предельно внимательны. В машинах есть радиостанции?

— Нет.

— Чёрт знает, что такое! Лейтенант Нодия! — крикнул Ткачёв в глубину квартиры.

Молодой лейтенант выскочил из комнаты.

— Возьмите одного бойца из наряда, садитесь в машину экспертов и прочешите улицы по границе этого района с другим. Я здесь всё осмотрю. Приедет Поплутин, я поставлю ему задачу. Выполняйте. И будьте осторожны!

— Есть, — Нодия побежал вниз.

— Василий Ефимович, не стойте столбом, действуйте, — скомандовал Ткачёв, и Шмелёв будто проснулся, тут же метнувшись в квартиру соседки.

Полковник зашёл в комнату и увидел тела и кровь. И размеренно работающих экспертов.

— Что скажете?

Один из экспертов взглянул на Ткачёва с явным одобрением.

— Женщина убита двумя выстрелами в грудь. Точно в сердце. Мужчине выстрелили в затылок. Что странно — следов пороха почти нет. Документы убитых на столе. В первом приближении — работали двое, максимум — трое. Очень быстро. И совсем недавно.

— Гильзы?

— Всё есть. Сейчас сфотографируем, потом соберём.

Послышался шум на лестнице и в квартиру забежал запыхавшийся Поплутин. Увидел Ткачёва.

— Я...

— Потом, — прервал его полковник. — Приведите соседку, майор. Быстро.

— Ага, — кивнул тот и, стукнувшись о косяк плечом, выскочил на площадку.

Через минуту он привел маленькую испуганную женщину, закутанную в платок.

— Майор, идите на первый этаж, опросите соседей. Потом в соседний дом. Не может быть, чтобы никто ничего не видел и не слышал.

— Ага, — снова кивнул Поплутин и побежал на первый этаж. А Ткачёв наклонился к соседке:

— Что тут было?

— Я не знаю, — затрясла она головой. — Я сидела на кухне, радио слушала. Потом какой-то громкий шум на лестнице. Я к двери-то подошла, прислушалась. Ничего. Я опять на кухню. Ну, когда передача кончилась, я и выглянула в коридор. А в нем запах такой и дверь к Милке открыта. Я зашла, а там...

Соседка сморщила лицо, собираясь разреветься.

— Ну, ну, — дотронулся до её плеча Ткачёв. — Скажите, вы никого не видели?

Она смахнула слезу.

— До кого я увижу? Быстрее к себе забегла, да к телефону. Номер-то не сразу набрала, эвон руки до сих пор трясутся...

— Ладно, вы успокойтесь, — сказал полковник, заметив поднимающегося по лестнице майора. — Я с вами ещё поговорю...

Поплутин подошёл, развёл руки в стороны.

— Мистика какая-то, товарищ полковник. На первом этаже никто ничего не слышал. Они только сейчас заметили, что машины во дворе разъезжаются. Сказали, что у Милки часто грохот в квартире — любила она, знаете ли, побегать...

— Куда побегать?!

— Ну, это... От мужиков бегают перед постелью... Играет как-бы...

— Это они сами видели?!

— Звуки, говорят, такие. Смеётся, кричит, мол, поймай меня. Топот там, стулья двигаются, а потом... стук кровати и ахи вздохи... Игривая такая, женщина... Нравилось ей.

— Чёрт! — прошептал Ткачёв, а майор заглянул в комнату, поздоровался с экспертами.

Потом вернулся, вздохнул:

— Цыгана завалили. Теперь шуму не оберёшься. Что происходит-то, Андрей Викторович?

— Это у вас надо спросить, майор, — нервно ответил полковник, но тут же взял себя в

руки. — Простите за резкость. Закончите здесь, собирайте группу в управлении. С соседки показания возьмите. Следователь пусть тщательно всё опишет, до мелочей. Проследите.

— Слушаюсь...

Ткачёв вышел на улицу. Странно. Стреляли три раза, а никто не слышал. В этом городе все глухие что ли? Соседка слышала шум — это явно уголовники за Цыганом приходили. Быстро заглянули, увидели, понюхали и убежали. Чтобы милиционеры не схватили. Сказали Серафиме, а та прибежала к Ткачёву. Как быстро у них всё! Значит, Топтыга подумал, что Цыган всю муть заварил. Но кто-то Цыгана очень ловко и быстро убрал. А кто знал, что Топтыга на него думает? Местные уголовники — больше некому. Так, ещё хуже запутывается история. Или агент начал действовать. По почерку, конечно, больше на гэбистов похоже. Но он-то как узнал? Схватил первого попавшегося уголовника и «разговорил» его? Тогда на один труп должно быть больше. Но совершенно не похоже, чтобы с Цыганом кто-то разговаривал. Пришли — убили и ушли.

У Ткачёва разболелась голова. Если бы не этот агент КГБ, мать его, то было бы понятно с чего начинать. Или нет? Собранной информации итак мало, а тут ещё убийство Цыгана. Но оно явно вписывается в историю с нападениями на инкассаторов. Цыган что-то знал, или неким боком был к этому причастен. Иначе бы его не стали так убивать. Или просто хотят следствие пустить по ложному пути, взвалив всё на местных уголовников. Пока Поплутин и его «орлы» будут ковыряться с Цыганом, наталкиваясь на противодействие уголовников, банда уйдет из города.

Чёрт! До чего умный этот главарь!

Стоп. Раз пошла «зачистка», то надо срочно искать информатора в отделении Госбанка и шофёра. Их будут убирать следующими. Во всей этой ситуации ясно одно — банда ещё в городе. Значит, что-то ждут.

В голову Ткачёва залетела шальная мысль — а что если, пока есть время, прокатиться до парка городского такси? Кто как не таксисты хорошо знают город? И машина всегда на ходу, и телефон у механиков... Вот тебе и мобильность группы, и связь! Версия, кстати, очень хорошая. Тогда сейчас туда нельзя — можно спугнуть. А то, чего греха таить, и пулю схлопотать. Нужно приличный предлог найти, типа, кто-то из соседей в момент убийства Цыгана слышал шум мотора такси. Тогда и к диспетчеру можно подойти, да и к механикам заглянуть. Кстати, а у механиков не может быть оборудования для изготовления оружия? Вполне может. Хорошо.

По предварительной версии имеем такой состав банды — главарь, шофёр, два исполнителя, о чём говорит убийство Цыгана, и наводчик из банка. Если шофёра и наводчика можно вычислить, то главаря и исполнителей — пока никак. Но наводчик точно знает главаря, а шофёр — исполнителей. Шофёр им ещё понадобится, а вот насчёт информатора в Госбанке... Это будет следующей мишенью. Если только главарь и наводчик не одно и то же.

Ткачёв смотрел на унылые лица оперативников. Их состояние можно было понять. С приездом полковника они подумали, что опытный сотрудник розыска аж из самого главного управления, как по мановению волшебной палочки найдет преступников, и все получают награды. А тут с его приездом ещё больше хлопот прибавилось.

— Товарищи, оставим пока убийство Цыганкова, — полковник вынул лист бумаги, на котором утром делал пометки. Лейтенант, вы были в универмаге?

— Да, — Нодия развернул блокнот. — О том, что приедут инкассаторы, знали многие

— директор снимала кассы ещё до закрытия магазина. То есть, продавцы, бухгалтер, товаровед и директор. Всего восемь человек. Уборщица не знала, она пришла после отъезда инкассаторов. Звонок директора в Госбанк слышали двое — бухгалтер и старший продавец. Они вместе и решали — вызывать машину, или выручку оставить в сейфе. Решили, что надо вызвать. Сторож в магазине — старик, хоть и бойкий. И директор универмага решила, как говорить, от греха подальше.

— И каков ваш вывод, лейтенант?

— Отправка выручки не была запланирована руководством универмага. Кабинет директора запирается на ключ, а телефон только у неё. По словам продавцов, директор постоянно находилась в торговом зале — работы было очень много, и она помогала отпускать товар и даже садилась на кассу. В общем, наводка банды кем-то из универмага маловероятна.

— Что же, товарищи, — Ткачёв поднялся и подошёл к окну. — По всей видимости, наводки банды на инкассаторов шли из отделения Госбанка. Капитан, слово за вами. Что у нас по оружию и по сотрудникам отделения банка?

Румянцев нервно дернул головой и положил на стол папку, которую принёс. Развернул её, доставая бумаги:

— Первое — по оружию. Эксперты из Москвы на основании моих устных данных предположили, что преступники пользовались прибором бесшумной стрельбы, изготовленным в заводских условиях. Я попытался отправить материалы в Москву, но на запрос требуется подпись начальника ГУВД. Гладышева сегодня нет целый день — он на заседании городского партбюро ещё с утра. Шмелёв не взял на себя такую ответственность...

— Понятно. Дальше... Хотя, подождите. Вы же говорили, что знакомы с приёмами ведения боя. Что вы скажете? Ваше мнение.

— Глушитель в основном используют спецслужбы, — капитан заметно нервничал.

Нодия удивленно свистнул, и Поплутин взглянул на него с укором. Ткачёв кивнул, сжав губы. Положение осложнялось тем, что он должен был скрывать участие КГБ в расследовании, но оперативники Зареченска могли сами сделать вывод. Собственно, они к этому уже подошли вплотную. Полковник оторвался от просмотра мутного стекла на окне и повернулся к оперативникам.

— Товарищи, не будем пока делать поспешных выводов. Давайте, по возможности, соберём как можно больше фактов. Капитан, продолжайте...

— Я был в отделении Госбанка, но с сотрудниками мне поговорить не дали. Допуска у меня нет. Все увещания начальника первого отдела результатов не принесли — требовалось, опять же, распоряжение сверху. Фактов же причастности кого-то из служащих отделения к разбойным нападениям у нас нет. Об этом и сказал Шмелёв, когда я вышел на него с просьбой надавить на руководство отделения банка.

— Чёрт, вся эта волокита замедляет расследование, — горячился Поплутин.

— Вы правы, майор, — Ткачёв подумал, что надо позвонить в Москву начальству. С него требуют, а руки связаны. — Капитан, а вы не осмотрели отделение снаружи? Может быть, вам пришла на ум какая-то мысль?

— Нет, товарищ полковник. Я взглянул, конечно, но увидеть какую-то зацепку не смог. Больше времени ушло на препирание с первым отделом и разговором со Шмелёвым. Я поехал в городской райком партии, чтобы поговорить с Гладышевым, но меня не пустили на

совещание. Только время зря потратил...

Ткачёв опять задумался. Оказалось, что в Зареченске машина согласования слишком неповоротлива. Убийство семи инкассаторов не повод для беседы сотрудника уголовного розыска со служащими банка. Или кто-то намеренно тормозит расследование. Надо привязать убийство Цыгана и его Милки к разбойным нападениям, тогда, может быть, номенклатура зашевелится.

— Майор, я так понимаю, что вы не донесли до Гладышева мои пожелания для усиления ГУВД? И обратившись к Шмелёву тоже получили кивок в сторону начальника?

— Так точно.

— Понятно. Совещание в парткоме ещё идёт?

— Не знаю. Когда я выезжал на убийство Цыгана, то ещё шло. И чего они там целый день обсуждают?

Румянцев криво усмехнулся, но смолчал.

— Капитан?! — взглянул на него полковник, заметив короткую усмешку.

— Товарищ полковник, это только мои домыслы, — округлил глаза Румянцев.

Ткачёв качнулся с пятки на носок, сжав губы:

— Я так понимаю, что вы, капитан, работаете в этом городе дольше всех нас, вместе взятых. Расскажите нам о своих домыслах... Неужели вы с друзьями, — он показал кивком головы на майора и лейтенанта, — не обсуждали сплетни? Вы же, товарищи, опера. А сплетни — это информация.

— Ладно, — Румянцев провел ладонью по столу. — Гладышеву осталось до пенсии совсем немного. Конечно, он хочет выбить после увольнения со службы себе местечко потеплее. Они друзья с председателем городского райкома партии. И ещё ходили слухи, что нашего «партайгеноссе» переводят в Москву. Вот, скажи, Саш, — он посмотрел на Поплутину, — что Гладышев говорил на совещании по поводу инкассаторов?

— Да, какие-то общие фразы, — ответил майор. — Типа, действуйте, как хотите, но ко мне особо не приставайте. Даже Шмелёв удивлялся. У зама вообще нет никаких связей по городу. Не наработал ещё, а тут ему чуть ли не всё руководство отдают, да в условиях, когда половину ГУВД разогнали, а новых людей не взяли. На такой город всего три патрульных экипажа. Кому сказать, так никто не поверит. Заместитель начальника ГУВД выходит дежурным по городу чуть ли не через день!

Ткачёв уже не слушал оперов, они наперебой загалдели, обсуждая свои взгляды на то, что теперь творится в милиции Зареченска. Ему пришла в голову мысль, что бойцы из банды могут быть бывшими милиционерами. Тут и мотив, и сноровка. Наверняка какого-то выгнали из ГУВД с нехорошей характеристикой. Кстати, бывший милиционер и подозрения особого не вызывает, а наоборот — жалость и сочувствие. И они знают, как работает местная милиция. И ещё, наверняка, они хорошо знают местный контингент уголовников и работяг из такси.

Эта версия показалась Ткачёву просто шикарной. Она многое расставляла на свои места.

— Так, товарищи! — он стукнул по столу и когда все замолкли, тихо приказал: — Майор, пишите рапорт на имя начальника о тех мерах, которые мы согласовали утром. В двух экземплярах. Мы не дадим Гладышеву самоустраниться от текущих дел. Капитан, вы завтра поедете со мной в отделение Госбанка. У меня допуск есть. Лейтенант, вы ноги в руки, и поезжайте в городской таксопарк... — Ткачёв секунду соображал, — вместе с

капитаном. У механиков гаража есть телефон, на который они принимают заказы. Выясните всех, кто за последний месяц из таксистов на них выезжал, и распишите по дням. Скажете, что это нужно для расследования убийства Цыгана. Мол, соседи слышали звук мотора и видели машину такси. Капитан, вы там покрутите носом у механиков, посмотрите их оборудование, инструменты и станки на предмет изготовления глушителей для оружия. Вопросы?

— Нет. Нет.

Румянцев и Нодия сорвались с места.

— Слушайте, майор, — Ткачёв присел напротив Поплутина, когда Румянцев и Нодия выскочили за дверь кабинета. — Я не могу вам рассказать всё, но мой приезд сюда вызван не только нападением на инкассаторов.

— Я заметил, — пробурчал Поплутин. — Что от меня нужно?

— Немного. Вы можете составить списки сотрудников уволенных из вашего ГУВД за последние полгода?

— Думаю, да.

— А заодно, и списки тех, кто принят на службу за эти полгода.

Поплутин немного подумал.

— Без проблем. А, позвольте поинтересоваться, зачем?

— Просто составьте. Думаю, что после нашего посещения отделения Госбанка, многое встанет на место.

— Хорошо, — пожал плечами майор.

— А теперь расскажите, что там было на квартире.

Поплутин достал копию описи места преступления и снимки.

— Вот смотрите. Непосредственно в комнате работали двое. Один — двумя выстрелами убил любовницу Цыгана, а второй — выстрелом в затылок самого Цыгана. Женщине перед убийством накинули на голову одеяло, а Цыганкову сильно врезали по затылку. Но, судя по отпечаткам следов, был ещё один. Натоптали там серьёзно, но эксперты наши, предположив. Тот третий стоял в коридоре, наблюдая за площадкой и оружием задел дверной косяк изнутри.

— Ничего не взяли?

— Установить трудно. Но судя по скорости работы и сумме денег в кармане пиджака Цыгана, то нет. У любовницы на видном месте стояла шкатулка с золотыми украшениями. В ней этих украшений, что в оружейной палате Кремля. И денег две тысячи.

— Понятно. Быстро убили и быстро ушли. А ведь к Цыгану уже шёл Топтыга для разговора.

— А вы откуда знаете?!

— У меня свои источники.

Поплутин усмехнулся.

— Вас ещё в городе и суток нет, а уже источники...

— Не обижайтесь, майор. Просто примите это, как данность.

Но Поплутин обиделся, принимая в расчёт отказ Ткачёва пообедать у него дома.

— Александр Владимирович, перестань дуться, как мальчишка, — полковник перешёл на «ты». — Нам ещё банду брать.

— Какой вы шустрый, товарищ полковник, — улыбнулся Поплутин.

— Да. Вот, смотри, — Ткачев взял чистый лист бумаги. — Состав банды приблизительно понятен.

Он нарисовал сверху большой круг и написал внутри него «Главарь». Потом нарисовал ряд ниже ещё четыре круга поменьше. В них написал: «Информатор», «Шофёр», «Боец1» и «Боец2».

— Информатор сидит в отделении Госбанка. Шофёр из таксопарка, а Бойцы из бывших

сотрудников милиции.

— Складная версия, — кивнул Поплутин. — Если с Информатором и Бойцами очень похоже, то с Шофёром...

— Не спеши сомневаться. Я тут поболтал с одним таксистом. Он мне поведал любопытные вещи. Кстати, первое нападение в этом случае имеет мотив — купить машину для двух других нападений. Проще, для мобильности. Ко всему прочему у механиков в гараже есть телефон. Это идеальная связь. Главарь принимает звонок от информатора, передает на телефон механиков заказ, и таксист выезжает. Но по пути пересаживается в другую машину, в которой уже сидят Бойцы. Или заезжает за Бойцами в условленное место. Хорошо зная город, он сделает это быстро.

Поплутин уважительно закивал.

— Грамотно. Зная маршрут инкассаторов, можно точно рассчитать время.

— А вы заезжали, кстати, в контору электроснабжения?

— Вот, блин, чуть не забыл. Да! Мне за чаем женщины в бухгалтерии рассказали странные вещи.

— И?!

— Понимаете, Андрей Викторович, в тот раз процедура приёма денег у инкассаторов заняла больше времени, чем обычно. Причин они не знают, но главбух дольше возилась с оформлением приема. То ли пачки были неполные, то ли ещё что-то. В общем, деньги пересчитывали. Поэтому инкассаторы и задержались.

— Вот это удача! — воскликнул Ткачёв. — Теперь понятно, почему инкассаторы поехали именно той дорогой! Они не успевали на завод, и торопились, боясь застрять на железнодорожных переездах. И бандиты заранее знали, по какой дороге поедет машина с деньгами. И, скорее всего, главарь в этот день не звонил в гараж.

— А в первом случае?

— В первом случае загадка. Но смотрите по времени. В банк поступает заказ на инкассацию. Диспетчер банка отдаёт распоряжение на выезд машины, и Информатор сообщает об этом главарю. И банда выдвигается на позицию, уже зная, по какой дороге поедут инкассаторы. Времени у банды вагон и маленькая тележка. Почему инкассаторы поехали именно той дорогой, где их ждали бандиты — пока большая загадка.

Майор на секунду задумался.

— Андрей Викторович, а если поискать Шофёра среди покупателей машин? Ведь доверенность на владение автомобилем заверяется нотариально.

— Прекрасная идея. Тогда не придётся в таксопарке вынюхивать и светиться. Просто зайти и взять в отделе кадров список шоферов и механиков, потом пробежаться по нотариусам и собрать справки по продаже автомобилей. Сравнив списки, мы вычислим Шофёра.

— Если они действительно купили машину, а не что-то другое.

Ткачёв решительно махнул ладонью.

— Без машины им никак. А светить такси нельзя.

— А если они выезжали за покупкой?

— Тогда справку можно взять в ГАИ. Хотя... можно будет опросить Зареченских ГАИшников. Они таксистов всех знают, значит при въезде в город Шофёра на купленной машине, очень большая вероятность того, что они его запомнили. И этим мы с вами займемся после посещения банка. Надеюсь, вы успели завести знакомства в ГАИ.

— А то, — самодовольно улыбнулся Поплутин.

— Теперь осталось вычислить Главаря, — Полковник постучал пальцами по столу. —

Нам важно определить хотя бы направление, в котором его искать. Что скажете?

— Честно говоря, не знаю. Это может быть, кто угодно. Сидит на телефоне и команды раздаёт.

— Всё правильно, — кивнул Ткачёв. — Попробуем подумать, где требовалось его непосредственное присутствие. Первый эпизод?

— Наверяд ли. Что ему там делать?

— Второй эпизод?

— Да вроде тоже...

— Третий эпизод?

— А вот здесь весь эпизод за гранью понимания.

— Согласен, но есть один нюанс. То, что везли инкассаторы, кроме денег, не привлекательно для Бойцов, Информатора и Шофёра. Это было нужно только Главарю.

— Откуда такая информация?! Ах, да, забыл... У вас она есть, судя по всему.

Ткачёв дружески хлопнул Поплутину по плечу.

— Спасибо за понимание. Да, инкассаторы везли то, в чём Главарь должен был убедиться сам. На месте. Не доверяя Бойцам и Шофёру. То есть, Главарь знал, что из Москвы повезут это. Как узнал, это опять загадка, но не суть. И его Шофёр обязательно должен был забрать по дороге из таксопарка. А вот теперь, Александр Владимирович, мы сможем приблизительно просчитать, в каком направлении нам искать Главаря. Давайте карту!

Когда карта была развёрнута, майор очертил два круга, обведя место таксопарка и место третьего эпизода налёта.

— Согласитесь, что метаться по городу на машине и собирать людей в условиях контроля времени неудобно, — предложил Ткачёв.

— А если они уже заранее были на позиции?

— Маловероятно. Информатор позвонил, когда инкассаторы поехали. У бандитов было время всего минут сорок максимум. Какое-то время ушло на звонки, то есть, от таксопарка до места минут двадцать, если поторопиться. День все таки, на улицах машины и автобусы. Проводим прямую, — Ткачёв приложил линейку между кругами и начертил карандашом линию. — Вот вдоль этой линии и находятся «норы» Бойцов и Главаря.

— Хм, — удивился майор, — как у вас всё просто.

— Это, конечно, предположение, Александр Владимирович, но... другого пока нет. Что находится вдоль этой линии, исключая жилые дома?

— Много чего. Но совершенно ясно, что сравнив с этой линией адреса уволенных сотрудников ГУВД, мы сможем существенно сузить круг поиска.

— А я согласен, — полковник удовлетворенно облокотился на спинку стула. — Ведь оружие надо быстро достать. А где его спрятать, как не возле дома, или в квартире.

— Как всё получается, Андрей Викторович! А не может быть и Главарь среди уволенных?

— А вот это не знаю, Александр Владимирович... Пока не знаю...

Ткачёв положил карандаш на карту и тяжело вздохнул, взглянув на время.

— Устал я за сегодня, майор. Пойду отдохну. А то завтра день будет ещё тяжелее.

— Вас подвезти?

— Не нужно. Дождитесь людей из таксопарка и напомните Румянцеву, что мы завтра едем в Госбанк. Пусть побреется, что ли...

Время приближалось к восьми, а надо было и с агентом встретиться, и с «авторитетами» разобраться.

Едва Ткачѳв зашел в дом, как в дверь тихо постучали.

— Вот неугомонный, — сказал полковник, думая, что пришел агент, но открыв дверь, увидел Марию с лукошком прикрытым полотенцем.

— Простите, — смутился Ткачѳв, пропуская женщину внутрь.

Мария зашла, поставила лукошко на стул.

— Я вам поесть принесла. Вы, наверное, целый день на ногах и не ели ничего?

— Спасибо. Да, я перекусил днем в столовой.

— Это свойская еда, — улыбнулась Маша, показывая на лукошко, и собралась уходить. — Звонил Автондил. Велел передать вам, что с местными он все решил, и вы можете не беспокоиться.

— Вот за это ему огромная благодарность, а то у меня силы уже на исходе, — обрадовался Ткачѳв.

— Я захлопну калитку, — она поправила платок и пошла к своему дому.

Полковник посмотрел ей вслед.

«Вот что общего между этой милой женщиной и Автондилом?!» — подумал он, закрывая дверь.

Дом внутри не выхолодился, и полковник с облегчением снял пальто, шапку и обувь. Подхватив лукошко, пошел на кухню, по дороге щелкнув выключателем. И тут же остановился, как вкопанный...

На кресле в комнате, вальяжно развалившись, сидел молодой мужчина в куртке и смотрел в окно.

— Добрый вечер, полковник, — негромко сказал он. — Вам привет от Хмеля.

— Черт! Вы меня напугали, — Ткачѳв поставил корзинку на кухню.

— Простите, — мужчина повернулся к нему, запахивая полы куртки. — Холодновато. Может быть, разожжете печку. Пока вас ждал, то слегка замёрз.

Андрей Викторович успел разглядеть агента. По его меркам парню было лет тридцать, худощавый, с обыкновенным лицом и модной причёской на удлиненных волосах. Чёрные джинсы. Именно джинсы с клепками на карманах, хотя чёрный цвет был редким для таких штанов. Необычные ботинки на толстой ребристой подошве.

— Хватит на меня смотреть, Андрей Викторович, — сказал агент. — Лучше ужином поделитесь. Вам все равно не съесть.

— Это почему? — обиделся Ткачѳв.

— Судя по запаху, там варёная картошка, пять котлет, десяток вареных яиц, полбуханки хлеба и большой азербайджанский помидор. Вы все это в себя впихнете?

Полковник откинул полотенце с корзинки, оглядел содержимое и довольно улыбнулся:

— Четыре котлеты. Ладно, сейчас печку разожгу. Да, и как мне вас называть?

— Хмель.

— Интересный псевдоним, — усмехнулся Ткачѳв, затапливая печку. Налил воды в чайник и выложил из лукошка тарелки с едой.

— Полковник, — позвал Хмель. — Спрашивайте. А то времени не так много.

— Я даже не знаю, с чего начать, — Андрей Викторович сноровисто расставил тарелки

на столе. — Почему вы решили себя показать мне? Генерал Трефилов говорил, что вас видели единицы.

— Вы не в первый раз за сегодня со мной говорите. Вспомните столовую...

— Так это были вы?! Почему сейчас без грима?

— Незачем. Расскажите, что накопили...

— Предположительно в банде пять человек. Четырех мы практически вычислили. Главарь — фигура неизвестная.

— Вы уверены, что ваша версия правильная?

Ткачёв повел плечом.

— Я не вижу другой, исходя из того, что мне известно. Если вы поделитесь информацией, то, возможно, версия измениться.

— Хорошо, я буду краток, — Хмель подвинулся к столу вместе с креслом. Взял котлету с ломтём хлеба. — Как вам известно, то Олимпийские игры в Москве бойкотировали шестьдесят стран во главе с США. Самаранч пытался образумить американцев, но те уперлись. Им, видишь ли, помешало наше вторжение в Афганистан. Но не буду говорить о причинах, скажу только, что спецслужбы готовили в Москве ряд терактов. Типа, показать всему миру, что безопасность в СССР не на должном уровне. И сорвать закрытие игр. С этой целью в СССР под видом журналистов и туристов были засланы две группы. Первую группу мы вычислили и взяли в Крыму. Вторая группа прошла незамеченной. Состав её мы не знаем. Чтобы вычислить эту группу нами была вброшена дезинформация, что в Зареченске группой инженеров была разработана принципиально новая конструкция малогабаритной антенны, предназначенной для крылатых ракет. Чтобы информация выглядела достоверной, мы взяли разработку местных инженеров. Но тогда никто не знал, что их инженерная мысль имеет право на существование. Наши учёные, мать их, в приступе зависти вынесли заведомо ложное заключение. Но в подвалах Пентагона сидят не идиоты, и они дали правильное заключение, посчитав, что новый принцип приведёт к революционному изменению в конструкции ракет, их наведению на цель и возможности уклоняться от противоракетной атаки. Поскольку нами был поставлен жесткий заслон, и новая группа спецов опять попала в руки, то решили группу, которая прошла, перенаправить в Зареченск. Об этом мы узнали поздно, когда спецы легализовались здесь и приступили к выполнению задания.

— То есть, мы, как всегда, наступили на свои же грабли? — усмехнулся Ткачёв, увидев, что Хмель откусил полкотлеты с хлебом.

Агент сделал вид, что не заметил усмешки.

— Если взять во внимание, как работают спецслужбы, то есть три варианта развития событий, продолжил Хмель, прожевав котлету. — Первый вариант, что одному из инженеров пообещали всякие блага за границей, и он согласился. Тогда ему будут готовить выход из страны. Второй вариант — кто-то из инженеров, или вся группа попросили денег за свои разработки. Много денег. И третий вариант — группу инженеров попросту ликвидируют.

— Как это денег? — удивился полковник. — Это же закрытая разработка.

— Не совсем так, — Хмель звонко разбил скорлупу на яйцо. — Наши, мать их, академики, до сих пор не могут понять, насколько перспективна разработка. Поэтому мы, не можем понять какую степень секретности ей присвоить. А вывозить сейчас целое ОКБ нет возможности. Для этого надо провести массу согласований и подготовительных работ. А

если разработка окажется бесперспективной? Кто тогда будет отвечать за кучу народных денег, выброшенных на ветер? Тем более, вначале мы сами вбросили её спецслужбам, как дезу. И отказаться теперь не можем.

— Да уж. Незавидная ситуация, — кивнул Ткачёв.

— И что вы думаете?

Полковник надломил картофелину и посыпал солью. Поддел на вилку сочный ломоть помидора.

— Думаю, что второе нападение было с целью закинуть денег инженерам.

— Правильно подумали. А поездка инкассаторов с премией — это была наша инициатива...

— То есть?

Агент улыбнулся.

— Неужели вы думаете, что инженерам отдали взятые сто тысяч? Наивно. Им кинули, максимум по паре тысяч для затравки. Поэтому мы повезли им деньги и копии чертежей. И, как вы называете его — Главарю, стало ясно, что он допустил промах.

— А вы откуда знаете?

— Мы внедрили в окружение инженеров своего человека. По его информации и готовили доставку денег и чертежей. Сорок тысяч — хорошая сумма, чтобы склонить радиотехников на свою сторону и посеять в их головах сомнения относительно лояльности иностранных спецслужб.

— Да, но деньги так и не доехали до завода.

— Операция готовилась в спешке. Парни не просчитали возможности засланных спецов. Понадеялись на своё умение и ... на моё прикрытие. Но в заключительной фазе операция пошла не так. Парни поехали другой дорогой, а связь мне заглушили. Пробежать по снегу три километра за пару минут я просто не смог.

— Как это связь заглушили?!

— Не знаю, — раздраженно ответил Хмель. — То ли у меня батарея села, то ли ещё чего-то... Но когда я добежал до места, то уже всё закончилось.

— У вашей группы не было средств спецзащиты?

— Бандиты работали с оптикой и бесшумным боем. Только вороны с деревьев поднялись, но даже не галдели.

Хмель бросил недоеденную картошку на тарелку.

— Главарь — классный специалист, но я бы поискал его связи среди местных уголовников.

Ткачёв нахмурился.

— Этим вы меня подставите.

— Тогда вы попробуйте, полковник. Главарю слили информацию, что Топтыга направляется к Цыгану для разборки. И слили именно из окружения Топтыги.

— Зачем Главарь зачищал Цыгана?

— Оружие, полковник. Цыганков снабдил оружием банду. Только этим можно объяснить.

Теперь Ткачёву стало понятен интерес к этому делу Автондила. Видимо, Топтыга и его «компания» имели в Зареченске тщательно скрытый «арсенал». Только, как Главарь узнал об этом?!

Полковник высказал это предположение агенту. Хмель долго думал, затем высказал

своё:

— Главарь как-то связан с уголовникам. Вам проще выяснить это, чем мне. Предлагаю поступить следующим образом. Завтра вы соберёте информацию, и вечером мы составим план действий. Трефилов ждёт вашего звонка. Не провожайте.

Агент вышел из дома и будто испарился. Калитка не скрипнула, шагов слышно не было. Ткачёв не удивился — контора умела готовить своих агентов.

После ухода Хмеля полковник убрал посуду и решил отдохнуть, но мысли всё равно возвращались к расследованию. Дело было слишком запутанным и переплетено множеством интересов с самых различных сторон. Он никогда бы не подумал, что в провинциальном городке такое когда-нибудь возможно.

Впрочем, суть не в провинции и не в том, что интересов много, а в людях. За те годы, что прошли от начала службы Ткачёва, люди сильно изменились. У них появился какой-то дух собственности и безнаказанности, усугубленный мнением в собственной непогрешимости. Плюс, боязнь признаться в ошибке и переложить вину на другого человека, даже самого близкого.

Психотип преступника тоже сильно изменился. Если раньше Ткачёв заходил в «малину» особо не боясь выстрела, то теперь можно было ожидать нож в сердце, только потому, что ты, возможно, что-то сможешь. Ещё не сделал, но можешь сделать. И преступники стали изощрённые и более жестокие. Даже взять ту же Милку — любовницу Цыгана. Вот она-тс чем помешала?

Ткачёв выключил свет и сел в кресло, подвинув его к окну. В темноте, при тусклом свете фонарей на улице, думать было легче. Посыпался мелкий снег, искрясь даже под таким светом. В доме напротив светились окна, и в них изредка за занавесками маячила фигура Марии.

«Шикарная женщина!» — подумал полковник, вспоминая, как она шла к калитке. Невольно сравнил с женой, и испугался своих мыслей. По большому счёту, и сравнивать нечего. Уставший и погруженный в хаос мыслей, он не заметил, как уснул.

Утром Ткачёв приехал в ГУВД Зареченска раньше, чем официально начинался рабочий день, и не обратил внимания на отсутствие машин во дворе здания. А развод у патрульной службы начинался ещё позже. Но как только Андрей Викторович зашёл внутрь, к нему подскочил дежурный:

— Товарищ полковник, велено передать, что розыск всем составом выехал на убийство. Думали, что вы придёте к восьми. К этому часу за вами пришлют машину.

— А что за убийство?

— Возле отделения Госбанка убили женщину.

— Что?! — закричал Ткачёв. — Лейтенант, найдите мне машину, срочно!

Тот метнулся в дежурку и, докричавшись по радиации до одного из патрульных экипажей, доложил:

— Будут через пять минут.

Громыхающий Узик, скрежеща при переключении передач, домчал Ткачёва до отделения Госбанка так быстро, будто решалась судьба мирового первенства по гонкам на машинах милиции. Полковник поблагодарил патрульных и вышел, отпустив их обратно. А сам, не подходя к месту, где суетились сотрудники милиции и эксперты, осмотрелся.

С краю тропинки в парке, где-то в трехстах метрах от двухэтажного кирпичного здания, окруженного высоким забором, лежала женщина. Даже издали под светом переносных фонарей были видны её ноги в телесных чулках и раскинутые в стороны руки. Невдалеке от неё, на снегу под деревом, спиной к Ткачёву сидел милиционер в папаше.

Ткачёва увидел Поплутин и подбежал к нему.

— Здравия желаю, товарищ полковник.

Майор выглядел сильно уставшим. Красные от бессонницы глаза и темные круги под ними.

— Здравствуйте, Александр Владимирович. Что здесь?

— Выстрелом в голову убита заместитель заведующего отделением Госбанка.

— А кто там под деревом?

— Подполковник Шмелёв.

— А что он здесь делает? Опять дежурил по управлению?

— Нет. Убитая Елена Петровна Шмелёва — его жена...

Ткачёв вздрогнул.

— Майор, вы когда-нибудь научитесь работать? Почему я только сейчас узнаю, что жена заместителя начальника ГУВД занимала ответственный пост в Госбанке? И почему Румянцев не смог вчера попасть туда? — он махнул рукой, показывая на здание отделения.

Поплутин виновато опустил голову.

— Это длинная история, Андрей Викторович. Вам лучше самому поговорить с Шмелёвым...

— Коротко доложите, что здесь произошло.

— По дороге на работу Шмелёва была убита выстрелом из пистолета, предположительно «ГТ». Скорее всего, был использован глушитель, так как никто ничего не слышал. Мы уже успели опросить сотрудников отделения, вызвав их с территории. Рабочий день в отделении начинается в шесть утра, но Шмелёва, видимо, приехала на первом автобусе. Сейчас мы ищем водителя автобуса для дачи показаний. По расписанию автобус приходит вон на ту остановку, — майор показал на столб с вывеской в двухстах метрах от места убийства, — без двадцати шесть, и Шмелёва пешком направилась к зданию по этой тропинке. Выстрел был произведен из-за дерева с трех метров. Гильзу мы нашли. Было темно, и женщина не могла заметить убийцу за деревом.

— Кто нашёл труп?

— Сторож отделения. Он передал смену в шесть десять, и направился домой этой дорогой. Он живёт неподалёку и всегда ходит на работу пешком по этой тропинке. Сторож вернулся и позвонил дежурному.

— Сторож ещё здесь?

— Да. Он в здании. Следователь берёт у него показания.

— Преступник оставил следы? Откуда пришёл? Куда пошёл после?

— Работаем... Темно было.

Ткачёв махнул рукой с досады и подошёл ближе к убитой женщине. Кивнул экспертам.

Оказывается, жена заместителя начальника ГУВД при жизни была сушей красавицей. Очень большие, чуть раскосые глаза под длинными ресницами, с потухшим недоумением смотрели куда-то, алый рот приоткрыт, обнажая ряд белоснежных зубов, сейчас уже больше похожих на оскал мёртвого зверя. Копна каштановых волос, уложенная в элегантную причёску, даже не растрепалась при падении.

«Аккуратно упала» — подумал Ткачёв, рассматривая точёные ноги в коротких сапожках на высоком каблуке. Полы светлого пальто распахнулись, показывая задранную юбку и застежку на чулке.

«Странно. В чулках, в такой холод...» — удивился полковник. Будто женщина не зимой на работу ехала на автобусе, а в машине на банкет ранней весной.

Взглянув на сидящего спиной к дереву Шмелёва, полковник решил его пока не трогать и пошёл к зданию отделения банка. У ворот толпились сотрудники банка, глаза на суетившихся неподалёку милиционеров. Распахнулась дверь на входе и на улицу вышла женщина в строгом костюме:

— Товарищи! Рабочий день никто не отменял! Живо по местам!

Ткачёв сообразил, что это кто-то из начальства и направился к ней.

— Здравствуйте, — он предъявил удостоверение. — Вы здесь, простите, кто?

— Я заведующая отделением Анна Егоровна Большова, — она поежилась от холода и поджала узкие губы. — Что вы хотели?

— Я приехал из Москвы, чтобы возглавить группу по расследованию нападений на ваших инкассаторов. Хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Хорошо. Пройдёмте в переговорный зал.

— Переговорный зал?

Они зашли внутрь здания. В фойе был отгорожен участок, где стояли столы. Это и был, видимо, переговорный зал. Проход на лестницу и в коридор отделения был за турникетом с дверью из прозрачного бронестекла, и охранялся сотрудником вневедомственной охраны.

— Да, переговорный зал, — Большова показала на участок со столами. — После нападения нам было строго дано указание, не пускать внутрь здания даже людей имеющих вторую степень допуска.

Стало понятно, почему Румянцев не смог добиться встреч с сотрудниками банка. Но их можно было организовать в переговорном зале. Почему капитан не настоял об этом?

Полковник и заведующая присели за столик. Ткачёв вынул блокнот.

— Простите, э... Андрей Викторович, можно побыстрее, а то у меня телефоны разрываются в кабинете.

— Анна Егоровна, я не на прогулку вышел. Между прочим, расследую ограбление инкассаторов вашего отделения, плюс убийство вашего заместителя. Попросите секретаря отвечать на звонки.

Большова нервно покрутила пальцами в воздухе, устало облокотившись на руку:

— Простите, я взвинчена в последнее время. Спрашивайте...

Полковник кивнул.

— К сожалению, мне не дали основательно ознакомиться с деталями, поэтому спрошу — как долго вы возглавляете отделение?

— Со дня принятия решения. Три года без малого. Город быстро стал разрастаться, построив много новых предприятий. Сберегательный банк перестал справляться с нагрузкой, и было решение создать в Зареченске филиал Госбанка.

Ткачёв заметил, что управляющая одета скромно, хоть и элегантно.

— Скажите, сегодня в отделении что-то отмечают?

— Нет, — она удивилась. — С чего вдруг?

— Елена Петровна одета как-то по-праздничному.

— Шмелёва всегда так одевалась, — усмехнулась управляющая. — Она была, как-бы это сказать, прямой нашего «высшего света». Она умела подчеркнуть свою природную привлекательность.

— Вы хотите сказать, что она имела успех у мужчин?

— О, да! Когда она шла по коридору охранники иногда забывали зачем они здесь, — саркастично ответила Большова. — Елена Петровна без стука входила в кабинет первого

секретаря городского комитета партии...

Анна Егоровна осеклась, почувствовав, что сказала лишнего.

— Хм, так она же замужем...

— По слухам, Шмелёвы не жили вместе, а только делали вид. Елена Петровна, помимо красоты, обладала... я бы сказала, несуразной властностью. Но дело своё знала туго.

Ткачёв понял. Шмелёва на правах фаворитки первого секретаря горкома могла позволить себе довольно много.

— Анна Егоровна, а где вы были в момент первого нападения на инкассаторов?

— Дома. Кассовый рабочий день у нас заканчивается в четыре, а инкассация — до семи. Мне позвонил дежурный охраны, и сказал, что машину расстреляли по дороге к банку. По нашей внутренней инструкции вопросами инкассации занимается мой заместитель.

— А как давно работает Шмелёва в отделении?

Управляющая устало поправила челку.

— Шмелёву назначили моим заместителем в июле прошлого года. Её перевели к нам из Сургута.

— Не знаете в чём причина перевода?

Большова при этом вопросе замолчала, будто соображала над более удачным вариантом ответа.

— Товарищ полковник, — наконец сказала она. — Я вам дам информацию, а вы уж сами сделаете вывод.

— Согласен, — не раздумывая сказал Ткачёв.

— Моим заместителем до Елены Петровны работала пожилая женщина. Не то, чтобы у неё было отменное здоровье, но и особо не жаловалась. Но прошлым летом она внезапно скончалась в выходной день. Врачи констатировали обширный инсульт. Так вот. Буквально в понедельник мне позвонили сверху и сказали, что у меня будет новый заместитель — Елена Петровна Шмелёва. Я не против столь оперативной замены, но новый заместитель как-то резко взялся за работу.

— И в чём это проявлялось?

— Как бы это вам сказать?.. Шмелёва весьма умело влезала во все дела, даже в те, которые её не касались по служебному расписанию. И так хорошо манипулировала информацией, что подкопаться было не к чему. Особенно это касалось завода радиотехнических конструкций. И ещё она очень не любила, чтобы с ней спорили. Могла в отместку устроить каверзу.

— Например?

— Инкассация была полностью на ней. Если бухгалтер предприятия начинал спорить или грубо говорить, то Елена Петровна вполне могла задержать зарплату. На три — четыре часа, но этого было достаточно. Могла поставить предприятие последним на день выдачи, и под конец рабочего дня у кассы толпились недовольные рабочие. А недовольство мужиков, особенно в пятницу под конец рабочего дня...

— Я понимаю, — Ткачёв сделал пометку в блокнот. — Шмелёва когда-нибудь опаздывала на работу.

— Нет, — решительно ответила Анна Егоровна. — С дисциплиной у неё было жестко. Я могла задержаться, но заместитель себе такого не позволяла.

— Понятно. И последнее — вам ничего не показалось странным или необычным в убийстве заместителя?

— Странно одно. Конечная остановка автобуса вот там, — она показала рукой в сторону от парка. — Оттуда идти гораздо ближе до отделения. Я не помню, чтобы Елена Петровна пользовалась тропинкой в парке. Она всегда одевалась с неким вызовом, но чтобы идти полкилометра утром по морозу на каблуках? Не знаю...

— У меня просьба к вам, Анна Егоровна. Вы не можете провести меня по зданию отделения?

— Нет, товарищ полковник. Получите допуск в первом отделе, тогда с удовольствием. Но сами поймите, как мне прилетит за нарушение секретности. У вас только вторая степень, а нужно не меньше третьей.

— Я понял, — немного огорчился Ткачёв. — Я могу хотя-бы пройти по внешней стороне ограждения?

— Да. Я позову старшего смены охраны. Договоритесь.

Большова ушла. Допуск к секретности, конечно, сильно тормозил расследование. Не факт, что и следователя допустят до личных дел сотрудников. А дело Шмелёвой вызывало огромный интерес. С какой стати сотрудник Госбанка в Сургуте получает назначение в отделение Зареченска? И что там за покровитель у неё был наверху? Если Шмелёва — информатор банды, а в этом Ткачёв почти не сомневался, то все её связи придётся рассматривать, как связи с Главварём! А если Главварь резидент иностранной разведки, то такое начнётся!

В переговорный зал зашёл лейтенант вневедомственной охраны.

— Меня управляющая попросила помочь вам, товарищ полковник. Но для начала предъявите удостоверение. Я должен зафиксировать его номер в журнале.

Пока лейтенант записывал, к Ткачёву подошёл Поплутин.

— Андрей Викторович, мы здесь закончили. Что делать с подполковником Шмелёвым?

— Хорошо, майор. Мне ещё пятнадцать минут надо. Оставьте мне Румянцева с машиной, а Шмелёва везите в управление, — полковник достал из бумажника десять рублей и протянул. — Вот, по дороге купите бутылку коньяка. Заприте подполковника в кабинете с бутылкой и приставьте охрану. И найдите, наконец, Гладышева! Я уже второй день в Зареченске, а начальника так и не видел. Всё, встретимся в управлении.

Ткачёв с лейтенантом вышли из здания отделения банка, и пошли вдоль забора. Андрей Викторович не знал, что он может найти под забором, но всё равно решил пройтись. А вдруг...

Шагая по сугробам сзади полковника, лейтенант внезапно сказал:

— А я рад, что эту суку прибили.

— Вы о ком?!

— О Шмелёвой, конечно.

Они остановились. Ткачёв понял, что ему повезло.

— А подробней можно, лейтенант?

— Можно, только без протокола.

— Я слушаю...

— У нас город тихий всю жизнь был. А тут столько убийств за месяц. Парней из инкассации уложили за здорово живешь. А них дети, жены, матери.

— А Шмелёва-то здесь причём?

— Так с её приходом и началось всё. Ходила тут — жопой крутила.

Ткачёв усмехнулся.

— Не понимаю связи между кручением жопой и нападением на инкассаторов.

— Да она за людей никого не считала! Вот надо ей было и всё тут!

Полковник эмоции лейтенанта решил пресечь.

— По существу говорите. Если, конечно, есть, что сказать.

— А я и говорю по существу, — обиделся лейтенант. — Вот под Новый год, если взять... Накой хрен нужно было посылать ребят за выручкой в универмаг? Уже рабочий день заканчивался. Ничего страшного не было бы, если выручка пролежала бы до второго января в сейфе универмага. Нет! Она нарочно отправила инкассацию. А ведь второй раз ездили. Первый в два часа дня. Зачем?! Отправь один раз часов в шесть. А вы сейф в универмаге видели? Его не то, что автогеном, гранатой не возьмешь. А универмаг на охрану ставился — от нашей базы до него три минуты ехать. Вот какой вор полезет?!

Ткачёв вынужден был согласиться. Надобности во второй поездке инкассаторов в универмаг не было. Это лишний раз подтверждало её связь с бандитами, но нужно было полностью восстановить картину действий, чтобы понять мотивы. Каждая мелочь могла указать на что-то, или на кого-то.

Андрей Викторович с лейтенантом повернули за угол забора, прошли метров сто и наткнулись на дорогу и автоматические ворота.

— А это что?! — удивился Ткачёв.

— Это ворота гаража инкассации, — пояснил лейтенант. — Открываются только по распоряжению дежурного офицера охраны. В нерабочее время замок блокируется, и ворота ставятся под наблюдение сторожа.

— Подождите, — не понял полковник. — А если машина приедет после семи вечера? Мало ли что в пути произойдёт.

— У инкассаторов рация. Они сообщают дежурному, и он принимает меры. Есть инструкция.

— И что?

— У нас ещё один въезд на территорию отделения — грузовой. Он с обратной стороны и к нему отдельный въезд.

— Он не блокируется?

— Нет. Там полноценный пост охраны и три ряда ворот. Четыре вооруженных бойца и досмотр автомобилей. Мало ли... пожарные, скорая, оборудование. В отделении работает больше ста человек.

— Минуточку, — соображал Ткачёв. — Если после семи инкассаторы повезут выручку сюда, то они могут проехать только по той дороге, что ведёт к грузовому въезду?

— Ну, да. Обычно такого не происходит, ребята всегда стараются уложиться до семи вечера. Без пятнадцати семь начинается сдача инвентаря и оружия. Сами понимаете — это процедура требует времени.

— Понятно, — полковник сообразил, что произошло тридцать первого декабря прошлого года. Шмелёва послала инкассаторов в универмаг, заранее зная, что поедут они по дороге, ведущей к грузовому въезду. Так как ребята торопились домой. И не звонила она никому из отделения. Всё было заранее спланировано.

Во втором случае, она просто распорядилась положить в мешок для конторы электроснабжения пачки с мелкими купюрами и кучу мелочи. Пока бухгалтерия считала сумму, прошло пятнадцать лишних минут. Вот и объяснение задержки. Инкассаторы, чтобы не задерживать выдачу зарплаты на заводе поспешили, и поехали в объезд железнодорожных

переездов. Но что было в третьем случае? Почему сотрудники КГБ поехали именно той дорогой, на которой была бандитская засада?

Кажется, что просто — они решили выманить банду на себя. Но их должны были страховать. Но страховка Хмеля не сработала. Экипаж поехал по другой дороге и Хмель не успел. Но как Шмелёва могла направить чекистов в засаду бандитов? И откуда она знала об операции чекистов? Она могла догадаться? Могла. Тогда должна была выйти на связь. Но как?

Ткачёв поблагодарил лейтенанта и, найдя машину с Румянцевым, скомандовал ехать в управление.

Оперативники и следователь уже ждали Ткачёва.

— Гладышева нашли? — спросил полковник, снимая пальто.

— Начальник в горкоме партии, — ответил Поплутин. — Совещание у них...

— Чёрт знает что! — тихо выругался Ткачёв. — Ладно, — он посмотрел на следователя. — Есть основания объединить дела с инкассаторами, убийство Цыганкова и убийство Шмелёвой в одно.

— Если дадите обоснования письменно, то прокуратура это рассмотрит. Лично я не вижу препятствий. Александр Владимирович объяснил мне детали. Понятно, что банда зачищает следы. Но подпись Гладышева на бумаге необходима.

— Что же, — кивнул Ткачёв. — Майор, составляйте рапорт. И это будет причиной, чтобы прервать совещание в горкоме. Что у нас по таксопарку?

Оперативники переглянулись и... молчали.

— Товарищи, а что не так? — удивился Андрей Викторович.

Поднялся Нодия.

— Мы, товарищ полковник, были вчера там, но кроме диспетчера и одного механика в гараже, никого не нашли. Рабочий день у руководства таксопарка закончился, а механик в состоянии лёгкого опьянения спал на диване в гараже. Мы с товарищем капитаном часок пошатались по территории, но ничего подозрительного не нашли.

Ткачёв понемногу наливался гневом.

— А как вы собираетесь работать, товарищи? Мне что, надо на пальцах показывать каждому, что он должен делать?!

— Андрей Викторович, — попытался успокоить его следователь прокуратуры, — у людей нет опыта в расследовании подобных преступлений. Самое тяжелое расследование — это бытовая поножовщина и угон велосипеда с огорода. У нас в городе криминальные «авторитеты» появились только после Олимпиады. Но им пока хватало того, что «связки» в рюмочных обирали рабочих в день получки. Приходит мужик домой в хламину, жена лезет в карман, а там ничего. А он толком и сказать ничего не может. Да, с кем-то пил. А с кем и сколько — не помнит.

— Товарищ, прокурор, прошу не оправдывать оперативных работников, — повысил голос Ткачёв. — Но вы тоже поймите, что в одиночку я не в состоянии распутать дело. И, между прочим, в городе за месяц уже десятое убийство. Десятое! В любом другом городе начальника ГУВД уже бы в Москве линчевали. А ваш на совещания ходит.

— Так, может быть, его на тех совещаниях и линчуют...

— Так я его не вижу! Его там до смерти не засекли?! Сомневаюсь. Прокурор города может повлиять на Гладышева?

Следователь отвел взор.

— Прокурор тоже на совещании...

— Эти их мать! — не сдержался полковник. — Кого-нибудь волнует десять убийств в городе?!

Оперативники молча смотрели в стол. Следователь встал и предложил:

— Андрей Викторович, пусть майор Поплутин пока рапорт напишет, а мы с вами выйдем ненадолго...

Ткачёв согласился, ибо этот разговор мог многое прояснить.

Они со следователем вышли в безлюдный коридор, и подошли к окну.

— Андрей Викторович, умерьте свой гнев. Людям и так тяжело. Половину ГУВД уволили, вы же знаете.

— Да я понимаю, но работать-то кто-то должен. Между прочим, с меня тоже спросят. А у меня кроме трех новых трупов ничего нет.

Следователь пригладил пышные усы, оглядел пустой коридор.

— А вы знаете, полковник, что Шмелёва была любовницей первого секретаря горкома? И только благодаря ему она попала в наш город заместителем управляющего отделением Госбанка?

— Вот как? То, что Шмелёва была в фаворе у партсекретаря мне уже сказали, но вот причина её назначения была, да и остаётся тайной. Не просветите?

— Лучше меня об этом знает наш местный чекист. Не хочу давать вам непроверенные слухи. Но могу устроить вам встречу. Гриша — мой старый друг и старый служака.

Ткачёв удивился. Следователь мог и сам выдвигать версии в расследовании, но почему-то сторонился этого. И вообще, Зареченск был полон внутренними тайнами, о которых знали единицы.

— Буду благодарен. Ему не будет трудно прийти ко мне в дом, где я остановился?

— У вас служебная квартира?

— Нет. Я остановился по улице Советская дом два.

— Хорошо. Я передам Леониду Макарычу. А сейчас, думаю, вам я не нужен. Вы лучше знаете все тонкости дела. Недаром вас из Москвы прислали. И ещё... советую вам поговорить со Шмелёвым. Он тоже немало может рассказать познавательного.

— Хорошо. Спасибо за совет.

Следователь многозначительно усмехнулся и ушёл. Ткачёв некоторое время постоял у окна, потом решительно направился в кабинет замначальника ГУВД.

Шмелёв спал на старом диване, свернувшись калачиком и укрывшись шинелью. Полупустая бутылка коньяка на столе, стакан и разбросанные бумаги. В кабинете было прохладно. Ткачёв ткнул подполковника в плечо.

— Василий Ефремович...

Шмелёв открыл глаза.

— А, это вы...

Он сел на диване и набросил шинель на плечи. Посмотрел на початую бутылку.

— А знаете, Андрей Викторович, может быть, это и к лучшему. Лена мне всю душу вымотала...

— Я всё понимаю, но расскажите подробнее.

Шмелёв потянулся за бутылкой, приложился к горлышку и сделал внушительный глоток. Прервавшись, сморщился, капнув на пол коньяком с губ.

— Я служил начальником ГУВД в Подольске. До Олимпиады меня вызвали в главк и хорошенько так... отправили в отпуск. Я помыкался немного и поехал отдыхать в санаторий в Геленджике. Там и познакомился с Еленой. В общем, через два месяца мы поженились. Она говорила, что получила назначение в Зареченск, и чтобы я особо не переживал. У неё есть связи, и она устроит меня в Зареченское ГУВД. И знаете, — он пьяно улыбнулся, — у неё получилось. Я-то сначала верил ей, а потом выяснилось, что с местным первым секретарём она спит. Да и, вообще... жизнь её такая таинственная, что мне лучше не знать.

А я ведь влюблён в неё был, как мальчишка. Веришь, полковник? Она такое вытворяла со мной! Ах... лучше тебе не знать. Я ревновал, как мавр. Готов был этого секретаря убить!

Шмелёв глубоко вздохнул, смахнув одинокую слезу.

— Он встретился со мной, объяснил политику партии и всё такое. Сказал, что если хочу служить здесь, а может быть, потом стать начальником ГУВД, то надо помалкивать в тряпочку. А то он зашлёт меня участковым в Анадырь. А ведь мог! А в Анадырь, полковник, не хочется совсем. Вот так и жили. Я-то потом привык немного к её ночным возвращением и подаркам, что ей дарили. А то, нет-нет, и допускала меня к «комиссарскому» телу. И ведь знала, зараза, чем меня взять!

Он ещё раз приложился к горлышку бутылки и оторвался только тогда, когда коньяк закончился. Шумно втянул в себя воздух.

— Василий Ефремович, а с кем, кроме первого секретаря ваша жена была знакома?

— Ты на что намекаешь, полковник? Ленка, хоть и была сукой, но не проституткой!

— Я не про это...

— Да, её все боялись, — Шмелёв покачнулся. — Нет, не простые люди, а те, — он ткнул пальцем вверх, — кто в окружении первого секретаря. Не думаю, чтобы он её с кем-то делил...

Он сморщил лоб и повел рукой, будто отгонял кого-то от глаз.

— Она, конечно, ему была не нужна. Он нацелился на Москву, а Ленка, возможно, чем-то ему помешала.

Ткачёв не стал слушать дальше пьяные мысли подполковника. Сама версия о том, что первый секретарь горкома может быть Главарём была слишком роскошной, чтобы в неё поверить. Хотя, с другой стороны, чекисты не просто так сюда направили агента. Если Ткачёву удастся доказать причастие первого секретаря хоть к одному убийству, то мало никому не покажется. Но последние слова Шмелёва тоже имеют право быть версией — мало ли чего наговорил Елене Петровне первый секретарь в любовном угаре. Нет, не справится Ткачёву с этим делом в три дня. Тут такой лабиринт, что как бы самому не запутаться. Надо просить Трефилова продлить срок следствия.

Полковник укрыв затихшего Шмелёва шинелью и вышел в коридор.

В кабинете оперативники прилежно ждали его возвращения. Ткачёв молча прошёл к своему стулу, уселся, строго взглянув на них.

— Значит так, товарищи. Из отведённых на следствие трех дней у нас осталось полтора. Что мы имеем?

— Лишних три трупа, — хотел пошутить Румянцев, но получилось не смешно.

— У нас ничего нет по факту, — сказал Ткачёв после долгого молчания. — Только голые предположения. Единственная ниточка обрублена. Какие будут предложения?

— Я вот не понимаю, товарищ полковник, — сказал Нодия. — Зачем банде человек в таксопарке? Они сами не могли себе достать машину и ездить на ней. Зачем все эти звонки туда, смена машин и прочие хитрости?

— Лейтенант, а вы сами не догадываетесь?

— Нет. Не могу, как ни стараюсь.

Поплутин и Румянцев внимательно слушали диалог.

— Хорошо, — Ткачёв поднялся, стал вышагивать по кабинету. — Попробуйте поставить себя на место преступников. Вот вы приехали в город, который не знаете. Что вы будете делать?

— Не знаю, — Нодия пожал плечами. — Наверное, найду, где помыться, поесть и переночевать.

— Правильно. И что вы будете искать?

— Гостиницу или съемную квартиру.

— А как вы доберётесь до гостиницы? Как проще и быстрее?

Нодия подумал.

— Поймать такси?

— Вот, лейтенант, вы сами ответили на свой вопрос. Таксист лучше знает город. Он много чего знает, если ещё и живет в нём. А если ещё и заплатить хорошо!..

— Ну, да, — поник головой лейтенант.

— Как мы уже обсуждали с майором, банде нужна мобильность — это раз. Два — нужен человек, который хорошо знает город. Три — в такси могут остаться следы, по которым можно вычислить. Мало ли кто залезет в машину, например, тот же сменщик. Своя новая машина — это ещё один плюс. Она не встанет в неподходящий момент, её можно помыть, почистить, стереть отпечатки и прочее. И ещё — в ней можно спрятать оружие. Я исходил из этого. К тому же таксист всегда готов к выезду — не надо отпрашиваться с работы и прочее. И какая никакая, а связь через телефон в гараже, где механики принимают заказы. Логично?

Оперативники дружно кивнули.

— Так вот. Мы с майором думали, что связь с бандитами имеется через отделение Госбанка и через таксопарк.

— А Цыганков тогда каким боком? — перебил Румянцев.

— Есть версия, что именно Цыганков снабдил банду оружием. Это сейчас проверяется, я думаю. В момент убийства Цыгана мы были у бандитов на хвосте и если бы были более расторопны, то взяли бы двоих исполнителей. Но, ладно. Бандиты зачистили Цыганкова и, вероятно, зачистили источник информации в банке. Или увели нас по ложному следу. Последняя ниточка, которая может привести нас к банде — это Шофёр. Поэтому вы втроём сейчас едете в таксопарк и аккуратно переворачиваете всё там вверх дном. Повторю — аккуратно. Если бандиты заметят это, то они зачистят и Шофёра.

— Но тогда они потеряют мобильность, — возразил Поплутин.

— Да, и сядут на дно, — кивнул полковник, останавливаясь. — Или пойдут на крупный разбой, чтобы с деньгами уйти из города. Правда, без Шофёра им будет сделать это гораздо труднее. Поэтому Шофёра нам надо вычислить — кровь из носу. Понятно?

Оперативники не сговариваясь, встали.

— Вот и хорошо, — понял их намерения Ткачёв. — Майор, составили бумагу в прокуратуру?

— Да.

— Можете идти.

Когда оперативники ушли, Ткачёв положил рапорт в папку, оделся и направился к выходу, но взглянув на телефон, остановился. По хорошему, сейчас бы позвонить Трефилову и выпросить у него ещё дни для расследования, обосновав это связью первого секретаря горкома партии с убитой Шмелёвой. Подумав, решил звонок отложить до вечера, после разговора с Хмелём и тутошним чекистом. Вдруг при разговорах что-то выяснится такое, за что и по шапке наддадут.

Проходя мимо дежурного на улицу, полковник распорядился:

— К кабинету замначальника поставьте постового. Пусть не спускает с подполковника глаз. И вызовите мне патрульную машину. Любую.

— На улице есть экипаж, товарищ полковник.

Экипаж оказался тем же, кто довозил утром Ткачёва до отделения Госбанка. Грохочущий Уазик мчал по улицам Зареченска, распугивая кошек и прохожих. Иногда полковнику казалось, что машина вот-вот развалится на каком-нибудь повороте, и он вцепился в кресло обеими руками, а отцепился только тогда, когда Уазик с лихим визгом остановился у четырехэтажного пафосного здания.

— Партком на четвёртом этаже, — любезно подсказал улыбающийся водитель.

Ткачёв, слегка пошатываясь, зашел в здание и удивился огромной мозаике во всю стену, изображающей вождя советского пролетариата. Снизу скромно висел портрет Брежнева.

— Товарищ, вы куда?

Спросил Ткачёва пожилой мужчина с тщательно выбритым лицом. Он сидел за небольшой конторкой у входа на лестницу. Полковник показал удостоверение.

— Мне на четвёртый этаж.

— Да, пожалуйста, — подобострастно выговорил мужчина.

Андрей Викторович поднялся по лестнице и нашел приёмную первого секретаря. Секретарша в огромных очках и высокой причёске внимательно на него взглянула. Она была похожа на бульдога, готового сорваться с места при малейшем ненужном движении посетителя.

Полковник осторожно вынул удостоверение, словно испугался того, что бульдог вырвет его из пальцев и с глухим урчанием порвёт в клочья. Развернул и показал издали.

Взгляд секретарши будто спросил — и чего надо?

— Мне необходимо поговорить с начальником ГУВД и прокурором города. Мне сказали, что они на совещании, — сказал Ткачёв, прочитав молчаливый вопрос бульдога.

Секретарша изящным и властным жестом указала Андрею Викторовичу на стул в приёмной, нажала кнопку интеркома:

— Я же просил меня не беспокоить! — раздался голос из динамика.

— Прошу прощения, Алексей Семёнович, но тут полковник Ткачёв из Главного управления МВД СССР, желает видеть прокурора и начальника ГУВД, — невозмутимо ответила секретарша.

— Пусть ждёт, — после секундного молчания сказал первый секретарь.

Андрей Викторович ждал недолго. Не прошло и пяти минут, как интерком прошипел:

— Пусть Ткачёв зайдёт.

Это «пусть» полковника разозлило. Он не любил, когда партийный работник выставял себя этаким «богом», тем более городского пошиба. Земля, как известно, принадлежит народу, а не лично первому секретарю парткома.

— А, полковник! Наслышан, — Алексей Семёнович едва поднялся с места, когда Ткачёв шагнул в его кабинет, пахнувший дорогим алкоголем, лимоном и табачным дымом.

«Поминает» — подумал Андрей Викторович, пожимая вялую ладонь секретаря горкома.

— Вот, совещание провожу. А то что-то убийств в городе стало много... Так чего зашёл?

Ткачёв решил не терять время на объяснения.

— На рапорте нужна подпись начальника ГУВД. Срочно.

Секретарь пьяно махнул ладонью, как-бы говоря — покажи бумаги Гладышеву, получи

подпись и проваливай. Начальник ГУВД принял это буквально. Взял бумагу и, не читая, подписал. Прокурор был трезвее и умнее. Взял рапорт у Гладышева и быстро прочитал. Сообразил мгновенно.

— Э, полковник. Давайте выйдем на минуту. Разрешите, товарищ первый секретарь?

Тот также махнул, разрешая.

— Ты чего творишь, полковник?! — зашипел прокурор города, едва они вышли за дверь кабинета. Посмотрел на секретаршу и потащил Ткачёва в коридор.

— А в чем дело, товарищ прокурор?

— Ты понимаешь, чем это может обернуться?

Ткачёв терпеливо вздохнул:

— В-первых, не тыкайте мне. Мы по должности и по званию равны. И поясните свои претензии к рапорту.

Прокурор осмотрел коридор и быстрым движением бумагу разорвал.

— Вот мои претензии. Если добудешь письменные показания свидетелей, что первый секретарь горкома и Шмелёва были знакомы, тогда и будешь писать бумажки. И на каком основании можно объединить все убийства за последний месяц в одно делопроизводство? Где факты?

— Вы, товарищ прокурор, меня не поняли. Я не с улицы пришёл. И прекрасно понимаете, что письменные показания у меня будут...

— Вот когда будут, полковник, тогда и придёшь.

Ткачёв понял, что своими силами ему здесь ничего не доказать. Хотя, прокурор прав — нужны факты. А фактов у Андрея Викторовича не было. Он разозлился на самого себя.

— Хорошо, товарищ прокурор. Только рапорт зачем рвать?

— А я ничего не рвал, — прокурор быстрым движением сунул обрывки рапорта Ткачёву в карман, хитро подмигнул и скрылся в приёмной.

Что же, подумал полковник, мы тоже умеем хитрить. Он вынул разорванный рапорт и аккуратно сложил листки в папку.

Шмелёв так и не уехал из управления, но, правда, выпался и был вменяем, хоть и алкоголь из него весь не вышел.

Ткачёв зашёл к нему в кабинет, отпустив постового, и достал чистый бланк протокола.

— Я вынужден, Василий Ефремович, взять с вас показания. Вы в состоянии ответить на мои вопросы?

— Да, полковник, спрашивайте...

После официальных вопросов Ткачёв перешёл к существу опроса.

— Где вы были сегодня между пятью и семью часами утра?

Шмелёв вздрогнул. Он напряженно стал водить головой из стороны в сторону, будто что-то искал в кабинете.

— Я проснулся в половине шестого. Зазвонил будильник. Умылся, оделся и поставил чайник. Потом позавтракал и где-то в половине седьмого мне позвонил дежурный по управлению. Он сказал, что жена найдена в парке мертвой и машина ждёт меня у подъезда. Я выбежал на улицу, сел в машину присланного экипажа и мы приехали к отделению банка.

— То есть, в момент убийства вашей жены вы были дома?

— Полковник, вы меня подозреваете?

Ткачёв в который раз за этот день терпеливо вздохнул.

— Василий Ефремович, отвечайте на вопрос, пожалуйста.

— Да, я был дома. И это подтвердить никто не может.

Ткачёв записал.

— Какие отношения у вас были с женой в последнее время?

— Никаких. Спали в разных комнатах и практически друг друга не видели. Она раньше меня уходила на работу, а я приходил с работы, когда она уже спала. Или она позже приходила и я уже спал.

— Вы слышали когда-нибудь, чтобы жене кто-то звонил по телефону?

— Не помню, я не подслушиваю чужих разговоров.

— Из-за чего ваши отношения с женой были такие натянутые?

Шмелёв усмехнулся.

— А я не говорил, что были натянутые отношения, полковник. Их просто не было.

— Почему их не было?

Подполковник вальяжно сел на диване, закинув ногу на ногу.

— Любовь, знаете ли, прошла. Вот и не стало отношений.

Андрей Викторович понял, что от Шмелёва ему ничего не добиться, но спросил:

— Не для протокола: почему вы не хотите упомянуть об отношениях вашей жены с первым секретарём горкома?

— Отвечу не для протокола. Не хочу участковым в Анадырь, а Лену уже не вернуть.

— Глупо, Василий Ефремович. Намекните, где я могу увидеть того, кого не пошлют в Анадырь? Наверняка, вы следили за их встречами.

Шмелёв задумался, потом кивнул:

— Козырев мужик неглупый, но пару мест могу подсказать. Недалеко от Зареченска есть скромное место отдыха с романтическим названием «Утренняя роса». Там они бывали часто с наступлением холодов. А в сентябре почти на каждые выходные выезжали на заимку к егерям. Партработники, знаете ли, любят ходить на охоту.

— Он же туда не возил Елену Петровну на своей машине?

— Нет, конечно. Он вызывал ей такси...

Теперь вздрогнул Ткачёв. Опять такси!

— Распишитесь в протоколе.

Ткачёв был вне себя от ярости. У него ничего не получалось и следствие топталось на месте. Желание прокурора не светить без веских оснований фигуру секретаря горкома было понятно — при наличии связи Шмелёвой с бандой, секретарь тут же становился соучастником, если его связь со Шмелёвой будет доказана. Понятно, что сверху за десять убийств в городе никто по головке не погладит — головы полетят, как перезревшие яблоки. Но прокурор и Гладышев очень хотели оставить свои головы на месте. И задницы в креслах, в том числе. Тем более первый секретарь метил в Москву. Если что, так и заступится за друзей. Даже если их отправят куда-нибудь в глушь, то пересидят там, максимум год. И все эти ежедневные «совещания» только ради того, чтобы выбрать оптимальный путь «отхода» и найти козла отпущения. Кем, несомненно, и выгодно для всех, был Шмелёв. Или Ткачёв.

Андрей Викторович подумал, что правильно то, что он не стал звонить из управления Трефилову. Надо лучше подготовиться к разговору с генералом и набрать как можно больше информации. Очень жаль, что опера местного ГУВД такие нерасторопные. Но их тоже можно понять. А Ткачёву и некого подключить, только Хмеля. Но у Хмеля своё задание.

Нет, не зря Шмелёва крутилась возле первого секретаря. Ох, не зря! Вот «прощупать» бы её прошлое тщательнее. Глядишь, и найдется ниточка. А это хорошая идея, как повод просить ещё времени для расследования. Пусть чекисты тоже землю роют. Плохо, что постоянной связи нет с Хмелём, а то сейчас бы и дал указания. До вечера ждать — только время терять.

Ладно, надо ехать в таксопарк и шоферам показывать фото Шмелёвой. Прошло не так много времени, а шофера, наверняка, запомнили такую яркую женщину. Да и адрес — откуда забирали и куда возили. И Поплутин там с операми... должен быть.

Прежде чем поехать в таксопарк, Ткачёв решил перекусить. В столовую не хотелось, да и деньги нужно экономить — десятка на коньяк пошатнула его командировочный бюджет. А в доме еда оставалась с ужина. Хмель всё съесть не смог.

Не без труда добравшись до дома, автобусная остановка была не близко к Советской улице, полковник открыл калитку и зашёл на двор. В двери увидел листок бумаги, засунутый в щёлку.

«Андрей, я видела, как вы уходили рано, и подумала, что вы не завтракали. Я принесла вам борщ и курицу. Мария».

Ткачёв нежно улыбнулся. Такого от прекрасной соседки он не ожидал. Но, войдя в дом и повернувшись, чтобы закрыть дверь, почувствовал на затылке холод металла.

— Не двигайся... Чёрт! Это вы полковник!

Щелкнул предохранитель, холод с затылка исчез.

Обернувшись, Ткачёв увидел Хмеля, засовывающего оружие за пояс брюк.

— Что так неожиданно? Поесть спокойно не даете.

Полковник остолбенел от такой наглости.

— А что вы здесь делаете?! — наконец, спросил он.

— Обедаю, ёпрст! А вы врываетесь.

— Может вы ещё и поселитесь у меня?

— А неплохая идея! Я подумаю...

Разгневанный Ткачёв прошёл в комнату. За столом Хмель вовсю работал ложкой в

тарелке с борщом.

— Присоединяйтесь, полковник. Тут целая кастрюля. А ваша соседка вкусно готовит. Курица так пахнет, что я не сдержался. Простите.

— Вы слопали всю курицу?!

— Нет, — улыбнулся Хмель, вытирая губы рукой. — Только борща налил. И кусок хлеба отломил. Давайте быстрее присаживайтесь. Ещё всё горячее — она приходила минут десять назад.

— И она вас видела?!

— Нет. Я её видел. Хорошая женщина, правильная.

Ткачёв удивился такой оценке.

— Что значит правильная? — он налил в тарелку борща, сел и вдохнул аромат.

— Симпатичная, фигура хорошая, готовит вкусно и вопросов не задаёт лишних. А если ещё и...

— Не надо пошлить, поручик Хмель!

— А вы о чём подумали, Андрей Викторович?

И они рассмеялись, чувствуя, что их отношения немного смягчаются в дружескую сторону. Делить с соратником кусок хлеба — многое значит.

— Ну, что ваша беседа с первым секретарём? — Хмель отставил тарелку в сторону.

— А вы откуда знаете, что я пытался с ним поговорить?

— Я наблюдал, как вы вошли в здание горкома.

Ткачёв поперхнулся хлебом, откашлялся.

— Вы следили за мной?

— Нет, наблюдал. Полковник, вы до сих пор не представляете, что такое агент иностранной разведки, засланный для диверсии. Это убийца. Если он почувствует, что вы представляете угрозу, то уберёт вас без малейшего сожаления. Хотя ваш поход в горком его немного расслабил.

— Это почему?! — Ткачёв быстро выхлебал порцию и потянулся за добавкой.

— Потому что, посчитал, что направил вас по ложному и запутанному следу. А вы купились.

— Разве отработка связей Шмелёвой это ложный след?

— Поиск этих связей в горкоме — ложный след. Вы заикнулись на первом секретаре, как любовнике и попали в лабиринт аппаратных отношений, вместо того, чтобы искать убийцу.

Ткачёву борща расхотелось. Хмель одной фразой поставил полковника в дурацкое положение.

— Но я предвидел это, — гордо сказал агент, — и запросил личное дело Шмелёвой, а также проник в её квартиру и немного пошуровал там. Бумаги по Шмелёвой я скоро получу, и вечером мы с вами подумаем, где найти её убийцу.

— А что ценного в её квартире? — проникновение без санкции в жилище было противозаконным, но Ткачёв был уверен, что у Хмеля, как сотрудника КГБ, такие санкции были.

— Много чего интересного. И очень зря, что вы не провели там обыск.

— На каком основании. У меня нет прямых фактов, что Шмелёва входила в преступную группу.

Хмель задумался, но ненадолго.

— Здесь вы правы. Когда такой факт появится, надо провести обыск немедленно.

— Но вы-то там чего нашли? — от нетерпения Ткачёв забыл про курицу.

— Мне показалось, что в квартире следы тайника. Но открывать его я не решился. Это могло спугнуть главаря.

— Шмелёв главарь?!

— А почему нет?

— Убийство Шмелёвой тогда не логично.

— Полковник, вы мыслите условностями советского человека, а главарь — совсем не советский человек, — усмехнулся Хмель.

— Но коньяк он выпил очень по-советски...

Агент не сдержал смеха.

— Мне не смешно, — пробубнил Ткачёв, отламывая ножку курицы. — У меня остался день, а я топчусь на месте. А тут вы ещё подсовываете мне фантастическую версию: подполковник МВД СССР — агент иностранной разведки. Андропов Щёлокова порвёт и ключья перед Брежневым.

Хмель сыто отмахнулся.

— Не порвёт. Та игра, что мы затеяли, рассчитана на то, чтобы агент остался жив. А через него мы будем гнать дезинформацию.

— А если он не согласится работать на вас?

— А мы его не собираемся ловить. Нам надо чётко его установить. Все его каналы, связи и так далее.

Ножка курицы полетела обратно в тарелку.

— Я ничего не понимаю, — грустно сказал Ткачёв.

— Андрей Викторович, неужели вы думаете что наш заход в Афганистан это выполнение какого-там интернационального долга. И что американцы действительно посчитали что СССР применило агрессию и насаждение коммунистических идей. Да им наплевать на идеологию. Афган — это место, где формируется наркотрафик по всей Европе. А наркотики — это куча денег, без серьёзных вложений и с моментальной отдачей с разницей в тысячу процентов! В Афгане килограмм сырья стоит сто долларов, а на рынке грамм героина — сто долларов. И эта хренотень растёт на земле, как сорняки. А вы знаете, что в начале семидесятых производство наркотиков увеличилось в двадцать семь раз. И это на волне революции «хиппи» и разных там молодёжных течений, типа битломании. А тут русские хлоп, и перекрыли каналы. И уничтожили кучу производств. А тащить наркоту из Колумбии и Мексики в Европу весьма недёшево и опасно. Там африканские пираты и кубинские ракеты.

— Вы так рассуждаете в геополитике? — удивился Ткачёв

— А что там рассуждать? Идея, как таковая — это только прикрытие для неких амбиций. Капитализм, социализм, коммунизм — это лишь термины, которые оправдывают эти амбиции.

— Хорошо, прекратим эти философские размышления. Значит, Зареченск планируется сделать таким опорным пунктом для нашего контингента в Афганистане?

— Конечно. Географически это выгодно. Не зря тут построили и мясокомбинат, и молокозавод, а в перспективе — нефтезавод. Много предприятий как легкой промышленности, так и некоторых специфических. Поставить неподалеку военную базу и вот, готов плацдарм с инфраструктурой. Почему тут и сделали отделение Госбанка.

— Ладно, что-то проясняется в общем. Но вы же сами направили иностранного агента в Зареченск?

Хмель встал и решительно махнул рукой, будто разрубал воздух.

— Конечно, сами! Мы не стали ждать, что сюда пришлют неизвестного нам персонажа, которого потом замучаешься искать по большому городу. А тут вот, приставил к нему «ножки» и издали осторожно наблюдай. Все его связи будут простыми исполнителями. Но сейчас самое время найти агента, то бишь — Главаря. Пока у него отрублены все связи и снабжение. Он даже из города уйти не может.

— А зачем вы тогда проводили операцию с третьим эпизодом инкассаторов? Зачем выманивали его на открытое пространство?

— Мы его выманивали из логова. Он должен был быть где-то близко, на случай, если всё получится. Но он, скотина, перехитрил нас. А я потерял двух людей. Мы думали, что с Исполнителями справимся, а Главарь засветится неподалёку. И именно я должен был увидеть Главаря. Но благодаря Информатору всё пошло не так — ребят «раскусили» ещё в банке. Как?! Не знаю.

— Стоп, стоп, стоп, — поднял ладонь полковник, до которого стала доходить суть происходящего. — Так что получается? Меня сюда послали, чтобы я вышел на банду, потом Главарь убирает всех, на кого я вышел, а потом вы выходите на Главаря? Но оставляете его в Зареченске?

— Приблизительно так, — кивнул Хмель.

— Так вот почему здесь все такие спокойные, а я один ношусь, как пес, высунув язык?

— Вы умнее, чем кажется, полковник.

Ткачёв обхватил голову ладонями. Он стал понимать, что от него требовалось. Вычислять участников банды и наводить на них Главаря, пока он всех не шлёпнет. Но самого Главаря надо только вычислить, не показывая этого. И всё это ради чего?

— И всё это ради контроля над оборотом наркотиков? — вслух спросил он.

— Наркотики и лекарства — это одна из форм манипуляции. Попробуйте оставить наркомана без дозы, так он за дозу чего хочешь сделает. А попробуйте оставить больного без лекарства... Именно эти два рынка и есть самые рентабельные и доходные. Не удивлюсь, если в недалёком будущем будут специально выдумывать болезни, чтобы делать под них лекарства.

Ткачёв помотал головой, словно хотел освободить её от мозга.

— Почему вы думаете, что Шмелёв подходит на роль Главаря?

— Очень просто. Первое — он муж Шмелёвой. И если она была Информатором, что мы вскоре узнаем точно, то всё складывается. Второе — Шмелёв, используя своё положение, мог легко выйти на контакт с Цыганковым. А тот смолчал, дабы не быть «человеком» в уголовном мире. Третье — Шмелёв имел доступ к кадрам, так как в его обязанности кадры ГУВД и входят. То есть, подобрать Исполнителей ему не составило труда. Четвёртое — он в течение дня может быть где угодно, потому что на службе. Пятое — его должность и звание позволяют ему знать о расследовании всё, ведь Поплутин ему подчиняется. И он может отводить от себя всякие подозрения.

— Складно, — согласился Ткачёв. — Если Поплутин и опера сегодня накопают что-то в таксопарке, значит, нам ждать очередной труп?

— Да. Если конечно, среди таксистов есть Шофёр.

— А если Поплутин, согласно моего поручения накопает в кадрах ГУВД Исполнителей

то...

— Ещё и трупы Исполнителей. Всё верно.

— А потом...

— Вы будете копать под первого секретаря горкома и его «удачно» переведут в другой город. А здесь будет другой.

И предвосхищая фразу Ткачёва Хмель закончил:

— А затем вы едете в Москву героем за наградой, Поплутин становится замом Шмелёва и получает звание подполковника. А в Зареченск придет бригада из КГБ. Вот и всё. А забыл... Приедет из Москвы новый прокурор города.

Но полковник сорвал с последней фразы агента пафосное покрывало.

— А если Главварь — не Шмелёв?

Хмель сощурился.

— Тогда вы, Андрей Викторович, должны найти настоящего Главваря. И пока не найдёте, отсюда не уедете...

После ухода Хмеля Андрею Викторовичу захотелось написать рапорт об увольнении и немедленно отбыть в Москву. Но он знал, что рапорт ему запихнут в одно место и протолкнут до самых гланд, а потом мощным пинком отправят обратно в Зареченск.

А ещё он понимал, что Хмель, скорее всего, прав. Главварь явно близок к милицейскому кругу. Одно убийство Цыганкова об этом говорит. Потому что уголовники на встрече с Ткачёвым сразу бы обозначили его связи с Главварём, ибо... боялись агента чекистов и боялись гнева Автондила. Получается, что Цыганков в обход «авторитетов» договаривался с Главварём. Значит Главварь — мент. Или около того. И на Цыганкова у него был железный компромат.

Так, надо поднять дела, где фигурирует Цыганков. Но сделать это незаметно — через следователя прокураторы. Он, вроде, старик ничего — понятливый.

Значит надо не откладывать, а ехать в прокуратуру, а потом в управление — ждать Поплутина и оперативников. Что Ткачёв и сделал, не забыв поставить курицу и остатки борща на холод.

В прокуратуре города царил тишина. Привычный сторож на входе тихим голосом подсказал полковнику куда надо идти. Того самого старика с пышными усами — старшего следователя Михаила Ильича Рыкова — Ткачёв застал в кабинете дремлющим над папкой с делом убийства Шмелёвой.

— Каким ветром, товарищ полковник? — очнулся от дрёмы следователь.

— Я с просьбой к вам...

— Слушаю внимательно, — приосанился Михаил Ильич.

— Не могли бы вы мне найти дела, где фигурирует Цыганков? Неважно в каком качестве.

— Хм, — задумался старик, теребя усы. — У вас время есть?

— Да, я бы посмотрел протокол осмотра квартиры в которой убили Цыганкова.

Михаил Ильич встал, достал из шкафа папку, протянул Ткачёву:

— Это здесь. Я сейчас схожу в архив, найду дела связанные с Цыганковым. Их немного.

Следователь ушёл. Ткачёву понравилось, что он не задавал вопросов. Старик, наверное, и сам всё понимал.

Не успел Ткачёв дочитать протокол, как Михаил Ильич вернулся с пятью папками.

— Вот, — протянул папки полковнику, — Цыганков не успел сильно навредить в

городе. Он появился-то в городе с полгода назад. Да, как раз Олимпиада началась. Румянцев взял его на драке в столовой. Мы делали запрос по месту его бывшего проживания, справка прямо в том деле о драке.

Ткачёв стал читать.

Оказывается, Цыганков был родом из Геленджика. Но во время Олимпиады почему-то переехал в Зареченск, буквально на два дня заскочив в Москву. А в Зареченске тут же угодил в милицию за драку в столовой. Ему дали пятнадцать суток и отпустили. Потом он устроился стропальщиком в депо железнодорожной станции. Был задержан за распитие спиртного во время рабочего дня. Получил десять суток, ибо препирался с милиционерами. Потом за безбилетный проезд семь суток и ещё пятнадцать за какую-то мелочь. А вот содержимое последней папки было очень интересным.

В начале ноября Цыганков сдал в ГУВД найденный им пистолет «ТТ». Опрос вёл заместитель начальника ГУВД Шмелёв.

«Твою мать!» — выругался про себя Ткачёв. По протоколу опроса Цыганков тогда числился обходчиком железнодорожных путей и показал, что нашёл оружие во время обхода. Три обходчика из бригады это подтвердили.

Ткачёв выписал их фамилии в блокнот и заводской номер пистолета. Кстати, оружие было сдано в камеру вещдоков при прокуратуре и имело инвентарный номер. Ткачёв подумал и его тоже записал в блокнот.

— Огромное спасибо, Михаил Ильич, за помощь!

— Вам чем-то помогло?

— Не знаю, но некоторая информация есть.

— Хорошо. Я отнесу дела, а вы подождите, — попросил следователь.

Михаил Ильич, несмотря на свою грузность, вернулся скоро.

— Как прошла встреча с прокурором города? — старик явно намекал на объединение дел.

— Он отклонил рапорт в довольно оригинальной форме.

— Понятно, — следователь взглянул на часы. — Кстати, рабочий день закончился и за мной подъедет мой приятель из местного КГБ. Мы в одном доме живём. Не хотите перекинуться с ним парой слов? Может быть, и более поздняя встреча тогда не понадобится. У вас же полно хлопот, Андрей Викторович...

— Отлично. Я не против поговорить сейчас. Это не займёт много времени.

Михаила Ильича на улице ждал старенький синий «Москвич». Из него вышел такой же старенький мужчина в кепке и выбритым лицом чекиста времен Феликса Дзержинского, свято соблюдающего принципы диктатуры пролетариата.

— Гриш, вот тот полковник, о котором я тебе говорил, — следователь кивнул на Ткачёва.

Гриша осмотрел Андрея Викторовича так, будто мог взглядом обнаружить у того под пальто записывающее устройство.

— Лады, — коротко сказал он и включил двигатель машины. — Миша, посиди пока, погрейся.

Потом подождал, когда следователь сядет в «Москвич» и хлопнул дверью.

— Говори, полковник...

Ткачёв немного растерялся от такого напора, но спросил:

— У вас есть какие-нибудь доказательства встреч первого секретаря горкома и бывшего

зама управляющего отделением Госбанка?

Старый чекист прищурился:

— А тебе зачем?

Ткачёв выпалил приготовленный ответ:

— Я не могу опросить первого секретаря в связи с убийством Шмелёвой. Прокурор отклонил мою записку. Но круг её знакомств в городе довольно узок, и беседа с секретарём позволит мне составить более детальную картину для расследования.

— Хороший аргумент, — цокнул языком Гриша. — Да, полковник. У нас есть доказательства встреч Шмелёвой и первого секретаря. Если от моего начальства поступит распоряжение, то я предоставлю их. Что-то ещё?

— Да. Это моя личная просьба, если можно...

— Говори. Миша сказал, что ты толковый опер, а Мише я верю.

— Не могли бы вы, по своим каналам, пробить подполковника Шмелёва?

Гриша на минуту замолчал. Он что-то шептал, еле двигая губами, но Ткачёв ничего не слышал из-за шума мотора «Москвича».

— Договорились, — наконец, громко ответил чекист. — Но с тебя коньяк. Завтра в обед загляни... нет, пришли опера к Мише с каким-нибудь мелким поручением. Нодия, есть такой?

— Да.

— Вот с ним и присылай коньяк, — улыбнулся Гриша и протянул руку для прощания.

Поддержка местных чекистов Ткачёва воодушевила. Он уже не думал, что находится в полнейшем одиночестве, хотя доверять КГБ стоило не всегда. Слишком всё там хитроумно.

Полковник добрался до управления, когда уже совсем стемнело, но в кабинете сотрудники уголовного розыска сосредоточенно анализировали набранную в таксопарке информацию, обложившись блокнотами и всякими справками.

— Ну, как тут у нас? — Ткачёв бодро зашёл в кабинет.

— А неплохо! — так же бодро ответил Поплутин под одобрительные улыбки оперов. — Вот, посмотрите, Андрей Викторович...

Он разложил на столе большой лист ватмана с нарисованными кружочками, стрелочками и кучей фамилий и номеров.

— Как мы и предполагали, у механиков в гараже ведётся журнал вызовов. Начальник таксопарка по нему сверяет выручку и выписывает премии. Также мы сверились с диспетчером и начальниками смены, о том, кто работает, и в какие дни. Потом взяли списки и выделили пять дней...

— Дни совершения убийств и нападений на инкассаторов? — уточнил полковник.

— Да, но ещё взяли дни перед этими датами.

— Так, хорошо! И?

— Есть пять фамилий, товарищ полковник. Всего пять!

— Их личные дела?

— Конечно. Сняли копии. Сейчас перепроверяем, вдруг потеряли кого. Вот предварительная схема, — Майор указал на лист ватмана. — Мы занесли сюда все фамилии таксистов. А их не так много.

Ткачёв взглянул и удивился той титанической работе, проведённой оперативниками. Они сделали больше — посменно выделили механиков гаража.

— Спасибо, товарищи, — благодарность полковника звучала похвалой. — Я сейчас посмотрю. И сразу, чтобы не забыть. Лейтенант, завтра после обеда сгоняйте в прокуратуру к Михаилу Ильичу. Он по моей просьбе подготовит справку по убийству Цыганкова. Мы со следователем немного повздорили, так что, будьте любезны, купите коньяк по дороге в прокуратуру. Передайте с моими извинениями. Хорошо?

Ткачёв со скрытым сожалением достал из своего кошелька десятку и протянул лейтенанту. Поплутин перехватил его руку.

— Не надо, товарищ полковник. После обеда заходил Шмелёв и вернул деньги за утреннюю бутылку. Они на вашем столе.

— Вот как! И как он?

— Гладышев дал ему разрешение поехать домой. Подполковник аж посерел лицом... Ему же так никто и не сказал, когда можно хоронить.

— А сам Гладышев где? — Ткачёва это сильно заинтересовало. Неужели они с первым секретарём и прокурором всё решили?

— Начальник минут десять, как домой уехал. Хотел вас дождаться, но потом передумал.

— Ладно. Лейтенант, возьмите деньги с моего стола.

Ткачёв стал внимательно рассматривать лист ватмана.

В таксопарке Зареченска работало пятьдесят семь водителей и двадцать девять

механиков. Машин числилось в количестве тридцать одной «Волги», правда, три стояли на капитальном ремонте. План водителя за смену был утверждён в размере шестнадцати рублей.

Действительно, фамилии всего пяти шоферов мелькали во все дни убийств и нападений на инкассаторов. Остальные фамилии менялись, попадая на глаза два-три раза. Пара семей встречалась четыре раза. Ткачёв взял копии личных дел.

Первый отпал сразу. На полковника с фотографии смотрел человек предпенсионного возраста, работавший в такси с двадцати лет. Сразу после службы в армии. Служил в какой-то автомобильной роте и все время жил в Зареченске. По характеристике не принимал спиртное, страдая болезнью желудка. План выполнял исправно, нареканий не имел.

Второй заинтересовал больше. Мужик сорока лет, правда, женат и имеет троих детей. По характеристике дуже любит работать, и способен халтурить в рабочее время. Пару раз штрафовался за выключенный счётчик. Тут понятно — детей надо кормить, обуть и одеть. Но, как человек, склонный к «левому» обогащению может быть кандидатом в Шоферы банды.

Третий не вызвал интереса. Молодой парень, невысокий, тщедушный, но закончивший школу ДОСААФ. В армию не попал, имеет отсрочку и больную мать на руках, то есть её единственный кормилец. План выполняет с трудом. Скорее всего, много времени проводит с больной женщиной.

Четвёртый тоже не вызвал интереса. Этаким педант в очках, четко выполняющий план копейка в копейку и жестко соблюдающий время рабочего дня. Служил давно где-то в Забайкалье, живет рядом с таксопарком.

Пятый же, был самый подходящий. Тридцати лет, год проживающий в Зареченске, не женат. Служил в батальоне аэродромного обслуживания на заправщике. Замкнут, выпивает нередко, но с пассажирами очень вежлив. Чаще всего вызывался жителями по телефону. Откуда приехал в Зареченск — данных в личном деле не было.

Полковник закрыл папку, положил в стопку и двинул в сторону. А что он хочет? Будто из папки вынырнет бандит и скажет: — Андрюша! А я вот тут!

Чёрт! Какой же он дурак! Ведь вряд ли в первом нападении будет фигурировать таксист. Возможно, но вряд ли. И когда убили Шмелёву, то же вряд ли. И при убийстве Цыганкова никто не слышал звука мотора. Надо искать пока в тех днях, когда нападали на инкассаторов во второй и третий раз.

— Так, товарищи, ищем таксистов, кто работал в дни второго и третьего нападения на инкассаторов. И, на всякий случай, сверяем их с днем убийства Шмелёвой.

Оперативники сникли. Они поняли, что проделали почти бесполезную работу, но другого варианта пока не было.

Полковнику стало их жалко. Они выглядели очень уставшими и измотанными.

— Хорошо. Майор, закругляемся на сегодня. Продолжим завтра утром.

Андрей Викторович уже не удивился, встретив у себя в доме Хмелья.

— Полковник, я доел борщ, а курицу оставил вам. Там в печке, ещё горячая. Чай тоже готов.

— Вы получили материалы по Шмелёвой? — вместо «спасибо» спросил Ткачёв.

— Конечно, — улыбнулся Хмель, вынимая большой конверт. — Вы смотрите, а я вздремну. Весь день на ногах.

Полковник не стал возражать, налил чаю, включил настольную лампу и принялся

читать под мерное сопение агента.

Елена Петровна оказалась непростой «штучкой». Родилась в Тюмени, а потом с родителями переехала в Сургут. Там закончила школу с золотой медалью и поступила в Новосибирский филиал Плехановского института на финансовый факультет. После защиты диплома ушла в аспирантуру. Её работой заинтересовались в Москве. Два раза она ездила в столицу, но что-то не сложилось. По справке, составленной в КГБ одним из информаторов из высших экономических кругов СССР, её работа, по мнению светил финансовых наук, была слишком прогрессивной и касалась перестройки в работе Госбанка.

Ткачёв ничего не понял в терминах, что фигурировали в справке, но понял, что девушка кому-то перешла дорогу своей работой. Но кто-то её и поддержал.

Из аспирантуры её попросили, но кто-то влиятельный помог Елене Петровне устроиться на работу в филиал Госбанка в Сургуте. Там она потихоньку продолжила заниматься научной деятельностью, что следовало из справки первого отдела филиала. Работала прилежно, активно занимаясь общественным делом.

Но тут всё и началось. Родители Елены Петровны замёрзли в тайге. В вездеходе что-то сломалось, и их группу искали почти две недели. Морозы стояли под минус пятьдесят. Никто из группы не выжил.

Елена Петровна ушла в себя после похорон и, чтобы она хоть как-то сняла стресс, отправили её на месяц в санаторий Геленджика. Там она и познакомилась с будущим мужем.

На этом месте Ткачёв задумался. Было странно, что в документах никак не говорилось о её личной жизни. Судя по той внешности, что была изображена на фото в деле об убийстве, Елена Петровна могла свести с ума любого мужчину, да и Шмелёв упомянул о неких её способностях в хм... интимном деле. Где же она этих способностей нахваталась?

Раздумывая, Ткачёв вытряс из конверта с документами фото Елены Петровны. Изображение было так себе, видимо снимали в неподходящих условиях. Потом полковник достал фото Шмелёвой, которое он носил с собой. Две фотографии положил рядом и присмотрелся. Затем достал из своего портфеля увеличительное стекло...

На двух фотографиях женщины были похожи. Очень похожи. Но это были две разные женщины.

Ткачёв выпрямился на стуле и приставил к подбородку край лупы, рассматривая в окно начавшийся снегопад. Мысли его хаотично закрутились, выстраивая цепь умозаключений.

Судя по всему, иностранные разведки каким-то способом получили данные о работе Елены Петровны в рамках аспирантуры. Их аналитики посчитали, что если русским не нужна её работа, то за границей может понадобиться. И неким способом вышли на контакт с женщиной. Скорее всего, подсунув ей мужчину и пообещав рай за кордоном. Понятно, что наши спецы, пойдя на поводу у завистливых «мужей финансовых наук», просто не обратили внимания на контакты Елены Петровны.

Выходит... надо разбудить Хмеля.

Агент от прикосновения Андрея Викторовича даже не дернулся, а только приоткрыл вопросительно один глаз.

— Вам стоит на это посмотреть, — спокойно предложил полковник, отхлебывая из кружки чай.

Хмель сел и взглянул на две фотографии. Опытный взгляд агента тут же обнаружил разницу.

— Ах ты, чёрт! — не сдержался он. — И что теперь с этим делать?

— Звонить Трефилову и выпрашивать допрос первого секретаря. А ещё узнать кто Шмелёву направил в Зареченск. Подполковник говорил, что перед назначением она заезжала в Москву.

— Куда в Москве она заезжала мы знаем, — задумчиво сказал Хмель. — На Главпочтамт. Она отбила телеграмму в Сургут, чтобы собрали её вещи и переслали в Заре... Вот, чёрт! Вот это мы проворонили! Тут масса мелких нестыковок, а мы не додумались их проверить.

— А что такое? — недоумевал Ткачёв.

— Её телеграмма в Сургут была сигналом. Надо срочно узнать, кто из Сургута отправлял её вещи. И понятно, что в Геленджике Шмелёву заменили. Значит, необходимо прошерстить всех, кто отдыхал в пансионате.

— Кстати, Шмелёв там тоже отдыхал, — улыбнулся Ткачёв.

Хмель нахмурился. В его логике что-то не стыковалось.

— Выходит Шмелёв не может быть Главарём банды? Но тогда кто?

Полковник пожал плечами.

— Версию со Шмелёвым выдвигали вы. И мне до этого момента она казалось стройной, но теперь выяснив, что Шмелёва и есть агент иностранной разведки, версия мне не кажется рабочей. Хотя...

Андрей Викторович не стал говорить Хмелю, что попросил местных чекистов «пробить» замначальника ГУВД.

— А что с таксистами? — поинтересовался Хмель.

— Похоже, что тянем пустышку. Очень трудно вычислить из двадцати человек того, кто нам нужен. Остается только одна зацепка к нему — купленный после Нового года автомобиль. Но ГАИшники не торопятся давать нам сведения. Нет распоряжения прокурора. С городским прокурором вообще сложно, он даже порвал мой рапорт об объединении всех дел по убийству в одно.

— Прокурор тут, да, — согласился Хмель, — тот ещё фрукт. Но у Трефилова нет связей в прокуратуре СССР. Не наработал ещё.

— Так что делать будем? — вяло поинтересовался Ткачёв.

— Звоните Трефилову. Докладывайте. А потом уже будем решать.

Полковник вздохнул и пошёл к телефону, но Хмель его остановил:

— Минуту...

Агент подсоединил к телефонному проводу небольшой прибор с клавишей.

— Это шифратор, — пояснил он. — Мало ли, кто этот телефон слушает.

Ткачёв набрал номер. Этот номер генерал назвал ему при прощании, объяснив, что по нему его соединят с Ткачёвым в любое время. И передал код — сто двадцать семь.

В трубке что-то защелкало, потом раздались гудки.

— Слушаю, — прохрипело в трубке после гудков. — Назовите код.

Полковник назвал.

— Соединяю, — снова раздались гудки и закончились. Потом, слегка искаженный шумами, прорвался голос генерала: — Слушаю, Трефилов.

— Товарищ генерал, это Ткачёв из Зареченска...

— Докладывайте, полковник.

Андрей Викторович унял легкую дрожь, поражаясь насколько безэмоционален голос

Трефилова.

— Мной установлен приблизительный состав банды, совершавшей нападения на инкассаторов. Предположительно выявлены все её участники, кроме Главаря. Но сегодня утром один из предполагаемых участников под обозначением Информатор был убит выстрелом из пистолета. В ходе проверки выяснилось, что Информатор не то лицо, которое числится по документам...

— Подробнее, полковник, — тут же попросил генерал.

— Убитая Шмелёва Елена Петровна работала заместителем управляющего отделением Госбанка в Зареченске. Я предполагаю, что она наводила банду на инкассаторов. Проверяя её историю, обнаружено несоответствие её личности с подлинными документами. Под документами Шмелёвой скрывалась другая женщина, личность которой неизвестна. По достоверной информации она имела тесный контакт с первым секретарем горкома партии Зареченска, а её мужем был заместитель начальника ГУВД. Опрос подполковника Шмелёва ничего не дал, но он подтвердил устно, что его жена три месяца до убийства не вылезала из койки первого секретаря, и получала от него различные подарки. Расследование сильно тормозит нежелание местных властей и прокуратуры сотрудничать со следствием. Мой допуск не позволяет опросить сотрудников отделения Госбанка, первого секретаря и я не могу добиться возможности провести осмотр места работы и места жительства Шмелёвой.

Генерал молчал, в трубке скрипели помехи.

— Вы вышли на связь с моим агентом? — неожиданно спросил Трефилов.

— Да, агент вышел на меня в первый же день.

— Пусть он срочно установит личность убитой. Если она связана с иностранными спецслужбами, то вы тут же получите все разрешения. Как долго вы ещё планируете вычислять всех фигурантов банды?

— Поток информации огромен, товарищ генерал. Я начинал розыск практически с нуля и физически в одиночку не успеваю отработать все версии. Мной была выбрана одна, и судя по убийствам — она верна. Похоже, Главарь банды начал зачистку.

— Хорошо, — уже бодро сказал Трефилов. — Я посоветуюсь с руководством, а вы ускорьте розыск по мере возможности. Юрий Владимирович уже лично интересовался делами по Зареченску. Звоните мне завтра вечером и доложите о результатах. После будем решать, что делать...

В трубке послышался щелчок прерывания связи. Ткачёв положил трубку и повернулся к Хмелью:

— Вам приказано срочно установить личность Шмелёвой.

— И так понятно, — поморщился агент и стал собираться, пробурчав. — Опять всю ночь не спать...

И уже выходя из дома, повернулся к Ткачёву.

— Утром дождитесь меня. И аппарат от телефона отсоедините...

Полковник закрыл дверь в комнату, подбросил в печку пару поленьев. Он не сомневался, что Хмель добудет доказательства, и надо было сформировать круг вопросов, которые задавать как сотрудникам отделения банка, так и первому секретарю Горкома.

Ткачёв сел в кресло у окна и вместо того, чтобы заниматься составлением вопросов, стал думать о том, кто может подойти на роль Главаря. Все прошедшие события показали, что Главарь опережает его на шаг. Значит, у него есть доступ к информации о том, в каком направлении ведётся розыск. Это очевидно. Стоило Ткачёву прийти к уголовникам — сразу

убрали Цыгана. Стоило Румянцеву засветиться в банке — убрали Шмелёву. То что скоро появится труп Шофёра вне всякого сомнения. А потом? На что рассчитывает Главварь?

Он сейчас без связи, без денег и доступ к информации ограничен. Ещё и КГБ активно включается в розыск, вытаскивая детали операции внедрения. И уходить нельзя, и оставаться опасно. Нельзя уходить по двум причинам. Первая — не выполнено задание, если оно связано с разработками на радиотехническом заводе. Вторая — не смотря на кажущуюся свободу в передвижениях, всё отслеживается довольно чётко, а если Главварь «на виду», то сразу его исчезновение вызовет подозрение. И, соответственно, розыск. А с невыполненной задачей его «кураторы» не будут особо торопиться с эвакуацией. Не для этого Главварь сюда заслан.

Так что он сделает после зачистки Шофёра? Ведь Ткачёв все равно отыщет Исполнителей. Потом будет и их зачищать? Но тогда при распоряжении силовым способом убрать инженеров-радиотехников, Главварь должен будет это сделать в одиночку и явно засветится. В какой-нибудь мелочи, но засветится!

Ткачёв вскочил с кресла. Решение мелькало прямо совсем рядом, и он никак не мог ухватиться за него. Да! Надо найти способ, которым получает Главварь от «кураторов» информацию. А как это может быть? Явно не с помощью рации, это смешно. Телефон, телеграф или лично. Но кто будет в этот Зареченск мотаться? Только тот, кто знает Главваря лично.

Ткачёв сел за стол, взял лист бумаги и начертил сверху большой круг. Вписал в него — первый секретарь. Под этим кругом нарисовал три круга поменьше и вписал в них — Гладышев, прокурор, Гриша. Под ними начертил ещё меньше круги и обозначил — Шмелёв, потом подумал и вписал — Поплутин, Румянцев. Больше никого он не знал, а собственно никого больше и не было. Предположить что ещё кто-то из постовой службы, участковых и ГАИшников может претендовать на роль Главваря, Ткачёв не мог. Шмелёв стоял над патрульными и участковыми, а начальника Зареченского ГАИ полковник даже и не видел. Чисто гипотетически любой патрульный или участковый мог быть Главварём — они особо не на виду целый день, но как тогда им быть в курсе того, что происходит в розыске? Не будут же они каждые полчаса являться в дежурку управления и спрашивать — а что там делает Поплутин с операми? И куда они направились?

А, собственно, почему нет? В городе десять опорных пунктов и двенадцать участковых. Они обязаны звонить дежурному и справляться о вызовах к населению. А Поплутин в запарке так и не сделал Ткачёву справку о работающих и уволенных недавно сотрудниках. А надо это сделать. Ладно, подумал полковник, завтра Гладышеву поручу это. Так ненавязчиво, чтобы у него особо мыслей не возникло.

Ткачёв провел стрелку от круга первого секретаря вбок и написал на её конце — Шмелёва. У главваря и Шмелёвой должна была быть связь. И это было либо по телефону, либо лично. Если лично, то Главварь в течение рабочего дня отделения банка должен находиться рядом. А Шмелёва не могла быть в здании отделения, поскольку все телефоны там слушаются первым отделом. По третьему эпизоду нападения на инкассаторов она должна была выскочить с работы и бежать куда-то к телефону. Куда? И как дозвониться, например, участковому, патрульному или ГАИшнику. Дату и время поездки инкассаторов никто не знал, кроме Хмеля и его ребят. То есть, Главварь в этот день должен был быть на телефоне постоянно.

Ткачёву казалось, что он всё равно упускал нечто важное во всех этих историях, но не

мог понять что. Он взглянул на время — шёл первый час ночи. Усталость от напряженной работы мозга давала о себе знать, и полковник почувствовал себя разбитым и голодным. Он ведь так и не поужинал.

Только он собрался перекусить, как раздался телефонный звонок. Ткачёв вздрогнул от неожиданности, потом осторожно снял трубку:

— Да...

— Полковник, это — Гриша. Прости, что беспокою, но твой адрес никто не знает, кроме меня. Михаил Ильич просил тебе позвонить. На окраине города в лесу нашли машину с трупом. Житель за дровами пошёл и наткнулся. Поплутин ждёт тебя в машине на параллельной к твоей улице у магазина «Хлеб».

Поплутин нервно вышагивал около милицейского Уазика в ожидании Ткачёва.

— Товарищ полковник! — он кинулся открывать дверь машины, увидев Андрея Викторовича. — Дежурный...

— Я знаю, Александр Владимирович, — Ткачёв с ходу сел в машину. — Поехали!

Этот Уазик был гораздо новее, чем тот на котором Ткачёв ездил в отделение банка. Двери не дребезжали, мотор гудел ровно, а в щели не дуло, и даже печка работала. Патрульный уверенно вел машину и немного сбавил скорость, когда они подъехали к лесополосе на восточной окраине города.

— Вон участковый, — показал Поплутин на человека, который подсвечивал себя фонариком. Уазик притормозил около него, и милиционер забрался в машину. Напрягся, увидев Ткачёва.

— Товарищ майор? — вопросительно поглядел на Поплутину.

— Это полковник Ткачёв из Москвы, капитан. Можете говорить.

Участковый снял шапку.

— Полчаса назад ко мне постучался Сенька Лохматый, сказал, что за дровами ходил и в лесу нашел машину с человеком. А человек не двигается. Вот я и позвонил дежурному.

— А сам Лохматый?

— У меня в доме, пока я вышел вас встречать. Налил я ему стакан, а то он трясся, как осиновый лист.

— Берите этого Лохматого и поедem на место, — приказал полковник.

Капитан выскочил на улицу и вскоре вернулся с маленьким мужиком в ватнике и валенках.

— Здравы будьте, начальники, — прохрипел Лохматый, загружаясь в Уазик.

— Сидел? — спросил Ткачёв.

— Было дело. Год за неуплату алиментов.

— Ладно. Показывай дорогу.

Пока Сенька руководил дорогой, Ткачёв незаметно присмотрелся к участковому. Конечно, так засветиться Главарию было рискованно, около дома убирать Шофёра. Но был ли в машине именно Шофёр из банды? Вдруг человек за дровами приехал, а у него сердце не выдержало.

— Лохматый — это кличка? — спросил Ткачёв.

— Обижаешь, начальник. Фамилия моя, — обиделся Семён.

Они подъехали к месту, и свет от фар милицейской машины выхватил из темноты «Жигули» с хромовыми полосками на бортах.

— Новая машина, — причмокнул Лохматый. — Даже муха не сидела!

— Так, сержант, — скомандовал Ткачёв. — Идите назад и ждите экспертов и дежурного следователя. А мы тут пока осмотримся. Капитан, а вы почему без планшета?

— Так это... я...

— Я — последняя буква в алфавите, — перебил полковник. — Как вы собираетесь записывать показания свидетеля?

— Сейчас... я быстро, — участковый выскочил из машины и побежал обратно к домам.

Ткачёв поймал на себе укоризненный взгляд Поплутину, но только поморщился.

— Так, Семён, — обратился он к Лохматому. — А теперь быстро и внятно расскажи, что тут произошло. Каким образом ты оказался здесь ночью? И я не поверю, что ты ничего не видел.

— Так это, начальник, — залепетал Лохматый. — Дрова нынче дорого стоят, а я же Люське своей отдаю четверть зарплаты. Вот ночью и хожу по дрова, чтобы никто не видел. Я же маленько беру, ну, сколько на санках увезти можно.

— Семён, не юли! Шарил в машине? Говори, как есть!

— Начальник, ну ты что? Я так... заглянул одним глазом.

— И что увидел?

Лохматый огляделся по сторонам, потом быстро зашептал:

— Двое их было, начальник. Приехали и встали здесь. Фары не выключали, а я вон под тем деревом бревном прикинулся, а сам одним глазом посматривал.

— Видел что?!

— Так это... говорили они вроде. Потом один в машине остался, а другой вон туда пошёл, — Семён показал в сторону домов тянувшихся в темноте снежными крышами. — Ходко так пошёл. А вона там, почти у столба, рукой ка-а-а-ак махнул в сторону леса. Будто кинул чего. И опять пошёл. А в машине-то фары и движок выключил. Разглядел я хорошо его. Снег-то уж белый.

— Машину открывал?

— Нет, — замахал руками Лохматый. — Я только к задней дверке подошёл, а смотрю, мужик там к рулю склонился, ну, я подумал, что лучше к участковому сбегать. Он тут же живет недалеко.

— Во что второй одет был?

— Куртка на нем была, как пальто, только короткая. Шапка роскошная, мех во все стороны.

— Лицо видел?

— Нет, начальник. Вот лица не заметил — темно. В машине тоже свет не горел.

Ткачёв взглянул на Поплутину. Тот сидел, ерзая от нетерпения.

— Выйдем, майор.

Они хлопнули дверями, выходя на снег.

— Александр Владимирович, приказать не могу, но если ты сейчас двинешь по следам этого в пальто и шапке, то есть вероятность, что догонишь. Время позднее. Даже если он такси поймал, то утром мы его вычислим. Знать бы где поймал...

— Я понял, Андрей Викторович, не беспокойтесь.

И он бегом бросился по той дороге, по которой уходил предполагаемый преступник. Ткачёв открыл дверь машины и сурово посмотрел на Лохматого.

— Так, Семён. Теперь запоминай. Всё то, что ты сейчас рассказал, участковому не повторяй, понял! Говори, да — шёл за дровишками, потом обратно, заметил, но никого не видел и ничего не слышал. Ты понял?!

— Да, начальник. Я так и сказал участковому. Про второго это я только вам...

— Вот и молодец. Если вдруг кто придёт и начнёт что-то выспрашивать, никому ничего не говори, а потом сразу звони в управление — майору Поплутину. Только от участкового не звони, подожди немного и в город беги к телефону. Усёк, Семён?!

— А то, начальник. Я же не дурак. Всё будет ништяк.

Послышался шум мотора и замелькал свет от фар. Ткачёв вышел из Уазика и

присмотрелся. Это оказалась машина с экспертами и следователем прокуратуры.

— А вы кто? — недоверчиво спросил молодой следователь, которого Ткачёв в первый раз видел. Полковник показал удостоверение.

Следователь, похоже, сильно удивился появлению тут полковника аж из самой Москвы. Будто увидел динозавра из времен полинезийской эпохи. Тут подоспел и запыхавшийся участковый.

— Лохматый в Уазике, — показал ему Ткачёв. — А мы со следователем осмотрим «Жигули». Включите фары ярче!

«Жигули» стояли на съезде с просёлочной дороги, но на притоптанном снеге, будто на опушке леса отряд бравых пионеров усердно топтал место целый день. Эксперты, вооружившись перчатками и фонариками, открыли водительскую дверь «Жигулей».

Внутри сидел мужчина, склонившись телом на руль. Руки безвольно висели вдоль туловища, а голова повернута в сторону пассажирского сидения. Пришлось открыть остальные двери, чтобы рассмотреть лучше. Защелкали вспышки фотоаппаратов.

Следователь согрел ладони и стал записывать результаты осмотра. Мужчина был убит точным выстрелом в сердце, а в машине были обнаружены и документы водителя, и документы на машину. Тут подъехал Рафик из морга, и стало ещё светлее. Пока остальные занимались делами, Ткачёв обошёл края поляны и заглянул под дерево, под которым, по его словам, лежал бревном Лохматый. Действительно, снег был примят ровно под его рост. Значит, не врал.

Через полчаса полковник начал беспокоиться, поглядывая на дорогу вдоль домов — Поплутин не возвращался. И когда беспокойство стало превращаться в тревогу, фигура майора появилась. Пошатываясь и отдуваясь, Поплутин подбежал к полковнику:

— Не догнал, — прошептал он, с трудом восстанавливая дыхание. — Уф, запыхался...

— Завтра пойдёте сдавать нормы ГТО, — раздражённо сказал Ткачёв и крикнул. — Сержант, заводите машину!

Следователь и эксперты удивленно прервали работу.

— Товарищ следователь, заканчивайте сами, — буркнул полковник, залезая в Уазик. — Вы же знаете, что надо делать.

Уазик рванул с места, подняв облако снежной пыли.

— Туда, — направлял движение Поплутин. — Я шел по следу, но потерял его в трехэтажках. Шустрый оказался...

Машина выехала в черту городских построек. Трехэтажные панельные дома рядами тянулись вглубь города, а вдоль рядов проходили узкие улочки, соединяясь на площади у широкого здания с вывеской «Универсам». За ним виднелись силуэты ветвистых деревьев, а дальше маячили пятиэтажки Центрального района.

— Я потерял след около универсама, — объяснил Поплутин, вытирая пот.

— Розыскники с собаками есть в управлении?

— Нет, — с сожалением ответил майор. — Были две собаки, но их списали по старости, а новых не взяли.

— Стой, — скомандовал Ткачёв, когда Уазик выскочил на площадь перед универсамом. Полковник вышел из машины и осмотрелся.

Город был словно неживой, только потрескивала неисправными лампочками буква «У» над входом в универсам, да тускло светили пару фонарей на площади.

— Я его видел, — прошептал вышедший из машины Поплутин. — Когда выскочил к

трехэтажкам из леса. А когда сюда добежал, его уже и след простыл.

Ткачёв бессильно понимал, что драгоценное время бежит и преступник уходит всё дальше и дальше, но сделать ничего не мог. Крутил головой по сторонам и топтался на месте, дергаясь то туда, то сюда.

Послышался звон стекла и на первом этаже ближайшего к Узику дома, открылось окно. В темноте раздался голос:

— Эй, милиционеры, ходьте до меня. Скажу чаво.

Ткачёв с Поплутиным подбежали к окну и увидели старушенцию, закутанную в платок. Редкие седые волосы выбивались из него неряшливыми прядями.

— Пробежал тут странный мужчина, — зашептала старушенция. — Эвон туда забежал... за магазин. И нырк в лес. Я исчо думала, а чавойто он в такую поздноту шастаеть?

— А как выглядел-то он, бабушка? — спросил полковник.

— Как? Как? Обнокновенно. Высокий такой... Шапка на нём уж дюже странная, аки лохматая. Вот перед входом магазина потыркался, а потом и припустил в лес.

— Лицо его, бабушка, разглядели?

— Да какой там! Спиной ко мне был...

— Ладно, ба... Спасибо!

— Да чего уж там, — старушка закрыла окно.

Ткачёв посмотрел на лес за магазином. Соваться туда сейчас было опасно.

— Майор, у вас оружие при себе?

— Нет, конечно. Я не успел из оружейки взять.

— Плохо, — сказал Ткачёв, возвращаясь к Узику. Рисковать не хотелось, хотя, наверняка преступник уже ушёл и его не догнать. Но проверить всё же надо.

— Пойдемте, майор, осмотрим лесок за магазином. Вдруг найдём чего-нибудь...

Оставив Узик с сержантом, который тоже не успел получить оружие по причине спешного выезда за майором, Ткачёв с Поплутиным, рассчитывая на то, что беглец не примет их за милиционеров, зашли за магазин.

— И что мы найдем в такой темноте? — прошептал майор, взглянув на лесок из-за угла здания.

— Не знаю, — прошептал в ответ полковник. — Вы присмотрите за мной. Вон, хоть палку возьмите...

Так они и пошли: впереди Ткачёв, посматривая под ноги, а сзади метрах в двух Поплутин, держа подхваченную толстую и голую ветку. Пройдя немного, Андрей Викторович заметил четкие следы, оставленные на рыхлом снегу. Следы вели через лесополосу к пятиэтажкам.

Ткачёв с Поплутиным осторожно двинулись вдоль следа, и вышли к невысокой, в четыре ступени, лесенке, покрытой снегом. Лесополоса от пятиэтажек начиналась в низине, а лесенка была сделана, видимо, жителями, чтобы через лес ходить в универсам. Ткачёв глянул на пятиэтажки и заметил, что в некоторых окнах ещё горел тусклый свет. Но больше его заинтересовали ступеньки. Снег был смят наполовину их ширины.

— Что-то тут не так, — Ткачёв внимательно осмотрел лестницу.

Поплутин присоединился к осмотру, не выпуская палку из рук.

— Андрей Викторович, так он упал здесь, — высказал предположение майор. — Вот смотрите... Ступеньки в темноте особо не видно под снегом. Преступник думал с разбегу прыгнуть на третью и не попал. Наступил на край носком, поскользнулся и стал падать на

грудь. Но вовремя подставил руки и потом вскарабкался наверх...

— И при этом должен был сильно ударить колено. Молодец, майор! А давай порыщем рядом, вдруг он чего уронил...

Поплутин палкой стал ковырять снег у лесенки и немного погодя на что-то наткнулся.

— Опа! — он поддел из снега пистолет. — Вот это находка!

— Да уж, — поддакнул полковник, соображая, что с этим теперь делать. По-хорошему надо отдать следователю, а тот пусть сам разбирается. Но как объяснить ему — почему опера пошли по следу, да ещё в такой дали от места преступления? Как скрыть показания Лохматого? Ведь Главварь потом убьёт мужика ни за что. Ладно, как-нибудь и что-нибудь придумаем.

— Александр Владимирович, берём оружие и отдадим следователю. Пусть он разбирается. А к Лохматому хорошо бы приставить кого. У вас есть надёжный человек?

— В каком смысле, Андрей Викторович? — Поплутин аккуратно завернул пистолет в большой клетчатый носовой платок и положил во внутренний карман куртки.

— В прямом. Такой человек, которому можно доверять.

Майор задумался, а потом осторожно спросил:

— Андрей Викторович, а вы не хотите мне что-то рассказать? Я же не волшебник, и у меня нет шуки, которая достанет всё, что я пожелаю. Простите, но я вас не понимаю. Если вы мне доверяете, то скажите, как есть. Если не доверяете...

— Извини, Александр Владимирович, — Ткачёв взял горсть снега и протёр лицо. — Нс тут такое закрутилось... Короче, в городе не банда уголовников, а вполне себе небольшой отрядик спецов-террористов из-за кордона. И руководит этим отрядом очень умный и хитрый Главварь под личиной кого-то из наших.

— Каких наших?! — не понял Поплутин, падая задом в снег. — И зачем в Зареченске террористы?

— Взрывать тут всё нахрен! — вспыхнул Ткачёв. — А то вы тут хорошо живёте.

— Да объясни всё толком, не горячись, — майор забыл про субординацию.

— Объясню чуть позже. Есть мнение, что Главварь — это один из руководителей ГУВД. Или другого ведомства. Он постоянно в курсе нашего расследования. Вот этот, — полковник махнул на лестницу, — который от тебя удирал, уже не жилец. Тем более и пистолет потерял. Но с ним пофиг. А вот Лохматого жалко. Мужик явно не при делах, но если о нём узнают, то убьют. Чуешь, как Главварь следы замечает? Спешит. Действует второпях. А на оружии, — Ткачёв кивнул на карман Поплутина, — отпечатки явно есть.

— Как думаешь, беглец вернётся за оружием?

— Если разум потеряет, то придёт. Видишь, народ уже вставать начал. А мужик, копающийся в снегу, внимание точно привлечёт. Посади-ка, ты, Румянцева вон на том чердаке с биноклем. Пусть сутки посидит.

— А почему не Нодию?

— Беглец непростой. А Румянцев говорил, что служил в морской пехоте. Кстати, ты давно его знаешь?

Поплутин поморщился.

— Андрей Викторович, половина ГУВД из новеньких.

— Понял. Потом расскажешь. Давай по квартирам торцевым пройдемся, вдруг кто беглеца рассмотрел.

Они поднялись по лесенке и увидели паутину дорожек окутывающих дома. Под

зажигаются светом в окнах дорожки было хорошо видно.

— Вон там он ушёл, — Ткачёв показал на тропинку в снегу, уходящую вдаль под окнами первого этажа дома, стоящего слева от них. — Пять минут быстрым шагом и тебя не видно. А потом под деревьями и на восточную окраину. Ладно, — он вздохнул с сожалением, — пойдём по квартирам.

Опрос жильцов ничего не дал. Да, в трех квартирах проходящего мужчину видели мельком, но описать внешность детально никто не смог.

Опера вернулись к Уазику и застали спящего сержанта. Ткачёв устал и не выговаривал патрульному своё неудовольствие. Ему хотелось спать, да пустой желудок болезненно напоминал голодными спазмами.

— Александр Владимирович, давай со следователем потом поговорим. Утром обсудим наши планы, и поговорим. А сейчас отвези меня к булочной...

Добравшись до дома, Ткачёв кинул полено в печку, наскоро перекусил и упал на диван, сбросив пальто и ботинки. И уже засыпал, как его толкнули в плечо и над ухом раздался шёпот Хмеля:

— Полковник, не спите. У нас ещё много дел.

Ткачёв открыл глаза и зажмурился от света лампы.

— Какого чёрта?..

— Не ругайтесь, Андрей Викторович. Я тоже не спал.

Агент грузно опустился в кресло, кинув на стол огромный конверт.

— Здесь результаты экспертизы по сравнительному анализу фотографий Шмелёвой. Да, вы правы. На фото две разные женщины.

— Я и не сомневался, — вздохнул полковник и потер глаза ладонями. — Вы хоть установили личность убитой?

— К сожалению, нет. Но начальство приказало службам сделать это в течение дня. Хотя толку будет мало...

— Почему?

— Если это агент западной спецслужбы, то только случайность позволит это выяснить. Или вы думаете, что у нас есть досье на всех жителей планеты Земля?

— Ладно, — Ткачёв помотал головой, чтобы развеять остатки так и не начавшегося сна. — Зачем вы тогда срочно меня будили?

— В конверте есть несколько любопытных документов и разрешение самого Андропова на предоставлении вам на время следствия допуска четвёртой категории. А также разрешение Прокурора СССР на опрос первого секретаря горкома Зареченска. В документы почитайте, потому что дать вам их «на вынос» я не могу.

Пришлось полковнику вставать, умыться холодной водой и садиться за чтение.

Козырев Алексей Семёнович — первый секретарь городского комитета партии в Зареченске был выдвиженцем самого Михаила Суслова — главного идеолога СССР. В Зареченск был направлен в начале 1980 года, как один из самых молодых и перспективных.

Это было понятно, так как Суслов был из числа тех руководителей Политбюро СССР, кто принимал решение об отправке советских войск в Афганистан. И при создании «форпоста» в Зареченске ему был нужен свой человек.

Алексей Семёнович не был женат и имел склонность к выпивке и слабость к женскому полу. Чем мог понравиться Суслову этот самоуверенный и развязный человек, было неясно. Но при нём город довольно вырос как в размерах, так и в уровне жизни. Скорее всего, Козырев был просто наблюдателем за реализацией планов Суслова.

Тогда почему Шмелёва так близко к нему подошла? Что было надо ей от него? Тут может быть совокупность двух факторов — близость с Козыревым могла обеспечить ей перевод в Москву вместе с ним, и, выводя бандитов на инкассаторов, она могла особо не остерегаться. Ну, кто подумает на фаворитку первого секретаря. А если бы она стала женой, развеялась со Шмелёвым? Нет, женой не совсем удачно. Жена дома, вдали от дел, а тут нужно постоянно быть в курсе происходящего.

Возможно, была тонкая комбинация, например Козырев, постоянно обсуждал с ней какие-то дела, касающиеся расширения города. И выделение средств на разработки радиотехнического завода мог с ней согласовывать. А значит, давать ей направление, в котором могли действовать бандиты. И наверняка банда получила информацию по приезду группы КГБ с чертежами из уст Козырева.

Но тут возникает вопрос. Зачем Шмелёва так рисковала, направляя инкассаторов в третьем эпизоде в ловушку банды? Это выглядит не совсем логично.

— Хмель? — позвал полковник.

— Что? — тут же ответил агент, хотя казалось, что он крепко спит.

— Что бы ты сделал, если бы узнал о перевозе в твоём городе секретной информации, но при этом имеющий два нападения на инкассаторов? Будь ты на месте первого секретаря...

— Я бы позвал начальников силовых ведомств и дал указание усилить охрану машины.

— Вооот! — Ткачёв поднял палец. — Если первый секретарь так сделал, значит мы имеем круг подозреваемых.

— Так мы уже подозреваем всех начальников. В чём новость?

— Новость в том, что мы не учли маленький нюанс — мы не знаем, почему твои бойцы поехали именно той дорогой, а не другой. К тому же они явно не ожидали нападения, хотя были готовы к нападению бандитов. Ты же сам говорил, что бежал по лесу на другую дорогу.

— И что? — Хмель окончательно проснулся и сел на диване.

— А то, что твоих бойцов по дороге встретили. И встретил кто-то не вызывающий опасения. И привели их в засаду, которую они не ожидали. И где у них не было манёвра. А кто это мог быть?

— Гаишники или менты... О, прости.

— Не страшно. Но, заметь, гаишников мы в расчёт не брали...

— Да, ты прав. Но не уходи в сторону, полковник, пока не поговоришь с первым

секретарём. И посмотри ещё документ.

Ткачёв отложил справку по первому секретарю и прочитал второй лист. Это было распоряжение Зареченскому отделу КГБ о прекращении контроля над разработками инженеров-радиотехников. Было предоставлено заключение экспертной комиссии о бесперспективности этих разработок. Экспертное заключение было подписано тремя академиками АН СССР и ректором Томского института радиоэлектроники. Но была и копия письма замначальника радиотехнического института имени Минца по линии Минрадиопрома к Андропову с просьбой передать разработки инженеров из Зареченска.

— Я ничего не понимаю, — недоумевал Ткачёв.

— А что тут понимать, — Хмель забрал у него бумаги. — У нас сутки, чтобы доложить Трефилову. Он доложит Андропову. Но в любом случае опытную лабораторию перевозят в Москву.

— Значит, бандиты пойдут на штурм лаборатории всеми силами?

— Не знаю, Андрей Викторович. Москва, не Зареченск — третье управление выставит такую охрану, что мышь не пролезет.

— Но здесь Главарь явно растерян, он уже начинает зачищать своих бойцов.

— Не понял?

— Ночью был убит шофёр банды. Я перед твоим приходом только с розыска. Исполнителя догнать не удалось, но он потерял свой пистолет, когда убежал.

Хмель вскочил с дивана и нервно стал мерить шагами комнату.

— За сутки мы не вычислим бойцов банды. И скорее всего Главарь пойдёт в лабораторию один. Всех зачистит и устроит взрыв с пожаром. Если будет трое, то совсем беда. Двое с автоматами отвлекут, а Главарь сделает свое дело.

— Но тогда же ему хана!

— Кто тебе сказал?! Такого приказа не было, ты же помнишь.

Хмель резко остановился.

— А откуда Главарь может узнать об эвакуации лаборатории? Правильно — от первого секретаря. И что это будет означать? Опять правильно — ему отказывают в переводе в Москву.

Ткачёв не успевал следить за мыслями агента.

— А это означает, что из Зареченска не будут делать «форпост» для наших войск в Афганистан. То есть, Главарю здесь вообще делать нечего. Он быстренько покрошит лабораторию и смоеется. Но гаишник, Андрей Викторович, у него точно должен быть в этом случае! Факт! Через пост ГАИ только гаишник может проехать без досмотра, если «включат» перехват. И гаишник будет ждать Главаря где-то недалеко от завода радиотехники.

Хмель воодушевленно остановился и взглянул на Ткачёва.

— У тебя есть надёжный человек?

Вопрос поставил Ткачёва в тупик. Он и сам недавно задавал его Поплутину и не получил ответа.

— Хмель, я взаимодействую тесно только с Сашей Поплутиним. Мне он кажется надёжным. Ещё Михаил Ильич — из прокурорских, ну, и местный чекист — Гриша.

— Ух ты! — удивился агент. — Я, смотрю, ты времени даром не теряешь! Даже местного чекиста завербовал!

— Скорее, он меня, — улыбнулся полковник. — Все эти люди ещё старой закалки. И я

считаю, что им чужды меркантильные и барские замашки. Они стараются делать своё дело, и делают так, как умеют.

— Интересно! И как ты это определяешь?

— Ни один из них не сказал мне «мой город». Я слышал — «наш».

— И в чём разница? — удивился Хмель. — Наш, значит и мой...

Ткачёв взглянул на него с недоумением.

— Разница в том, как преподносится «мой». У Поплутина — это «мой» в «нашем», а у прокурора города — «мой», значит он хозяин, а остальные делают так, как он считает нужным.

Хмель на секунду задумался, а потом махнул рукой.

— Ладно, вам виднее... Так на кого мы можем опереться?

Ткачёв тут же ухватился за последнюю фразу:

— Вот видишь, ты сказал мы, а не я! Чуешь разницу?!

Агент посмеялся.

— Да понял я! Давай к делу...

— Поплутин более молод, и у него есть навыки розыска. А что ты хочешь?!

Хмель выставил палец, будто пистолет.

— Есть идея, как устроить ловушку Главарю. Идея, конечно, так себе. Но хочу с тобой обсудить.

— Валяй! — полковник устроился на стуле удобней.

— Допусти, Главарь получил информацию, что лаборатория переводится в Москву. Не думаю, что Козырев за бутылкой будет держать язык за зубами — он же наобещал своим людям перевод в Москву вместе с ним. А тут такое...

— Согласен. Дальше! — Ткачёв стал понимать план Хмеля.

— Главарь соберёт банду и под предлогом окончания работы в городе, предложит провести последний налёт и скрыться.

— А мотивация для исполнителей? Что? Деньги?!

— А почему бы и нет, — отпарировал Хмель.

— Не пойдёт, — забраковал полковник. — Где Главарь возьмёт их? Они самому ему нужны, как воздух.

— Вот! — ткнул в Ткачёва пальцем агент. — Он ориентирует своих бойцов на новый налёт. Например, взять кассу на радиотехническом заводе. И под этим прикрытием сделает взрыв в лаборатории.

— Хм... Умно, — согласился Ткачёв. — Он скажет бойцам, что менты неповоротливые, даже после трех нападений и трех убийств ничего не могут. А тут целая касса и свободный путь из города. Так?

— Приблизительно...

— А если бойцы потребуют гарантий? Они, наверняка в курсе, что гаишник только один, и все они в багажнике не уместятся. Чтобы пойти на такой риск, они должны быть почти уверены, что всё получится. Риск никто не отменял, но ради чего? Что им мешает, веруя в самый гуманный суд в мире, прийти и сдать Главаря с потрохами?

Хмель приуныл, и полковник поспешил его приободрить.

— Не переживай, план не плох. Нужно будет ещё раз его обсудить. А уже потом предлагать Трефилову.

— Хорошо, — согласился агент. — Ты, полковник, шуруй на службу, а я подумаю...

И Хмель опять завалился на диван.

Ткачёв приехал в управление, но Поплутина на месте не оказалось. По словам лейтенанта Нодия, майор уехал к следователю, а Гладышева он не видел. Румянцев, по приказу Поплутина, сидит на чердаке какого-то дома и наблюдает за лестницей.

— Лейтенант, а вы давно в розыске?

— Нет, товарищ полковник. И месяца ещё не прошло.

Ткачёв поинтересовался не случайно. Нодия человек молодой и ещё достаточно наивный. Он мог не знать всех хитросплетений в управлении, но рассказать слухи, сплетни, байки вполне...

— И где учились?

— Я после школы милиции попал в ГАИ. В стажёры к капитану Румянцеву. А недавно нас с капитаном в розыск перевели.

— Не понял, — удивился полковник. — Это как это перевели?

Нодия не стусевался.

— А просто. Тут в управлении, говорят, чистка была грандиозная. А мы с Румянцевым занимались розыском машин. Но работы особой у нас не было, вот и перевели сюда. Работать-то надо кому-то. Поплутин один в отделе сидел.

— Я не помню, чтобы в ГАИ был отдел по розыску машин, — ещё больше удивился Ткачёв.

— Так его и не было. Но товарищ Румянцев имел неосторожность остановить машину второго секретаря горкома. Женщина там какая-то... Она выпимши за рулем была. Товарищ Румянцев проявил твёрдость и отобрал у неё права. Говорят после этого, и создали отдел розыска машин, а меня к нему прикрепили, чтобы я под ногами не болтался.

— А ты здесь причём?

Нодия замялся и явно не хотел говорить правду, но потом решился:

— Знаете, товарищ полковник, у нас в городе ГАИ служба привилегированная. Там люди с улицы не служат.

— Понятно. А ты как туда попал к Румянцеву?

— По распределению. Я — отличник и комсомолец. Вот подал заявление на приём в партию.

— Ладно, ладно, — улыбнулся Ткачёв. — А такой правильный, как Румянцев как туда попал?

Лейтенант почесал лоб и задумался.

— Товарищ Румянцев, мне кажется, не простой милиционер, — сказал он минуту спустя. — Он, вообще, очень замкнут и неразговорчив. Иногда сидит часами и размышляет, а потом вдруг сорвётся куда-то...

Ткачёв подумал, что все менты в Зареченске полны загадок. В кого не плюнь — сплошная загадка.

— Лейтенант, я поеду по делам, а вы не забудьте о моём поручении в прокуратуру.

— Хорошо, товарищ полковник.

Прежде чем поехать в отделение Госбанка, Андрей Викторович заглянул к Гладышеву. Начальника ГУВД в кабинете не оказалось.

«Они как тут работают?» — подумал Ткачёв. — «У него гора трупов, а его на месте нет!»

Ткачёв поехал в банк на автобусе. Поглядывая на проплывающие мимо дома и деревья,

он подумал, что надо было найти водителя того автобуса, на котором Шмелёва ехала на работу и решил, что поручит это Поплутину позвонив по телефону из отделения банка.

Подъезжая к остановке, на которой вышла Шмелёва, полковник интуитивно почувствовал, что ему тоже надо выйти здесь. Возможно какая-то мелкая деталь, незамеченная при первом осмотре, даст ему больше информации.

Хлопнув дверьми, автобус уехал. А Ткачёв остался стоять, рассматривая затихший сзади город и протянувшийся перед ним парк. Людей не было видно, Зареченск не отличался многолюдностью на улицах во время рабочего дня. Тропинка через парк вела к видневшемуся вдали зданию отделения банка, но не было заметно, чтобы она активно использовалась.

«Зачем Шмелёва вышла именно здесь из автобуса?» — в который раз спросил сам себя полковник. — «Зачем она пошла по тропинке, рискуя поскользнуться на каблуках и упасть?»

Ткачёв вспомнил, что женщина была одета явно не по погоде.

«И зачем её зачищал Главарь? В чём был смысл? Только в том, что она его видела. Но когда?»

По большому счёту её привязка к агентуре иностранной разведки выяснилась только после её гибели, да и то не сразу. И кого она могла видеть, кроме мужа, первого секретаря и сотрудников банка? И, главное, где? А как она поддерживала связь с бандой? То, что Хмель нашёл в её квартире подобие тайника, ещё ни о чём не говорит. Мало ли что она могла там хранить. А вот это мы и узнаем при обыске квартиры, как только прокурор даст санкцию. И многое встанет на свои места.

Полковник неторопливо прошёл по тропинке к отделению Госбанка. Показал охраннику удостоверение и попросил позвать начальника охраны. Переговорив с вызванным начальником, подождал, пока тот справится о допуске Ткачёва в высшей инстанции. Получив разрешение на вход в отделение, Андрей Викторович первым делом заглянул к управляющей.

Она не была удивлена появлением Ткачёва, его допуск в отделение банка был лишь вопросом времени согласования, и полковник в присутствии понятых осмотрел кабинет Шмелёвой. Он знал, что ничего не найдет, но надеялся.

Понятно, что было бы верхом неосторожности оставить на рабочем месте компромат даже в виде обрывка бумаги с парой слов. Агент не могла допустить такой оплошности. Но Ткачёв чувствовал, что Шмелёва оставила след. Только какой и где?

— Анна Егоровна, — обратился полковник к управляющей, — проведите меня по помещениям здания.

Большова была недовольна такой просьбой и даже не скрывала этого.

— Когда же, наконец, всё это закончится? У меня с отсутствием заместителя работы прибавилось, и я не успеваю.

— Скоро закончится... скоро, — пообещал Ткачёв. — А если вы поможете мне, то ещё быстрее.

Они пошли осматривать помещения, где бывала Шмелёва по долгу службы.

— Я не заметил у вас столовой, — сказал Ткачёв, когда они заканчивали осмотр, который ничего не дал.

— У нас её нет. Сотрудники носят еду с собой. А если очень хочется кофе или пирожного, то в обеденный перерыв можно сходить в кафе. Здесь рядом — через парк.

— Вот как? Я не видел кафе.

— Оно справа от остановки, за домом. Елена Петровна нередко туда заглядывала. Видимо, средства ей позволяли... Лично мне — нет.

— Понятно. Напоследок давайте заглянем к инкассаторам.

В гараж к ним можно было пройти только через ряд дверей с кодовыми замками, у последней перед гаражом дежурил охранник, который пропускал лично после предъявления допуска.

Двое механиков колдовали над инкассаторской машиной, еще двое что-то делали на верстаках. Ткачёв поздоровался и спросил:

— А что с машиной?

Механики отвернули головы, будто не хотели обсуждать его вопрос.

— Товарищи, что происходит?! — Большова повысила голос.

— А что не видно? Профилактику проводим, — нехотя ответил один из механиков.

Управляющая взмахнула рукой, будто требуя к себе внимания, но Ткачёв остановил её порыв:

— Ребят, а если серьёзно? Я ведь не просто так спрашиваю.

— Усиливаем машину. Дополнительные листы ставим на двери...

— А кто разрешал?! — возмутилась Большова.

— Никто. Ребят-то сколько постреляли. А лишние килограммы не мешают. Мы всё продумали...

Ткачёв резким жестом прекратил недовольство Анны Егоровны о нарушении инструкций.

— И как думаете, это поможет? — спросил он механиков, показывая на модернизированную дверь инкассаторской машины.

— Поможет, — твердо ответил механик. — Мы сделали броню многослойной. Только ещё со стёклами разберёмся. У нас тут парнишка есть, он технологию знает.

— Понятно. А инкассаторы с этой машины где?

— Там отдыхают — в своем отделении, — показал механик на железную дверь.

Ткачёв постучал и ему навстречу вышел крупный мужчина с короткой стрижкой совсем седых волос, хотя было ему не больше тридцати.

— Здравия желаю, — прогудел он басом, совсем не подходившим к его внешности.

Ткачёв задал ему несколько вопросов, взяв себе на заметку этого крепыша. Уж больно его внешность выбивалась из общей массы — в меру мускулистый, жилистый, с большими голубыми глазами. Крепыш лаконично ответил на всё вопросы, не дрогнув и не моргнув. Словно говорящая статуя античного бога.

Ткачёв, выйдя из отделения Госбанка, ещё некоторое время вспоминал его, удивляясь. Не подходил этот крепыш для Зареченска, будто был из другого мира.

Полковник нашёл кафе «Ландыш», о котором упоминала управляющая отделением. Зашёл. Было странно, что кафе расположено в столь неприметном месте, но внутри выглядело уютно и со вкусом. Небольшой зал на пять столиков, два больших окна по обе стороны двери и короткая стойка с барменом в галстук-бабочке под белую рубашку. Такой островок цивилизации в мрачноватом реализме захолустья.

— Добрый день, — поздоровался бармен, улыбаясь естественно, а не натянуто на любезность.

— Добрый, — Ткачёв подошёл к стойке. Осмотрел зал и взглянул на карточку меню. Тихо присвистнул, прочитав цены на кофе и пирожные. — У вас всегда так... малоллюдно?

— Нет. Мы полчаса, как открылись. Обычно в обед и вечером свободных мест не бывает. У нас отличный кофе и вкуснейшее мороженое. А выпечка! Просто язык проглотите.

— Вот как?! — полковник уселся за стойкой. — И откуда вы её берёте?

— У нас своё производство. А кондитер очень талантливый человек. Мы даже торты печём на заказ.

— Да что вы говорите?! — искренне удивился Ткачёв. — Тогда можно мне чашечку кофе и вот эту булочку... э, круассан?

— Конечно, — улыбался бармен. — Минуточку подождёте?

Пока он возился с приготовлением кофе и доставал выпечку, полковник вынул фото Шмелёвой и положил на стойку. Рядом положил своё раскрытое удостоверение.

Бармен, повернувшись, слегка вздрогнул, и улыбаться перестал.

— Простите, позвать директора?

— Нет. Вы знаете эту женщину? И кофе поставьте... Я все-таки его выпью и съем... круассан.

— Да, я её знаю. Елена Петровна... хорошая женщина. Рубль с вас.

Полковник выложил рубль.

— Она часто заходила в кафе? — он пригубил кофе и понюхал круассан. Пахло, действительно вкусно и свежо.

— Частенько...

Бармен выбил чек. Полковник чувствовал, что за этим «частенько» что-то скрывается.

— Вас как зовут? — спросил Ткачёв, надкусывая выпечку. Слизнул с губы кусок арахиса.

— Андрей.

— О, тёзка! А хорошее у вас кафе, Андрей. Оборудование импортное... а по вечерам не налиivate втихую? Не надо проверять?

Ткачёв импровизировал. Ему надо было разговорить бармена, но он не знал чем его зацепить. Но тут взгляд полковника выцепил за стойкой телефонный аппарат:

— А дайте мне, пожалуйста, телефончик позвонить.

Бармен нагнулся к полковнику, и свежий запах одеколona смешался с запахом кофе.

— Не надо звонить, — прошептал он, оглянувшись на дверь в кухню. — Спрашивайте.

— Как часто бывала здесь Елена Петровна и что она тут делала?

— Бывала часто, — быстро ответил бармен. — И в обед, и вечером после работы. Пила кофе... звонила иногда, — он кивнул на телефон и еле слышно прошептал, — Вячеславу.

— А кто это? — так же прошептал Ткачёв.

— Сменщик мой. Мы работаем сутки через трое. У Вячеслава с Леночкой... Еленой Петровной... были отношения.

— Да ладно?! — не удержался полковник. — И...

Бармен медленно и многозначительно кивнул, прикрыв глаза.

Ткачёв перевернул фото Шмелёвой.

— Ты чиркани адресок этого Славы, Андрюша. И я спокойно уйду... И о нашем разговоре никому ни слова...

Бармен быстро написал номер телефона:

— Не знаю точного адреса...

Полковник тотчас убрал фото в карман и допил кофе.

Ткачёв ехал в горком партии на такси. Он с утра устал от долгой поездки, и даже забыл, что надо было позвонить Поплутину по поводу водителя автобуса.

Время текло nepозволительно быстро, но полковник отчего — то решил, что развязка вот-вот наступит. И этот город начал утомлять его лабиринтом различных искажений.

В Зареченске всё было не так. Непривычно с первого взгляда, совсем не так после второго, а после третьего ещё одна ипостась. И казалось, что этому преображению не будет конца — лабиринт искажений вёл полковника в неизвестность, выставляя её как неотъемлемую часть общей жизни.

Ткачёв расплатился с молчавшим всю дорогу таксистом и зашёл в здание райкома. Сегодня в холле было оживленно. Строгие люди в строгих костюмах негромко обсуждали какие-то дела и делали это как-то строго — без эмоций, без жестов и монотонно.

Показав дядечке за конторкой удостоверение, полковник дождался разрешающего кивка и поднялся на четвёртый этаж. В приёмной, знакомая уже секретарь похожая на бульдога, свирепо сверкнула линзами очков. Узнав Андрея Викторовича, нажала кнопку интерфона:

— Алексей Семёнович, к вам Ткачёв из Главного управления МВД.

— Пусть зайдёт, — прошипело из динамика.

«Как ты надоел своим пусть, барин хренов» — подумал полковник, заходя в кабинет.

Козырев стоял у окна и рассматривал площадь.

— Ну, что, товарищ Ткачёв, ищите бандитов? — вместо приветствия процедил сквозь зубы первый секретарь. — Ночью ещё один труп нашли?

— Да, было совершено убийство. Следственные действия ведутся...

— Ведутся, — ухмыльнулся Козырев. — И до каких пор?

Ткачёва стал раздражать тон первого секретаря.

— Я не должен отчитываться перед вами, товарищ Козырев. Вы спросите лучше с начальника ГУВД Зареченска.

Алексей Семёнович резко повернулся к полковнику, глаза его недобро сверкнули:

— Тогда ты зачем здесь, полковник? Я тебя не приглашал.

— Мне не нужно особое приглашение, — Андрей Викторович достал разрешение Прокурора СССР на опрос первого секретаря горкома Зареченска.

Козырев мельком прочитал, и его лицо вытянулось от удивления и недоумения. Он сразу умерил свой начальственный пыл.

— Что это?

— Вы не умеете читать, товарищ Козырев?

— Секунду, — Алексей Семёнович схватился за трубку красного телефона, набрал номер. — Здравствуйте, — сказал в трубку любезно, — это Козырев из Зареченска. Могу я связаться с Михаилом...

Он смолк, выслушивая собеседника, потом медленно положил трубку на аппарат. Ткачёв удовлетворенно достал листы протокола опроса, сложил в стопку, выжидая.

— Хорошо, — сказал первый секретарь. — Спрашивайте, полковник.

Ткачёв достал фото убитой Шмелёвой и положил на стол:

— Вы знаете эту женщину, товарищ Козырев?

Алексею Семёновичу пришлось сесть за стол напротив полковника. Он взял фото,

посмотрел.

— Да знаю. Это Шмелёва Елена Петровна. Была заместителем управляющей отделением Госбанка в Зареченске.

— При каких обстоятельствах вы с ней познакомились?

— Я не помню, — Козырев повел ладонью. — Может быть, когда я в банк заезжал, или на празднике каком...

— Как часто вы с ней встречались после знакомства?

— А какое отношение?..

— Товарищ Козырев, — громко перебил полковник. — Вопросы задаю я. Вы отвечаете на них правдиво и обстоятельно. Это понятно?

— Да, — стушевался первый секретарь. Явно ему было крайне неуютно.

— Мне повторить вопрос? — надавил Ткачёв.

Алексей Семёнович немного подумал, потом ответил:

— Не надо. Мы с Леной встречались довольно часто.

— Какой характер был этих встреч?

— Разный...

— Например?

— Мы обсуждали финансирование предприятий города. Составляли план первоочерёдности финансирования. Ещё много чего...

— А разве это не прерогатива управляющей отделением Госбанка? Имела Шмелёва полномочия обсуждать с вами такие вопросы?

Козырев самодовольно улыбнулся.

— Видите ли, товарищ Ткачёв, совещания городских служб у меня проводятся регулярно.

— Понятно, — полковник выпрямился на стуле. — Будьте добры, соедините меня с управляющей.

— Ладно, Андрей Викторович, — испугался Козырев. — Не будем нагнетать напряженность. Я встречался с Еленой Петровной по личным вопросам.

— Например?

Тут Козырев не сдержался и вскочил:

— Вот что ты заладил, полковник? Например... например... Ну, ты не понимаешь что-ли? Симпатичная, фигуристая и молодая баба. Я тоже не старик... Да, встречались... Да... переспали... Это преступление?

— Нет, — спокойно ответил Ткачёв. — Но меня мало интересует ваш моральный облик человека и коммуниста. Меня интересует то, о чём вы говорили на этих встречах. И желательно в подробностях. Интимные разговоры можете пропустить.

Первый секретарь был обескуражен словами Андрея Викторовича. Он пытался понять куда клонит Ткачёв, но не мог.

— Товарищ Козырев, вспоминайте, пожалуйста, — поторопил полковник.

— Сразу и не вспомнить...

— Меня больше интересуют последние ваши встречи.

— Лена не была глупа, — первый секретарь невесело улыбнулся. — Мне пообещали должность в Москве, в идеологическом отделе ЦК. Я настаивал на её разводе со Шмелёвым, но она не очень-то и стремилась к этому. Говорила, что рано об этом думать, надо сначала в Москву переехать. Н-да... цепкая особа, но ... невероятно сексуальная. Что она творила!..

— Давайте к делу, — перебил интимные воспоминания Козырева Ткачѐв.

— Да, конечно... Лена умела вытащить из меня информацию, которая была ей нужна. Я часто удивлялся этому. Для неё информация не имела особого значения, она делала вид, что её это интересует, а на самом деле, льстила мне. А мне нравилось...

— Подробнее, Алексей Семёнович, — Ткачѐв решил, что будет уместным немного унять свой суровый тон беседы. И Козырев слегка расслабился.

— Мы с ней часто отдыхали по выходным на турбазе, что недалеко от Зареченска. Я снимал целый домик. Мы развлекались, пили шампанское и ...

— Понятно, — махнул рукой полковник.

— Я, естественно, рассказывал ей о своих делах. Что у меня получается, а что нет. А Лена очень удачно меня поддерживала и иногда даже подсказывала, что надо сделать. Например, месяца три назад из Москвы пришло распоряжение открывать семейные кафе, где люди могли бы посидеть в уюте и поесть мороженого с детьми. Устройство детских площадок и стадионов при школах...

— Это тогда вы решили открыть в городе кафе «Ландыш»?

— Да. А вы откуда знаете? Лена помогла мне подобрать помещение для него. Я торжественно открывал это заведение. Народ пришел сам на открытие, я даже удивился!

— Оборудование для кафе тоже Елена Петровна посоветовала?

— Точно. Я подписывал бумаги на заказ и закупку оборудования.

— Вы встречались со Шмелёвой в «Ландыше»? — Ткачѐв подумал, что такие встречи могли быть зафиксированы на пленке.

Козырев склонил голову.

— Да. Но только раза два, не более.

— Как же вы так рисковали?

— Лена сама подбирала кандидатуру директора кафе. А для нас... там была отдельная комната с душем. Очень удобно.

Полковник криво улыбнулся. Похоже, Козырев не представлял, что может скрываться за любовными играми с Еленой Петровной.

— И все же, Алексей Семёнович, вспомните подробнее, что вы чаще всего обсуждали со Шмелёвой.

— Я же говорил, — сморщился первый секретарь. — Лена могла поддержать любой разговор.

Ткачѐв чувствовал, что Козырев отмалчивается и потому для пущей убедительности показал разрешение к четвёртому допуску секретности. Алексей Семёнович понял.

— Да. Были и такие обсуждения. Но Шмелёва же обладала подобным допуском.

Полковник достал фотографию истинной Шмелёвой.

— А вот эту женщину вы знаете?

Козырев взял фото, внимательно рассмотрел.

— Очень похожа на Елену, только моложе.

— Да, вы правы. С разницей в том, что это есть Елена Петровна. Фамилия по мужу — Шмелёва.

Козырев понял всё и сразу. Совсем глупых первый секретарей горкома партии не бывает. Он зажмурился и сжал голову ладонями.

— Тогда кто та убитая женщина? — сказал он глухо.

— Сейчас это выясняется, — ответил полковник, убирая бумаги и фото. — Скажите, вы

сегодня получали распоряжение сверху?

— Да. И не одно.

— Там было то, что касается статуса Зареченска?

— Да, — недовольно подтвердил Козырев. — Не скрою, это сильно ослабило мои позиции...

— Вы успели это обсудить с кем-то?

Первый секретарь помолчал немного, а потом утвердительно кивнул:

— Утром на совещании.

— Кто был на совещании?

— Прокурор города, начальник ГУВД, начальник ГАИ, второй и третий секретари горкома, управляющая отделением Госбанка, первый секретарь горкома ВЛКСМ. Но все распоряжения сверху обсуждаются только в общих чертах. Позже я пишу записки каждому о том, что с него требуется.

— Разумно, — одобрил Ткачëв. — И теперь последний вопрос — с кем и когда вы обсуждали дела по заводу радиотехнических конструкций? Знала о них Елена Петровна?

— Знала... Но не всё. Последнее распоряжение точно нет.

— Понятно. А теперь, товарищ Козырев, подумаем о том, как вы сможете немного загладить свою вину...

Ткачëв зашёл в управление МВД Зареченска, похожий на растрепанную, но мощную волну, обрушивающуюся на песчаный берег. Жующий бутерброд дежурный даже не успел понять, что это было.

Отдел розыска уже полным составом допрашивал щуплого мальчишку, испуганно вжавшегося в стул.

— Что тут происходит? — громко спросил полковник, заходя в кабинет.

— Капитан Румянцев задержал вот этого мальчишку, — объяснил Поплутин. — Мальчик рыскал в снегу около лесенки.

— Понятно, — Ткачëв бросил на стол портфель. — Мальчишка, конечно, не запомнил того, кто его попросил порыться в снегу.

— Почему не запомнил, — запищал малец. — Тётенька это была.

— Она? — полковник резко протянул мальчику фото настоящей Шмелёвой.

— Неет, — протянул тот, рассматривая фотографию. — Эта красивая и добрая. А та была уже старая и не очень красивая. Но всё равно добрая. Целый рубль дала!

— Отпускайте его, — махнул рукой полковник. — А то родители набегут, всю плешь съедят. Адрес у него возьмите. Нодия, вы были в прокуратуре?

— Да. Пакет у вас на столе.

— Хорошо. Отведите мальчишку и быстро возвращайтесь.

Лейтенант с мальцом ушёл, а Поплутин с Румянцевым сдвинули стулья к столу и расселись.

— Александр Владимирович, что с убитым в машине?

— Вы были правы, товарищ полковник, — майор раскрыл папку. — Убитый работал водителем в таксопарке. Мы пробовали найти гильзу, выброшенную убийцей, но не смогли. Даже металлоискатель не помог. Ждём экспертизы по оружию.

— Подождем. Вам задание, Александр Владимирович. Поезжайте на станцию Зареченск-товарная, выясните, кто забирал оборудование для кафе. Вот копия заявки и копия накладной. Опросите тщательно всех, кто выгружал и загружал. Кто приезжал за

грузом, на какой машине, внешность, приметы и всё остальное. Должны были остаться паспортные данные на доверенности. В общем, по полной программе. И это нужно сегодня.

— Есть, — майор сорвался с места.

— А с вами, капитан, у нас разговор будет долгий.

— Да, я понимаю — оплошал.

— Вы о чём? — Ткачёв удивленно склонил голову на плечо.

— О мальчишке, конечно... Я смотрю — он копается в снегу под лесенкой, я и за ним с чердака. Подбежал к нему и спрашиваю, ты чего ищешь? А он смотрит в сторону, вот, говорит, тётяшка попросила поискать серёжку. А то у неё сапожки короткие, боится, что снег набьётся. Рубль дала... Тётяшки и след простыл...

— А как вас зовут, капитан? А то я не успел со всеми близко познакомиться.

— Сергей Сергеевич я, товарищ полковник.

— Не переживайте, Сергей Сергеевич, — улыбнулся полковник. — Ругать вас не буду. Бандиты проверяли нас. Издали за мальчишкой смотрели. Это я опростоволосился, надо было муляж кинуть в снег, да за мальцом «ноги» приставить, тогда может быть и вышло чего. Но нет у нас времени на такую операцию, и людей нет. А мальчишка просто выбросил бы обратно муляж. Но так мы догадались, что есть пальчики на пистолете. Не зря бандиты мальчишку «зарядили» на поиски.

— То есть, будет ещё труп сегодня?

— Нет, не думаю, — Ткачёв почесал небритый подбородок. — У них планы другие. Но я о другом хотел поговорить, капитан. О вашей прошлой службе...

Румянцев неподдельно удивился.

— А что о ней говорить?

— А всё расскажите. От начала и до момента перевода сюда.

Сергей Сергеевич Румянцев был демобилизован из Военно-Морского Флота СССР за десять лет до начала Зареченских событий. Будучи командиром взвода, тогда ещё в звании старшего лейтенанта, он полгода прикрывал работу ЭОН-12 (Экспедиции особого назначения) в Республике Бангладеш после Индийско-Пакистанского конфликта. Там в Бенгальском заливе болталась ударная группа американского флота, всячески мешавшая освобождению фарватера около порта Читтагонг. Изрядно потрепав нервы «морским котикам» США, Румянцев был серьёзно ранен, и отправлен на родину.

После госпиталя, уже капитан Румянцев, напросился на службу в милицию в свой родной Зареченск. Орденосного офицера направили в ГАИ, посчитав, что служба там не шибко пыльная и несуетная.

Сергей Сергеевич поначалу привыкал и осматривался, но затем стал замечать среди ГАИшников нездоровые тенденции к легкому обогащению, особенно на московской трассе. Естественно, об этом было доложено начальству. Начальство не оценило такое рвение и с этого момента у капитана начались неприятности, которые закончились ссылкой в специально созданный отдел «расследования и дознания» с кучей бюрократических проволочек.

Капитан мужественно выносил насмешки и неприязнь сослуживцев, пока не остановил в городе машину второго секретаря горкома партии. Второй секретарь был за рулём изрядно выпимши и грозил Румянцеву всеми неприятностями, которые только можно придумать. Сергей Сергеевич не внял пьяному бреду и права отобрал.

После этого случая начальник ГАИ Зареченска при первом удобном случае решил

избавиться от Румянцева и такая возможность подвернулась. После решительной чистки управления ГУВД, капитана перевели в уголовный розыск вместе с его стажёром.

— Этот майор Скобцев — такая сука! — горячился Сергей Сергеевич, рассказав Ткачёву о своих приключениях. — В горьком всем задницу лижет... А ему в ответ — лучшую технику... Вы видели их машины?! Прямо с завода, новенькие. Рации новые, форма новая... А у нас в управлении один Узик более менее, остальные — просто хлам, чинить не успевают. Если доведётся бандитов догонять, то только на своих двоих...

— А как думаешь, капитан, могут твои бывшие сослуживцы бандитам помогать? За денежку большую, например...

Румянцев задумался.

— Не так, чтобы напрямую, но могут. Лишних вопросов задавать не будут. А если ещё и Скобцев попросит! Без проблем.

— А не знаешь, кто наиболее дружен с начальником ГАИ?

— Да все они там, — капитан ткнул пальцем вверх, — дружат.

— Сергей Сергеевич, а что можешь сказать о Поплутине?

— Майор — мужик нормальный. Опыта, конечно, у него мало. А что вы хотите? Ему майора-то дали совсем недавно. Я сам не видел, но говорят, когда проверяющий из главка приехал, то Поплутин был на территории. Мелкого карманника ловил. Его к расследованию после первого эпизода не допускали. Тут своя команда была. Так вот. Проверяющий команду песочил на всё управление, а тут капитан Поплутин карманника привёл. Этот из главка оперов разогнал, а Саше майора дал и поставил начальником. А на следующий день и меня с моим пионером подтянули.

— Пионер — это Нодия?

— Да. Георгий — мальчишка правильный, только горяч иногда. Больше, знаешь, чувствами думает, чем головой...

В это самый момент Нодия вернулся. Ткачёв прервал беседу с Румянцевым и обратился к лейтенанту:

— Георгий, у меня для вас очень сложное задание.

— Я готов! — моментально приосанился лейтенант. — Что нужно сделать?

Ткачёв взглянул на часы.

— В одиннадцать мы с капитаном будем производить обыск на квартире подполковника Шмелёва. Вы, в это время, выдвигаетесь к кафе «Ландыш». Два часа за кафе наблюдаете. Можете зайти внутрь и выпить чашечку кофе...

— Я не пью кофе.

— Тогда чаю, — поморщился Ткачёв. — Купите себе булочку. И внимательно смотрите. Только не изображайте из себя секретного агента — ваше поведение не должно бросаться в глаза... У вас девушка есть?

— Нет!

— Плохо, — улыбнулся полковник. — Возьмите с собой девушку из нашего управления. Опера переглянулись.

— Что?! — не понял полковник.

— В управлении нет девушек, — ответил Нодия.

— А инспектора по несовершеннолетним?

— У них свои помещения на участках, — лейтенант явно был против компании с девушкой, но Ткачёв настаивал.

— С девушкой будет естественно посещение кафе. Лейтенант — это приказ! У вас полчаса, чтобы одеться подобающе, найти спутницу и прибыть в кафе. В половине второго жду вас здесь с отчётом. Запоминаете всех, кто будет заходить в кафе с одиннадцати до часу дня. Обратите особое внимание на поведение бармена, директора... Как ведут себя, куда звонят и так далее. Приказ ясен?

— Так точно!

— Выполняйте...

Нодия сорвался с места так стремительно, что Ткачёв не успел закрыть рот. Румянцев хихикнул.

Ткачёв с Румянцевым проводили обыск на квартире Шмелёва. Андрей Викторович в общих чертах предполагал, что они могут найти, но вот на такую удачу надеялся мало. Хорошо, Хмель тогда подсказал, где надо искать, а то бы до утра провозились.

На столе, в присутствии понятых и совершенно пьяного подполковника, были разложены пачки денег, фото любовных игр Козырева и Шмелёвой, копии распоряжений из Москвы для первого секретаря горкома Зареченска и свернутые пленки негативов чертежей ракетных отсеков.

Румянцев под мутным взглядом Шмелёва составлял опись.

— Вы знаете что теперь с вами будет, Василий Ефремович? — Ткачёву было жалко подполковника.

Тот поджал губы, дёрнув подбородком.

— Да наплевать... Что будет, то и будет. Если я полный идиот, то отвечу за это.

Андрея Викторовича такой ответ не устроил. И причин для этого было несколько. Первая — не мог Шмелёв не знать о тайнике в квартире. Какие бы отношения с женой у него не были, но он здесь жил. Тайник, конечно, мудрёный, но не настолько, чтобы его совсем не замечать. Вторая причина — это то, что Шмелёв на вопросы: «это ваше?» отвечал коротким «да» и кивком головы. И делал это при понятых. Пусть и пьяный, но так поступать нельзя.

В квартиру зашел Гриша и кто-то из прокурорских. Подождали, пока понятые распишутся в протоколе и отпустили их.

— Шмелёв Василий Ефремович, — официальным тоном объявил старый чекист, — я вынужден вас арестовать. Обвинения вам будут предъявлены чуть позже. Наряд я вызывать не буду.

— Гриш, а можно я поговорю с подполковником? — попросил Ткачёв.

— Можно. Можете не торопиться, но и не затягивайте. Мы со следователем и капитаном на лестнице покурим.

Дверь закрылась и на секунду наступила тишина.

— Вы же ведь знали, Василий Ефремович? — тихо спросил Ткачёв. — Зачем всё это?

— Толковый ты опер, Андрей Викторович, — почти трезвым тоном ответил Шмелёв. — Но вот от жизни как-то оторван. Да и узнал я всё о Лене недавно — буквально перед твоим приездом. Нашёл ведь тайник... Понимаешь, трудно очень поверить, что любимая женщина не только изменяет, но и делает это в интересах кого-то другого.

— Неужели ты думаешь, что она тебя любила?

Шмелёв отвернулся, и постарался незаметно от Ткачёва смахнуть наворачнувшуюся слезу.

— Мне трудно что-то думать. Последние полгода, вообще, как сон. Но очень приятный. И представляешь, я хочу, чтобы он не заканчивался.

— А последние три месяца?..

Шмелёв грустно улыбнулся.

— А знаешь, за что зацепить. Я ведь когда тайник нашёл, то ночь не спал. Ждал её. Она только по выходным домой не возвращалась, но в будни всегда ночью приходила. Когда позже, когда раньше. Верить, я хотел пристрелить её и содержимое тайника сжечь. Это была ночь прямо перед её убийством. Как она меня умоляла никому не говорить! Обещала сделать всё, что я захочу...

— И ты захотел?

Ткачёв сел на стул рядом с подполковником.

— Да, Андрей Викторович. Это была такая страсть, что я не удержался. А потом мы строили планы, как уедем отсюда, как заживём вместе совершенно другой жизнью... Но утром, когда она уезжала, то я попросил её взять из тайника всё и отнести местному чекисту. А она посмотрела на меня, как на идиота... И тогда я понял, что ничего изменить нельзя и что я сам отнесу. Начал собираться, а тут звонок и Саша Поплутин приехал.

— Но почему её убили?

Шмелёв энергично пожал плечами, будто в нервном тике.

— Не знаю. Я пока дома сидел, не думал об этом. Кто-то по телефону звонил, а я не брал трубку. Кто-то в дверь тихо стучал, но я не открывал. Даже кто-то открыть собирался. Но я же не дурак! Сразу ходить громко начинал, кашлять.

— А позвонить мне не мог?

— А куда? Ты телефон оставлял?!

— Поплутину мог позвонить...

Подполковник опустил голову, будто понимая, что совершил ошибку.

— Мы же с тобой разговаривали после убийства, — вспомнил Ткачёв. — Почему тогда ты мне всё не рассказал?

— А зачем? — Шмелёв посмотрел в глаза полковнику. — Чтобы это изменило? Меня все равно расстреляют.

— Не факт...

— Да? Это на фоне противостояния милиции и чекистов? — усмехнулся Шмелёв. — Ладно, чего мы в ступе воду толчем? Зови следователя и чекиста. Я виноват — я и отвечу...

Полковник осознал, что Василий Ефремович упёрся в свою виновность, как в спасительную соломинку и сделать ничего нельзя. И не расскажет он ничего больше, хотя знал намного больше, чем рассказал. Что подполковника в этой жизни больше ничего не интересовало, даже цена собственной жизни. Ткачёв встал и прошёл к двери, открыл.

— Гриш...

Послышался щелчок взводимого курка. Ткачёв быстро взглянул на Шмелёва и увидел, как тот подносит к виску пистолет. «И как мы его не нашли при обыске?!» — подумал полковник, мысленно ощущая как спусковой механизм освобождает боёк...

Раздался выстрел. Голова Шмелёва дернулась.

— Твою мать! — только и сказал Гриша, подбегая к двери. — Уф! Вызывайте экспертов...

Полковник с капитаном немного задержались на квартире Шмелёвых, и опаздывали в управление к назначенному сроку.

— Как без машины тяжело, — пожаловался Ткачёв Румянцеву, залезая в автобус. И тут же вспомнил, что так и не сказал Поплутину про опрос водителей автобусов Заречнска.

— Шмелёву полагалась персональная машина, — сказал капитан. — У Гладышева надо попросить, а то он, наверное, своей жене её выделил.

Полковник пропустил мимо ушей недовольную реплику Сергея Сергеевича. Он подумал о том, что его миссия в Зареченске закончилась. Бумажные чертежи блоков ракет, взятые бандитами после налёта на инкассаторов, скорее всего, сожжены, чтобы не оставлять лишних улик. Но и куратору группы они не ушли. То есть, у бандитов теперь цель одна — уничтожить ОКБ и разработчиков. Больше им в Зареченске делать нечего. Пару дней и ОКБ

перетащат в Москву.

Главарь аккуратно сдаст своих исполнителей, а сам попытается скрыться. Если Главарь — не сама Шмелёва.

Ткачёва с Румянцевым ждал Поплутин, нетерпеливо расхаживая по кабинету. В уголке на стуле сидел Нодия, отдуваясь от переизбытка съеденных пирожных.

— Как же так?! — воскликнул майор, увидев полковника.

— А что случилось? — притворился Ткачёв, будто ничего не знает.

— Андрей Викторович, Шмелёв...

— Так, стоп! Георгий, закрой дверь и включи приемник громче. Присаживайтесь, товарищи.

Пока Нодия суетился, выполняя просьбу Ткачёва, опера расселись за столом.

— Значит, дела такие, — обратился к ним полковник, как только лейтенант закончил суету и тоже присел за стол. — Подполковник Шмелёв не предатель, а человек, который заблудился в поиске личного счастья. Мы все люди... Майор, докладывайте, что вы собрали по станции Зареченск-товарная.

— История с грузом довольно странная. По документам контейнер грузили на базе Минторга СССР, а оборудование было оплачено валютой. На базу Минторга контейнер пришёл из порта...

— Геленджика? — перебил майора Ткачёв.

Поплутин искренне удивился.

— Как, чёрт возьми, вы догадались?

— А получала контейнер Шмелёва?

— Так точно, — майор впал в ступор. — С разрешения первого секретаря горкома партии. Груз предназначался для кафе «Ландыш».

Полковник показал пальцем на Нодия.

— Что по кафе, лейтенант?

— Дорого, но сытно. Я объелся...

Оперативники засмеялись.

— Я не об этом, Георгий, — сквозь смех проговорил Ткачёв. — Вы видели директора кафе?

— Не знаю. Приходила какая-то женщина. Властная и строгая. Бармену что-то шептала.

— Отлично, — обрадовался полковник.

Опера вяло разделили его радость.

— А что за уныние? — спросил их Ткачёв. — Не вешать нос. Я думаю, что скоро всё закончится.

— Мы запутались, — признался Поплутин. — В управлении говорят, что Шмелёв и был Главарём. А когда его уличили, то застрелился.

Полковник отрицательно махнул рукой.

— Товарищи, не надо слушать сплетни. Мало ли кто чего скажет.

— Так вы нам объясните, Андрей Викторович, — попросил Поплутин.

— Хорошо. Мы с вами ошиблись. Вернее, ошибся я. А ещё вернее, что вам не надлежало знать некоторые особенности данного дела. Он велось под прикрытием КГБ.

Опера зашумели.

— Тихо, — остановил их полковник. — Поскольку наши «старшие братья» нашли то, что искали, я думаю, теперь можно посвятить вас в нюансы. Тем более дела о разбоях ещё не

закрыты. Их, наверное, передадут в КГБ на следствие.

Поплутин нахмурился.

— Тогда зачем нас посвящать в тонкости? Пусть «старший брат» и ловит остатки банды.

— Александр Владимирович, а вам не хочется самому это сделать? Прокуратура не сможет квалифицировать разбой в целях подрыва власти или терроризма. Боюсь, что «братья» просто будут наблюдать за нашим расследованием, а когда мы возьмём преступников, то их отберут.

— Андрей Викторович, у нас нет опыта подобных операций! Если бандиты агенты спецслужб, то нас перестреляют, как бобиков.

— Это кто тут бобик?! — возмутился Румянцев.

— Да! — выпятил грудь Нодия.

Полковник спокойно скрестил руки на груди, наблюдая за перебранкой. Сейчас решалось многое.

— Жора, ты-то куда? — отмахнулся Поплутин. — Серёга хоть морпехом был...

— Меня партия и Родина поставили охранять покой наших граждан! — пафосно воскликнул лейтенант. — Я не намерен отсиживаться в кустах и есть плюшки в кафе! А вы, товарищ майор!..

— Эээ! — поднялся Румянцев. — Георгий, прекрати!

— Нет, Серёга, не останавливай его. Пусть говорит! — Поплутин тоже поднялся. — Договаривай, лейтенант...

— Просто боитесь! — выпалил Нодия.

Поплутин побагровел.

— Щенок! Как тебе в голову могло такое прийти?!

Ткачёв вмешался громким ударом кулака о стол.

— Прекратите, товарищи! Вы совсем охренели?

Потом тихо зашипел:

— Немедленно успокоиться и сесть на место. Это приказ!

Он подождал, пока опера сядут на место.

— Короче, я считаю, что здесь никто не боится. Но опасаться бандитов стоит. Это умные, беспощадные и умелые враги. Бросаться грудью на амбразуру не надо! А следует тщательно спланировать операцию исходя из всех возможных развития события. Давайте подведём итог.

Опера дружно закивали.

— Начинайте, Александр Владимирович. А я поправлю в нужных местах.

— Так я не знаю, с чего начать!

— Я подскажу... Вы знаете где познакомились Шмелёвы?

— В вашей записке по следствию написано, — майор открыл папку, — в Геленджике.

— А откуда пришел контейнер с грузом?

— Из Геленджика...

— Откуда родом убитый Цыганков?

— Из Геленджика, — совсем растерялся майор. — Но я всё равно ничего не понимаю.

— Так думай, Александр Владимирович, составляй картину.

Ткачёв взял лист бумаги, нарисовал круг слева, и вписал в него: «Геленджик, Шмелёва, Шмелёв, Цыган, груз».

— А теперь смотри, что происходит. Елена Петровна Шмелёва оказалась неизвестно кем. Сейчас это выясняют.

— Во, дела! — сказал за всех оперов Румянцев.

— Да, причем известно, что настоящая Шмелёва тоже отдыхала в Геленджике.

— Тогда её могли там поменять! — догадался Поплутин.

— Правильно! — подтвердил Ткачёв. — Она, пользуясь своей яркой внешностью, очаровывает Шмелёва и выходит за него замуж.

— Да уж, подполковник голову из-за неё потерял, — усмехнулся Румянцев. — Причём, буквально...

— А Цыган здесь причём? — задумался майор.

— А вы бы, Александр Владимирович, лучше бы внимательней изучали дела своих «подопечных». Цыганков занимался «черным» копательством и продавал найденное оружие воровским авторитетам. За это, кстати, и отсидел срок. У него нашли металлоискатель и небольшой арсенал, а после срока он вернулся в Геленджик. Там на него вышли агенты западных спецслужб и за хорошее вознаграждение купили у него припрятанный арсенал, который при обыске не нашли. А он молчал. И воры таких, как Цыган, не сдают.

Поплутин молчаливо согласился.

— Итак, подытожим по Геленджику, — полковник провел жирную черту под кругом на бумаге. — Перед Олимпиадой западные спецслужбы попытались внедрить в СССР две группы. Это по данным КГБ. Первая группа была перехвачена, а вторая сумела легализоваться. Состав второй группы неизвестен, но в неё входила Шмелёва. Вернее, агент, которая взяла фамилию Шмелёва. Они вышли на Цыганкова и купили у него оружие. Затем, подождали прихода контейнера с оборудованием для кафе, и в это оборудование замаскировали купленный арсенал. Так как проехать из Геленджика в Зареченск с чемоданами оружия очень рискованно...

— А я думаю, было немного иначе, — поднял ладонь Румянцев. — Оружие уже было в контейнере на момент прихода в СССР, а у Цыгана купили боеприпасы. Вот если бы контейнер арестовали на таможне, тогда бы покупали оружие. Оборудование шло на имя Минторга СССР и вряд ли таможенники его досконально проверяли, а оружие можно было разобрать и по частям распихать в ящики. Посмотрите, контейнер сначала пришёл в Москву.

— Очень грамотная поправка, — похвалил Ткачёв. — Смотрим дальше. Группу перенаправляют в Зареченск. Тут хорошо бы с хронологией разобраться, но потом. Сейчас попробуем выстроить развитие событий.

— Можно мне попробовать? — заерзал на стуле Поплутин и, получив разрешение, продолжил. — Шмелёвы приезжают в Зареченск. Ведь Елену Петровну сюда кто-то определил сверху. Но кто?

— Думаю, предположить можно, — Ткачёв вынул из портфеля конверт с данными по Шмелёвой. — Елена Петровна ещё будучи в Сургуте была завербована. И спецслужбы заранее готовили ей двойника. После обмена, агент под её фамилией, опять же, используя свою привлекательность, могла выпросить направление в Зареченск. Или хорошо проплатила за место заместителя управляющей отделения Госбанка.

— Слушайте, как у них всё быстро получается! — удивился молчавший Нодия.

— Да, Георгий, ты прав. У них точно был свой человек в Москве. Но это уже не наше дело — пусть чекисты разбираются... Продолжай, Александр Владимирович.

— Шмелёва быстро разобралась, кто есть кто в Зареченске, и нашла подход к первому

секретарю горкома. Под предлогом социальной программы получила разрешение у Козырева на оборудование кафе «Ландыш». А вот тут не сходится. Контейнер уже был в Москве на базе Минторга.

— Точно, — поддакнул Ткачёв. — Оружие было завезено заранее, до Олимпиады. Подбросим эту мысль нашим «братьям» — пусть они проверят Минторг по этим накладным. Кто-то же заказал это оборудование. То есть, Шмелёва уже знала об оборудовании и специально предложила Козыреву свою идею. А в Минторге это провели, как заказ в Зареченск, закрыв тем самым дыру.

— Да, но зачем Шмелёва решила порвать с мужем? — задумался Румянцев и сам ответил. — Козыреву «светила» Москва, а Шмелёву только должность начальника ГУВД Зареченска. Она действовала по своему плану, и не входила в состав группы заброски.

— А вот и нет, — покачал головой Ткачёв. — Шмелёву и зачистили после того, как она решила действовать вне группы. У группы было чёткое задание — выяснить, чем занимаются инженеры-радиотехники в Зареченске, а потом либо купить у них информацию, либо спокойно уйти в другой город. Денег у них не хватало, вот они и решили нападать на инкассаторов.

— Зачем они нападали на третью машину?

— Инкассаторы везли чертежи блоков ракет, которые запросили инженеры.

— Странно они подставлялись этим разбоем. Можно было спокойно за деньги эти чертежи сфоткать в ОКБ.

— С чертежами инженеры работали бы только в присутствии чекиста. Не сфоткать. По ним за день создали бы макет блока, а копии чертежей уничтожили бы. Времени не было. Наши ученые были в подвешенном состоянии, а забугорные настаивали на прототипе антенны, — пояснил Ткачёв. — Но факт в том, что Шмелёва вошла с группой в конфликт. Сначала убрали Цыгана, поскольку он знал Главаря банды, а потом Шмелёву. Потом завербованного водителя такси.

— И где нам теперь искать банду и её Главаря? — озадачился Поплутин.

— И по информации ОКБ перевозят из Зареченска в Москву, — дополнил полковник.

Опера помолчали немного, потом Румянцев легонько хлопнул по столу.

— Всё крутится вокруг кафе «Ландыш». Может быть, накроем эту «малину»?

— Спугнём, — ответил Ткачёв. — Что мы им предъявим? В кофе точно нет оружия. Может быть, и найдём некую комнату отдыха для Шмелёвой и Козырева, но кафе их детище. У нас даже косвенных улик нет о причастности этого места к разбойным нападениям. А если действительно спугнём, то неизвестно на какой шаг способны бандиты.

— Тогда что делать-то? — недоумевал Поплутин. Румянцев и Нодия тоже вопросительно взглянули на полковника.

— Есть один план. Только мне нужна карта территории завода радиотехнических конструкций. Достанете?

Опера дружно кивнули.

— Тогда, Александр Владимирович, напишите мне свой домашний телефон. А да, чуть не забыл! Сгоняйте в автобусный парк и найдите водителя, который вез Шмелёву на работу в тот день. Елена Петровна была женщиной яркой, не мог водитель не видеть куда она пошла после того, как сошла с автобуса. Расспросите его до мелочей. Пусть вспомнит...

Выйдя из управления, Ткачёв решил пройтись пешком. Мороз немного ослабил свою колючую хватку, поэтому воздух вдыхался легко и приятно щекотал ноздри.

Ещё и трех дней не прошло, а полковник был вымотан и опустошён эмоционально. Ему не хватало действия, азарта погони и удовлетворения результатом. Всего того, к чему он привык. Тут же информация выскребалась крупными.

Погрузившись в невесёлые мысли, полковник не заметил, как его догнал человек и пошёл рядом.

— Что, Андрей Викторович, размышляешь?

Ткачёв повернул голову и не узнал Хмеля, хотя по голосу и обращению тот себя выдал.

— Да. А зачем ты так светишься?

— Нормально всё. Подумаешь, рядом с тобой иду — прогуливаюсь. Я говорил с руководством...

— И что?

— Трефилов не против, чтобы ты вернулся в Москву.

Полковнику было понятно. КГБ закрутит гайки в Зареченске, и банду всё же прикроет. Это вопрос времени, но неизвестно какого.

— А ты остаешься? — спросил Ткачёв, уже зная ответ.

— Да. Буду присматривать за местными операми. Ты же дал им направление поиска?

— А они справятся?

— Не нам это решать, Андрей Викторович. Ты чертежи нашёл, значит, задачу выполнил.

— Понятно. А если я предложу вариант, при котором поимка банды будет ускорена?

Хмель удивленно хмыкнул.

— Если честно, то мне самому здесь уже надоело. Мрачный город, хуже Ленинграда.

Ткачёв смахнул снежинку с глаза.

— Чем тебе Ленинград не угодил?

— Я там солнце никогда не видел. Так попадало. И народ там какой-то вывернутый. Ладно, говори, чего задумал.

Полковник, проходя, пнул ледышку носком ботинка.

— Хочу банду на радиотехнический завод вытащить. В нужное нам место и время.

— Мысль хорошая, — одобрил Хмель, выдохнув. — И сколько надо времени на это?

— День, а может два.

Агент присвистнул.

— Если твой вариант жизнеспособный, то Трефилов будет только рад. Его самого Андропов трясёт, как грушу. А получится? С чем выходить к генералу?

— Материала много, — Ткачёв повернул с дороги и встал. — Но твоя непосредственная помощь нужна.

Хмель раздумывал недолго.

— Лично я согласен, полковник. Но нам вдвоём не потянуть.

— Местные опера тоже горят желанием участвовать, а пятеро — вполне боеспособный коллектив. Только план надо разрабатывать вместе. Согласись, что они лучше знают местность.

— Соглашусь, — быстро сказал агент. — Собирай группу в нашем доме, я буду разговаривать с ними в маске. Надеюсь, от испуга они меня не пристрелят.

Ткачёв усмехнулся.

— Не должны, я их предупрежу. И на будущее, если нам дадут добро сверху — понадобится автоматическое оружие и хоть какие-нибудь средства защиты.

— Всё будет. Не переживай. А теперь давай свою наводку мне, а я изучу, так сказать, поле битвы.

Ткачёв счел это разумным. Хмель — агент действия и от его советов многое зависит.

— У меня есть подозрение, что кафе «Ландыш» это и есть логово банды. А бармены — Исполнители. Их трое. Приглядишься к ним. Главаря вычислить трудно, но возможно. Судя по всему — это директор кафе. Её выбирала на это место Шмелёва, а Козырев подписал назначение. Оружия в кафе нет, это было бы безумием там его хранить. В общем, задумка такова — из Москвы должно прийти распоряжение о выделении ОКБ крупной суммы денег на переезд в Москву. Не меньше, чем полмиллиона.

Хмель удивленно и громко свистнул.

— Да, — полковник покрутил головой, осматриваясь. — На меньшее они просто не пойдут. Но задача у них, наверняка, другая. Им нужно ОКБ уничтожить.

— Пожалуй ты прав, Андрей Викторович, — согласился Хмель. — Нападение на инкассаторов будет отвлекающим ударом, в то время Главарь постарается проникнуть на ОКБ и попросту всех убить и взорвать лабораторию. Просто и эффективно. Но как они узнают про перевозку денег?

— От Козырева на совещании. Бумага об инкассации придёт из Москвы с требованием обеспечить безопасность. Козырев соберёт всех начальников силовых ведомств.

— Ты думаешь, что кто-то из этих начальников куплен Главарём?

— Несомненно. Твои инкассаторы на это попались. Они не предполагали, что их встретят силовики, а рассчитывали на бандитский налёт.

— Подожди, — Хмель нахмурил лоб. — Ты хочешь сказать, что моих парней атаквали силовики?

— Нет. Они отвлекли их, расслабили. Запустили по маршруту, где твои инкассаторы не ждали нападения. Но сами не участвовали. Шмелёва не могла дать силовикам такого распоряжения. Она только сообщила о времени выхода машины. Сбегала в «Ландыш» и позвонила.

— Очень похоже, — согласился агент, сплевывая на снег. — Это могли быть патрульные из ГУВД или...

— ГАИшники, — закончил Ткачёв. — Вспомни, мы их совсем не рассматривали. А Румянцев, служивший до угрозыска в ГАИ, поведал мне немало.

Хмель поскрёб затылок.

— Да, да... Ребята шли по маршруту со мной согласованному. Я ждал в засаде. Но они неожиданно поехали другой дорогой. ГАИ могло перекрыть движение, а у парней отказала рация.

— Не отказала, — возразил полковник. — Они её заглушили. Рация-то была на чистоте инкассаторов и ГАИшники её слушали.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Хмель. — Полковник, где ты раньше был?

— В Москве. Так ты пробьёшь этот «Ландыш» по своим каналам?

— Не вопрос, Андрей Викторович! Собирай группу часов в семь вечера...

Полковник собрал оперов Зареченска у себя в доме. Он позвонил сначала Поплутину, и предложил собраться не в управлении, а в другом месте. Майор согласился и к шести часам вечера оперативники сидели за столом в доме Ткачёва и чинно пили чай.

— Александр Владимирович, вы достали схему местности района радиотехнического завода?

— Да, Андрей Викторович, — ответил за майора Румянцев. — Мы с пионером сняли кальку. Жора постарался.

Он по-отечески хлопнул Нодия по плечу.

— А с водителем автобуса?

Поплутин кивнул и достал папку.

— Вот опрос, — майор вынул исписанные листы. — Водитель узнал Шмелёву и показал, что она не сразу пошла к отделению банка, а свернула с остановки к «Ландышу». А ещё он заметил, что проезжала машина ГАИ. И даже удивился — что делают в такую рань ГАИшники? Не пятница же была.

— Очень хорошо, — обрадовался Ткачёв. Все эти сведения говорили о том, что он был на верном пути. Но и осложняло выполнение задуманного им плана.

— Ещё раз спрошу, — убрал чашку со стола полковник. — Вы идёте со мной? Пока не поздно — можно отказаться.

— Я скажу за всех, товарищ полковник, — Поплутин встал. — Мы идём до конца. Убийства произошли на нашей территории, и мы готовы сразиться с преступниками. Если получится, то поймать и обезвредить.

Румянцев и Нодия дружно сказали «да!».

— Хорошо. Жора, убирай чашки со стола на кухню — освобождай стол.

Лейтенант проворно убрал посуду и протёр столешницу от крошек. Румянцев развернул кальку.

— Прежде чем мы начнем обсуждение плана, — Ткачёв положил листы бумаги и карандаш, — хочу сказать, что я привлек к делу специалиста по силовым операциям из КГБ. Он пообещал помочь не только снаряжением и оружием, но и участием.

— Ни фиги себе! — выдохнул Нодия.

— Я, думаю, вы не будете против? — полковник взглянул на оперов и когда увидел жесты подтверждения, добавил: — Он придёт в семь. Но будет в маске. Так что не пугайтесь.

Хмель появился ровно в семь. Тихо зашёл в комнату, при этом лейтенант заметно вздрогнул. Агент снял куртку, показав под мышкой кобуру с внушительным пистолетом и тремя обоймами. Не здороваясь и не называя своего прозвища, сказал:

— Сразу к делу... Представляться не буду — это незачем. Вас всех я знаю. Чтобы не путаться, буду называть по званию.

Хмель в маске с прорезями для глаз выглядел весьма зловеще, но милиционеры поняли, что это не позёрство, а необходимость.

Агент положил на стол блокнот. Развернул.

— Полковник, вы оказались правы. Бармены в кафе выглядят, как бравые агенты, типа Джеймса Бонда.

— А кто это? — спросил Нодия, но под пристальным взглядом Поплутина смолк.

— Фактура у барменов внушительная, — продолжал Хмель. — Лица явно не Зареченские. Я попытался бузить, но так профессионально и незаметно меня бармен

скрутил и выставил на улицу. В кафе три входа. Основной, грузовой и запасной.

— Не много ли? — мотнул головой Поплутин.

— Вот и я озадачился, — Хмель пролистнул блокнот. — Но факт в том, что у бармена прописки в Зареченске нет. Думаю, нет и у остальных двух. Они работают сутки трое. Директора кафе я так и не дождался, хотя требовал. Грузовой вход означает, что там есть подъезд для машины.

— И что всё это означает? — Ткачёв нетерпеливо переступил ногами.

— Это означает, что с большой вероятностью, если верить вашей версии, бармены и есть Исполнители. А теперь давайте подумаем... Кстати, полковник, товарищи в курсе происходящего в городе?

— В общих чертах...

— Ладно. Это уже не суть. Я разговаривал с генералом, и он ждёт наш план. Так что, начинайте...

Ткачёв откашлялся.

— План таков. Из Москвы в приёмную Козырева сбрасывают распоряжение по перевозке крупной суммы денег на радиотехнический завод, и просят обеспечить силовую поддержку.

— Это разумно, — сказал Хмель, ещё раз перелистывая блокнот и что-то помечая. — Якобы защиту на случай бандитского нападения. Ведь бандиты не пойманы. Так?

— Так. Но надо указать, что это деньги на переброску ОКБ в Москву.

— Согласен. Иначе бандиты могут просто проигнорировать перевозку. А у Главара, наверняка, задача ОКБ уничтожить вместе с инженерами. Лучшего случая для такой акции может и не подвернуться.

— Да. Но нападение на инкассаторов будет отвлекающим манёвром. Главарь посылает исполнителей на разбой, а сам в это время проникает на завод в ОКБ.

— А вот это не факт, — неожиданно сказал Румянцев.

— Объясните, капитан, — попросил Хмель.

— Проникновение на завод связано с риском. Главарю понадобится пронести взрывчатку, заложить её, а потом сделать подрыв после своего ухода. Одному сделать такое трудно, не привлекая внимания. И как ему пройти на завод, да ещё и инженеров всех бегать искать.

— А он прав, полковник, — агент взглянул на Ткачёва. — Задача у него не из легких. Андрей Викторович почесал небритый подбородок.

— А когда на заводе получку выдают?

— Так это, — очнулся Поплутин, — вроде послезавтра...

— Хорошо, — Хмель ткнул карандашом в Румянцева. — Капитан, а как бы вы поступили?

— Я бы сделал так... Охрану инкассаторов отсёк бы до подъезда к заводу, но саму машину пропустил. А на въезде, встретил бы. Допустим, с ГАИшниками. Вместе с инкассаторами зашёл бы в ОКБ под видом охраны, и аккуратно подсунул бы в инкассаторскую сумку взрывчатку. Потом подорвал бы, когда люди встанут в очередь за зарплатой.

— Деньги будут считать, могут взрывчатку заметить. Слишком сложно.

— Тогда проще, — Румянцев склонился над калькой. — Сковать боем охрану инкассаторов, и под этот шум зайти вот тут — в грузовые ворота. Но вдвоём. Через

мастерские, уничтожая всех, кто на пути, подняться в ОКБ, прежде перерезав телефонный кабель. И вот так, с двух сторон идти с первого этажа на второй. Вернее, из мастерских с первого этажа, закрыв ворота на засов. А вот здесь, забравшись по пожарной лестнице на крышу, со второго этажа на первый. Потом встретиться у грузовых ворот и уехать, подорвав заряд.

— А вот это толково, — одобрил Хмель. — Сразу чувствуется, что морской пехотинец. Не зря вас учили, капитан. Получается, что мы бандитов ждём в двух местах. Двое пойдут на инкассаторов, а ещё двое — на завод.

— А если их больше? — засомневался Поплутин.

— Да, тогда мы не успеем закрыть все пути их отхода. Нас пятерых просто не хватит. Да и деньги как повезём, нас изрешетят в дуршлаг.

— Надо поговорить с инкассаторами, — вмешался Ткачёв. — Я видел, что они там машину мастерят. Усиливают защиту.

— Дельно, — Хмель сунул карандаш в рот и стал покусывать. — А я заеду на завод и поговорю с нашим связным. Надо будет людей из ОКБ увезти в момент нападения.

— А не лучше мне это сделать? — посмотрел на него Ткачёв.

— Пожалуй. После Госбанка поезжайте на завод.

— Разрешите ещё одно наблюдение? — попросил Румянцев.

Агент махнул ладонью, разрешая.

— Я думаю, что бой немного затянется. Но когда Главарь поймёт, что это ловушка, то будет стараться уйти с завода. В город ему уходить опасно и он пойдёт из него. Вот тут, — капитан ткнул пальцем в кальку, — есть тропа. По ней можно уйти из города на машине в обход поста ГАИ.

— Откуда знаешь? — удивился Хмель.

— Я же в ГАИ работал...

Агент задумался.

— Да, — сказал он, — эту тропку надо заблокировать. Но как?

— У меня есть связи в ГАИ, — сказал Поплутин. — Я могу попросить перекрыть эту дорогу автомобилем.

— Ага, — усмехнулся Румянцев, — и тебя же подставят. ГАИшники ничего не делают за так.

— Майор, покажете мне этого человека, — потребовал Хмель. — Я найду аргументы для его помощи.

Поплутин согласился.

— Так, давайте раскидаем диспозицию, — агент выпрямился и внимательно взглянул на каждого оперативника. — Кто пойдёт с инкассаторами?

Все понимали, что тот, кто будет сопровождать инкассаторов, подвергает себя смертельной опасности, но Нодия первым вскинул руку: — Я!

Хмель посмотрел на него сурово:

— А тебе не страшно, малыш? Ты хоть понимаешь, чем это может закончиться?

— Понимаю. От меня на заводе будет мало толку. И да, я боюсь, но это ни о чём не говорит.

— Я тоже пойду с инкассаторами, — угрюмо сказал Поплутин. — И присмотрю за Жорой.

— Договорились, — поспешил сказать Хмель. — Капитан, вы займёте место на крыше

цеха, а я с полковником буду на грузовых воротах в ОКБ.

— А что я буду делать на крыше? — растерялся Румянцев.

— Вы там будете на позиции с оптикой. Неизвестно сколько бандитов придёт по наши души.

— Но я никогда не работал с оптикой!

— Всё когда-то в первый раз, капитан. Больше некому, так что постарайтесь. Вы человек военный... разберётесь. Даже если ваша работа будет неточной, то она отвлечёт бандитов. Они будут вынуждены прятаться, действовать из укрытий.

— Нам связь нужна...

— Это будет. Будет и оружие и средства защиты. Всё, не отвлекаемся. Полковник, продолжайте диспозицию в соответствии с предполагаемым планом действий.

Ткачёв разложил лист бумаги.

— После совещания первый секретарь горкома отдаёт распоряжение на дополнительную защиту инкассаторов. Что может дать ГУВД? — он взглянул на Поплутина.

— Гладышев может выделить только одну патрульную машину, — ответил майор. — Больше просто нет! И в неё он определит опергруппу.

— А если сам поедет? — предположил Хмель.

— Гладышев?! Ему до пенсии осталось чуть-чуть. Не ползет он под пули.

— А машину свою может дать?

— Если только машину Шмелёва... У бывшего зама неплохая «Волга».

— Как отреагирует ГАИ? — вопрос предназначался Румянцеву.

Капитан ядовито усмехнулся.

— Если и будет экипаж, то при первых выстрелах скроется в кустах. Чтобы наши ГАИшники под пули лезли?! Ну, если только в танке!

— Может бронетранспортёр достать? — смеясь, предложил Поплутин.

— Неплохая идея, — задумчиво произнёс Хмель, чем поверг всех в недоумение. — Будет броневик! Лейтенант, вы сможете им управлять?

— Смогу, — не моргнув ответил Нодия. — Если кто-то подскажет...

— Ладно. Полковник, дальше...

Ткачёв хмыкнул и покачал головой.

— Группа прикрытия во главе с майором прибывает к отделению банка. В машину инкассаторов грузятся мешки с бумагой и она выезжает за ворота. Первым пойдёт хм... броневик, за ним инкассаторы, замыкать будет экипаж ГУВД...

— Нет. Первой пойдёт машина ГАИ, а потом броневик, — уточнил Румянцев.

— Согласен, — сказал Хмель. — В броневик посадим лейтенанта, а сзади инкассаторов пойдёт майор. Бандитам очень трудно будет вести прицельный огонь в таком порядке. Они его сосредоточат на броневике и инкассаторах, и у майора будет время сориентироваться и засечь огневые точки. Ваша задача, майор — не геройствовать, и уничтожить бандитов. Но сделать это надо будет быстро, пока налётчики не сразу поймут что происходит. Потом садитесь в броневик и шпарите к заводу — к нам на помощь.

— А если бандиты будут предупреждены о броневике? — засомневался Поплутин.

— Каким образом?

— Кто-то увидит кортеж и предупредит...

— У них не будет времени, чтобы поменять позицию, — вздохнул Хмель. — Единственное, что они могут сделать — это усилить группу нападения на инкассаторов.

Главарь не дурак, я думаю, что он предусмотрит этот вариант. Повезут крупную сумму, понятно, что повезут с прикрытием. Но броневик должен быть сюрпризом. Главное, чтобы не испугались. Давайте думать, кого Главарь ещё сможет привлечь...

Тут Ткачёв не то, чтобы задумался, а вспомнил об Автондиле. Об интересе «авторитета» к Зареченску. Что его могло привлечь в этом городе?

И уже совсем неожиданно, будто гром в слабый ливень, прозвучал стук в дверь дома...

В комнате на секунду все замерли, поглядывая друг на друга, будто их застали в неприятной позе или около дерева в парке, куда зашли по нужде. Стук в дверь настойчиво повторился.

Первым сообразил Ткачёв.

— Быстро всё убираем со стола. Хмель, Сергей и Жора — быстро в сарай. И не высовываться! Саша, на кухню — доставай стаканы, коньяк и закуску. Живей!

Нодия, собрав со стола бумаги, вместе с Хмельём и Румянцевым, прихватившими свои куртки, шустро юркнул в сарай. Благо дверь в него была на кухне. Поплутин метнулся молнией, и на столе уже стояла бутылка коньяка, рюмки и лимон. Ткачёв одернул свитер и, оглядев комнату, пошел открывать дверь в дом.

На пороге стояла Мария и держала в руках небольшую кастрюльку.

— Простите, Андрей Викторович, я увидела свет в доме и решила, что вы, наверное, голодны. Вот, здесь горячие люля и картошка.

Женщина смущенно улыбнулась и протянула кастрюльку.

Ткачёв интуитивно отошёл в сторону, пропуская Марию в дом.

— Спасибо огромное, а то мы заработались совсем, — нарочито громко сказал он. — Начальство отчёт требует, вот мы под коньячок и составляем...

Мария зашла в дом, поздоровалась с майором, который догадался положить на стол раскрытую папку с документами. Поплутин сверлил взглядом ладную фигуру женщины. Она же, тем временем, поставила кастрюльку на стол и скинула платок, покрывавший голову. Серебристо-русые локоны раскинулись по плечам, а тонкий аромат дорогого парфюма легким облаком окутал комнату.

— Вы бы хоть печку затопили, мужчины. Ночь сегодня холодная будет.

— Да, — промямлил полковник, — не успели. Вот по рюмочке выпили и работаем. Сейчас затопим. Не хотите с нами по двадцать грамм?

— Нет, спасибо, — улыбнулась очаровательно Мария. — Я пойду. Не буду вам мешать...

Полковник проводил её до двери, подождал, пока она накинет платок.

— Вы ещё долго у нас пробудете? — вопрос прозвучал с некоторой тоской.

— Вот отчёт составлю, завтра передам начальству, а там... оно решит, — ответил полковник, засматриваясь на её губы.

Мария дернула уголок губ, поправила платок и быстро зашагала к своему дому. Ткачёв закрыл дверь на засов и глубоко выдохнул с облегчением. Потом вернулся в комнату.

Шустрый Нодия уже растапливал печку, а опера с агентом ковырялись в кастрюльке, вынимая картошку и люля.

— А чего, может, действительно по рюмашке хлопнем? — постучал ногтем по бутылке с коньяком Поплутин.

— Наливай, — разрешил полковник.

Налили. Выпили. Ткачёв всё мучился вопросом об интересе Автондила в Зареченске, жуя дольку лимона, как наблюдательный Поплутин спросил:

— Что задумался, Андрей Викторович?

— Да так. Это же дом преступного авторитета...

— Неужели Топтыги? — удивился майор.

— Нет. Московского... А, чёрт!

Ткачёв хлопнул себя по лбу. Автондил точно был в курсе налётов на инкассаторов. Недаром Мария сказала полковнику о звонке «авторитета» Зареченским «положенцам», чтобы те сидели тихо и «не отсвечивали». Автондил очень тонко понимает все расклады, и у него связей, что грязи. Если бы был жив Цыганков, то он такое мог рассказать! В том числе и о связях Автондила в Минторге. Неужели западные спецслужбы вышли на московского «авторитета»?

— Я думаю, товарищи, — тихо сказал полковник, — что местные уголовники могут быть привлечены к нападению на инкассаторов. А это...

— Ещё человек пять, не меньше, — закончил за Ткачёва майор. — Но где они возьмут оружие?

— Оружие у них есть, если Цыганкова убили именно за связь с бандой. Я даже догадываюсь, кто помогал доставить оружие в Зареченск. Так что на инкассаторов пойдут человек семь, не меньше. И трое пойдут на завод — два Исполнителя и сам Главварь. А если у них есть подвязки в ГАИ, то на завод прибудет ещё машина с ГАИшником. И будет их ждать около той тропинки для отхода.

— Так у них целая армия! — воскликнул Румянцев. — Мы чем отбиваться будем?

— Так, прекратить истерику, — стукнул по столу Хмель, отчего рюмки подпрыгнули и зазвенели. — Всё будет. Если ясна первоначальная диспозиция, то намечаем план на завтра и расходимся. Полковник, на вас инкассаторы и инженеры на заводе. Майор, на вас ГАИшник и патрульная машина для сопровождения. Я, вместе с капитаном и лейтенантом, за броневиком и снаряжением. У меня документы соответствующие, чтобы вопросов не возникало. Заодно пионера научим рулить броневиком и пристреляем оружие. Вопросы есть?

— Есть, — поднял руку Нодия. — Где и во сколько встречаемся.

— Об этом сообщу чуть позже, — ответил Хмель после секундного раздумья. — У полковника есть телефон майора, и это будет телефон для связи. А ещё нужно время, чтобы согласовать распоряжение для первого секретаря Зареченска о выделении усиления инкассаторам.

— А ещё неплохо присмотреть за некоторыми местами в городе, — дополнил Ткачёв. — Например, за кафе «Ландыш».

— А не проще будет взять всех, кто причастен к этому кафе? — с горячностью выразил мнение Нодия.

— Плохо, лейтенант! — ответил Хмель.

— Что — плохо?..

— Плохо, что вам, как оперативному работнику, надо объяснять заблуждения. В кафе вы ничего не найдёте, и не предъявите ничего работникам. Кроме нарушения паспортного режима. Возможно, для них это будет сигналом к консервации. И где вы тогда будете искать Главваря? Поймите, иностранные агенты всегда работают на грани. Они засланы сюда с определённой целью. Чтобы поймать их, нужно спровоцировать на действие и предугадать направление этого действия. Так понятно?

— Так точно, — буркнул Нодия, надувшись.

— Тогда больше к этому не возвращаемся. Ещё вопросы?

Агент взглянул на каждого, и удовлетворённо сказал: — Вот и отлично. Расходимся и

ждём звонка с инструкциями.

Как только оперативники ушли, причём уходили через сарай на задний двор, полковник склонился над кастрюлькой, но ничего в ней не нашёл.

— Товарищи называются... Хоть бы кусок люляшки оставили...

И удивленно уставился на половину огурца, любезно протянутого Хмельём.

— У меня банка тушёнки есть в НЗ. Будешь?

К телефону, как и в первый раз, Хмель присоединил коробочку. Только теперь он сам позвонил и назвал длинный код. Подождал немного, потом услышав в трубке ответ, заговорил:

— Так точно, товарищ генерал, полковник Ткачёв ещё в Зареченске. По его предложению нами, совместно с местным отделом угрозыска, разработан план операции по выявлению и уничтожению банды грабителей, под которой скрываются агенты западных спецслужб. Мы считаем, что в результате операции группа агентов, направленная на подрывную и террористическую деятельность в СССР, будет уничтожена. Если получится, то отработаем её связи в Москве. У полковника Ткачёва есть предположения.

Он замолчал, слушая собеседника. Видимо, генерал Трефилов высказывал свои соображения.

— Нет, товарищ генерал. Считаю нецелесообразным брать главаря банды живьём. Да и вряд ли получится. Планируется два огневых контакта. Сколько сил будет привлечено со стороны противника, мы не знаем достоверно. В Зареченске сошлись интересы очень многих сторон. Если мы будем выяснять это до конца, то группа агентов сможет уйти. А куда — неизвестно. Последние события доказывают, что они торопятся. Выявить их контакты и прослушать — нет технической возможности.

Хмель опять замолчал и теперь только изредка кивал, будто соглашался с генералом.

— Я понимаю... да... прошу вашего разрешения использовать законсервированную базу спецназа ГРУ... да — это необходимо... хорошо...

Он повесил трубку и на вопросительный взгляд Ткачёва тихо ответил:

— Генерал попробует согласовать нашу операцию с начальством. Позже перезвонит...

Ткачёв вздохнул, понимая. Хмель улыбнулся.

— Не вздыхай, Андрей Викторович. Генерал мужик нормальный. Сейчас подумает немного над своим интересом и как грамотно преподнести Андропову эту операцию, доложит наверх... а потом, видно будет.

— А какой у Трефилова интерес? — полковник спросил больше автоматически, чем осознанно.

— Влияние, Андрей Викторович. Влияние на аппаратных работников. Между нами, «старикам» все хуже и тяжелее держаться в своих креслах. Там такой внутренний муравейник, что аж жутко становится. А Трефилов — человек новый, к тому же полностью человек Андропова. Зареченск-то на что планировали? А тут срыв планов Суслова, связь егс человека, то есть Козырева, с иностранным агентом, самоубийство Шмелёва, как человека Щёлокова. Чуешь, куда ветер дует?!

— Не очень, — признался Ткачёв, — но в общих чертах сообразил.

Он хотел добавить про свои размышления о связях Автондила, но смолчал. Подумал, что сейчас не время.

Из коробочки, подсоединённой к телефону, раздался писк, и зазвонил телефон. Хмель тут же поднял трубку:

— Слушаю, товарищ генерал... понял... да... завтра доложу о готовности... Нужно составить распоряжение Козыреву о выделении средств на переброску ОКБ в Москву. Полмиллиона нормально... да... Есть действовать только по команде!

Он положил трубку и озабоченно посмотрел на Ткачёва.

— Андрей Викторович, нам дали добро на подготовку операции. Козыреву будет отдано распоряжение об усилении конвоя инкассаторов. Так что, — он развел руками, — мы в деле. Козырев не подведёт?

— Не должен, — нахмурился Ткачёв. — Компромата на него достаточно.

— Тогда звони Поплутину и передай, что буду ждать капитана с его пионером на вокзале в восемь утра. А ты с майором по плану — заедешь сначала к инкассаторам, а потом на завод. В ОКБ работает такой длинный и очкастый парень. Передашь ему пароль...

— Привет от Хмеля?

— Да. Я не балую разнообразием формулировок, — засмеялся агент и отсоединил коробочку от телефона.

Потом полковник позвонил Поплутину и передал место и время встречи.

— Ну, вот, — вздохнул Андрей Викторович. — Теперь и поспать можно...

Утром, наскоро выпив чаю, Ткачёв заехал в управление. Поплутин уже сидел в кабинете и угрюмо рассматривал бумаги, но явно ощущалось, что это была только видимость работы.

— Как дела, Александр Владимирович?

— Нормально. Гладышев наорал на меня и улетел в горком, как ошпаренный.

— А что орал? — спокойно спросил полковник, открывая портфель.

— Не двигаемся мы не по одному расследованию. Одни «висяки». А ему, видишь ли, докладывать надо. А у меня нервы на пределе...

— Перестань, Александр Владимирович. Если всё получится, то выпросишь у него отпуск. С женой смотаешься куда-нибудь на юга.

Они непринужденно разговорились об отдыхе и не заметили, как в кабинет влетел вихрем начальник ГУВД.

— Майор! — с порога крикнул он не поздоровавшись с Ткачёвым, будто того и не было. — Что прохлаждаетесь?! Немедленно вызовите все патрульные машины и отберите самую исправную. Пусть в гараже её посмотрят, подтянут, помогут и всё, что полагается. Затем отберёте двух самых крепких патрульных и ко мне на инструктаж. Где Румянцев и Нодия?!

— На территории, — недовольно ответил Поплутин. — А что случилось?

Гладышев, наконец, соизволил заметить Ткачёва.

— Это с вашим приездом, полковник, у нас начались неприятности...

Ткачёв резко повернулся к начальнику ГУВД.

— Попрошу вас, товарищ полковник, не перекладывать с больной головы на здоровую. Неприятности у вас начались ещё до моего приезда.

Гладышев резко махнул рукой.

— Майор, вы ещё здесь?

И, хлопнув дверь, вышел из кабинета вместе с неторопливым Поплутиним.

«Что-то у них там стало жарко», — подумал Ткачёв. — «А с чего так полковник нервничает?»

Под этот шум Андрей Викторович собрался и поехал в отделение Госбанка.

Автобус медленно катился по заснеженным улицам и Ткачёв начал злиться на себя за то,

что не потребовал машину для своих поездок. Всё-таки он не хрен собачий, а полковник из Главного Управления МВД, но подъехав к нужной остановке, унял злость — сам виноват, что так себя поставил, да ещё и не позавтракал.

Мысль о еде заставила свернуть его к кафе «Ландыш». Пусть дорого, зато вкусно и сытно. Но Ткачёв на закрытой двери кафе увидел табличку «Закрыто по техническим причинам». Полковник хотел выругаться, потакая настойчивости желудка, но рассудок взял верх.

«Интересно», — подумал Ткачёв, — «а завтра с утра тоже будет закрыто?».

Потоптавшись у двери, он повернулся и быстро пошёл к отделению банка, но зачем-то на ходу оглянулся и увидел, что из кафе быстро вышла женщина и скрылась между домами. Фигура показалась ему знакомой, но он никак не мог вспомнить, да и далековато было.

Заведующая отделением Госбанка не обрадовалась его приходу. Анна Егоровна напряжённо суетилась, стараясь не показывать некую раздражённость.

— Что-то случилось? — спросил осторожно Ткачёв.

— Господи, у нас всегда что-то случается! — всплеснула руками Большова и, вздохнув, еле слышно прошептала: — На завтра запланирована инкассация. Сумма просто запредельная.

— Я понимаю, — так же тихо сказал полковник, — но не волнуйтесь.

— Ну, как не волноваться?! Грабителей-то так и не поймали!

— Пойдёмте со мной, — предложил Ткачёв, таинственно приподняв в улыбке уголки губ.

Заведующая послушалась и с удивлением проследовала за ним в отдел инкассации.

Механики с серьёзным видом колдовали над самодельным «броневиком», а рядом с ними стоял тот самый седой крепыш с фигурой античного бога. Оглянулся на стук железной двери. Увидел Ткачёва и заведующую.

— Анна Егоровна, готовимся, — сказал крепыш.

— Я вижу. Можно вас на минуту, Илья?

Ткачёв невольно восхитился таким подходящим к его фигуре именем. Инкассатор и впрямь выглядел, как былинный герой. Только без бороды.

Крепыш подошёл, пожал протянутую Ткачёвым ладонь.

— Я вот что хочу сказать, товарищи, — зашептал полковник. — Деньги в машину грузить не надо. Набейте инкассаторские сумки бумагой.

Большова и крепыш чуть вздрогнули.

— Это как?! — Анна Егоровна чуть не потеряла сознание от такого заявления.

— Вот так! — ответил Ткачёв. — Вся эта перевозка — фикция. Но об этом никто не должен знать! Понятно!

Большова испуганно кивнула, а Илья усмехнулся.

— На живца хочешь взять, полковник?

— Да. Ваше участие в этом не обязательно...

Полковник не успел договорить.

— Ну, уж нет! — выпучил глаза крепыш. — Мы зря машину делали?! Я поквитаюсь с ними за своих друзей! Напарника не возьму — один поеду.

— Первый секретарь распорядился придать конвою усиление. Начальники ГУВД и ГАИ обещали прислать, — доложила Большова, оправившись от легкого потрясения.

— Всё верно, — подтвердил полковник. — Усиление будет, — и посмотрел на Илью. —

У вас есть автоматическое оружие?

— Откуда? — развёл руками инкассатор.

— Тогда перед выездом остановите машину на секунду и приоткройте заднюю дверь.

Майор Поплутин даст вам автомат. После операции вернёте.

— А вот это дело! — обрадовался Илья.

И Ткачёв, повторив последовательность действий в банке, жалобно попросил:

— Анна Егоровна, не напоите чаем? С утра ни крошки во рту...

Хмель уверенно вёл старенькие «Жигули» по дороге от Зареченска. Сзади, убаюканные ездой, дремали Румянцев и Нодия. Агент проехал по шоссе километров тридцать и, увидев указатель «село Андреевка», свернул на просёлочную колею. Капитан с лейтенантом тут же проснулись, подлетев головами к крыше автомобиля. Крепко схватились за сиденье и ручки дверей.

Прогромыхав по ухабам, автомобиль выехал к полосатому закрытому шлагбауму, за которым в лесу спряталась небольшая деревенька с одноэтажными срубами. Около шлагбаума прохаживался дедок с двухстволкой в длинном тулупе и шапке с опущенными клапанами. Увидев остановившийся жигуль, дедок снял с плеча двухстволку и подошёл к машине.

— Заблудились, горемыки? — спросил дед, поправляя шапку.

— Нет, отец, — ответил Хмель. — Нам начальство нужно.

— Нету начальства, — резко сказал дед, взводя курки. — А ну, повертай свою таратайку отседова!

— Э, отец, подожди! — выкрикнул Хмель. — Начальнику должны были позвонить насчёт нашего приезда.

— Тогда пароль назови. Не тяни кота за причиндалы!

— Вам привет от Хмеля, — негромко назвал агент.

Дедок опустил ружьё, вернув курки в безопасное положение.

— Посиди покедова, — сказал он, и взмахнул шапкой.

Через пару минут к машине подошёл человек в черной форме, заглянул внутрь.

— Документы, — потребовал он.

Хмель вытащил удостоверение, развернул.

Человек в чёрном внимательно изучил документ, сверяя фотографию с оригиналом.

— Палыч! — крикнул деду. — Открывай! — и сказал в приоткрытое окно агенту. —

Подъезжайте к капониру номер два.

— Ездют тут всякие, — пробурчал дед, подходя к шлагбауму. Нажал скрытую кнопку, и тяжелая полосатая перекладина медленно поползла вверх. — Езжай, эти его мать...

— Суровый старик, — удивился Румянцев. — А где тут капониры?!

— Вы про эту деревеньку помалкивайте потом, — Хмель рулил по дороге, высматривая что-то на избах. — Вам вход сюда только со мной. И только на сегодня. Охрана тут жесткая, могут и пристрелить.

— Ага, — улыбнулся Нодия. — я в следующий раз пароль назову...

— Не вздумай шутить, лейтенант, — сурово осадил его Хмель. — А то потом твой трупешник никто не найдёт. А что ещё хуже — сделают из тебя куклу.

— Какую куклу?!

— Живую, епрст! Для отработки приёмов рукопашного боя...

Нодия тут же стих.

Хмель вырулил к большому сараю с красовавшейся табличкой «2». Нажал клаксон. Дверь сарая отворилась и показалась взъерошенная голова человека. Он махнул рукой.

— Пошли, — Хмель выключил двигатель. — Нам туда.

Человек с взъерошенной головой тепло обнял агента, когда троица зашла внутрь сарая. На самом деле это был не сарай, а замаскированный склад посередине которого стоял бронетранспортёр БТР-40. По углам склада высились различные стеллажи, а сзади бронемашины был оборудован оружейный отсек за толстой решёткой. Пахло машинным маслом и ещё чем-то еле уловимо кислым.

— А ты возмужал, Хмель, — улыбаясь, проговорил встретивший их человек. Казалось, что он еле шевелил нижней челюстью.

— Да, ладно тебе, Сидорыч. Я такой же.

Сидорыч взглянул на капитана и лейтенанта. Хмель заметил этот взгляд и поспешно сказал:

— Это со мной. Времени мало, Сидорыч. Показывай, что у тебя есть...

— А что тебе надо?

Хмель, под удивленные взгляды оперативников, деловито достал список и начал перечислять:

— Шесть автоматов, винтовка с оптикой, два пистолета, пять передатчиков с гарнитурой, броники с карманами, цинк с гранатами и... бронетранспортёр. Естественно, боеприпасы к оружию.

На слове «бронетранспортёр» Сидорыч широко открыл глаза:

— Хмельюшка, а ты что штурмовать собрался? Неужто на «Форт-Нокс» пойдёшь?!

— Нет, — засмеялся Хмель. — Просто — надо.

— Ладно, пойдём в арсенал... На стеллаже сумки возьмите. Но бронетранспортёр я тебе не дам...

После посещения инкассаторов полковник поехал на завод радиотехнических конструкций. Туда автобус его довёз гораздо веселее, или так показалось, поскольку Ткачёва накормили, и он отрешённо смотрел в окно ни о чём не думая. От остановки пришлось немного пройти до проходной завода, перед которой величественный бюст Ильича, установленный на постаменте, мудрым изваянием наблюдал за суетой Зареченска.

На проходной полковник дождал заместителя директора завода, которого вызвал сидящий на «вертушке» контролёр. Андрей Викторович пояснил цель своего визита и был сопровождён в двухэтажную пристройку, где и располагалось ОКБ разработчиков «секретной» антенны. Руководителем этой конструкторско-исследовательской группы оказался дерганый молодой человек, представившийся Вадимом Марковичем.

— Сколько можно нас проверять? — видимо, Вадим Маркович увидел в Ткачёве чиновника из министерства связи.

— Я не собирался ничего проверять, — удивился полковник. — На завтра запланированы учения по эвакуации сотрудников во время пожара, стихийного бедствия или какого-то непредвиденного случая. Попрошу предупредить всех работников ОКБ.

— Чёрт знает что! — взмахнул руками Вадим Маркович. — И когда уже в столицу переберёмся? Полгода мурыжат обещаниями... То дают секретность, то снимают... Бардак! Вот за границей бережно относятся к научным кадрам...

Он резко замолк, поняв, что сгоряча сболтнул лишнее. Ткачёв сделал вид, что этого не заметил.

— И что у вас тут такого научного? Подумаешь, детальки к транзисторам собираете...

Руководитель оценил реплику полковника, как оскорбление.

— Много вы понимаете, товарищ Ткачёв! Передача и приём сигналов имеют существенное значение!

Андрей Викторович наигранно отмахнулся, увлекая руководителя в его кабинет.

— Вот что, Вадим Маркович, я не буду заниматься научной демагогией. Лучше пригласите сюда всех инженеров-конструкторов. Я лично проведу с ними инструктаж.

Пока руководитель звонил, собирая сотрудников, Ткачёв из окна кабинета осмотрел двор перед ОКБ, грузовые ворота и забор, окружающий завод. Ему показалось, что бандиты вряд ли полезут через забор — тот был слишком высок. А вот через грузовые ворота вполне — стеклянная будка с одиноким сторожем преграды не представляла. Да ещё сторож не закрывал ворота до конца, оставляя для прохода щелочку, чтобы через его будку не шастали и не охлаждали каморку.

Наконец, в кабинете собрались конструкторы и стояли, внимательно изучая Ткачёва. Он заметил долговязого парня в очках, теребящего свой линялый свитер по синим рабочим халатом.

— Товарищи! — громогласно объявил полковник. — Завтра до обеда пройдут гражданские учения на вашем ОКБ. Просьба соблюдать спокойствие, даже если вы услышите странные звуки. Это в рамках учений.

— Сирену что ли?..

— Если даже и сирену. Попрошу ответственно к этому отнестись и выводить людей организованно. Где у вас бомбоубежище?

— Вход в бомбоубежище сразу слева на входе в наш корпус, — поспешил объяснить Вадим Маркович. — Ключи у меня.

— Отлично. Я дам сигнал руководителю ОКБ, а он известит вас. Прошу не отлучаться никуда с территории завода. Надеюсь, до обеда мы закончим...

— Завтра получка, — сказал долговязый. — Не хотелось бы потом стоять в очереди.

— Хорошо, товарищи. Я учту ваши пожелания. Вопросы есть?

— Нет, — забубнили инженеры и потянулись к выходу.

— Так, стоп! — Ткачёв сделал вид, что забыл о чём-то важном. — А у кого ключи от пожарного выхода на внешнюю лестницу?

— Вот они, — с готовностью протянул связку Вадим Маркович.

Ткачёв забрал связку и улыбнулся.

— Молодой человек, — окликнул он долговязого очкарика. — Вы не поможете мне, а то вы самый высокий?

— А в чём?

— Сопроводите меня на крышу, я хочу осмотреть там систему оповещения. А потом отдам вам ключи, чтобы не беспокоить ваше руководство.

— Хорошо, — кивнул инженер, — только пальто накину. Ждите меня у выхода на лестницу.

Вдвоём они вышли на крышу через пожарную лестницу.

— Вам привет от Хмеля, — произнёс Андрей Викторович, чувствуя себя идиотом. В своей стране, на крыше какого-то завода называть пароль для связи! Бред какой-то!

— Я так и понял, что вы от него, — сказал инженер. — К чему эти учения?

— Завтра, возможно, здесь произойдёт операция по поимке очень опасного преступника. Нам нужно, чтобы вы увели людей в бомбоубежище как можно организованнее и быстрее.

Инженер подставил лицо холодному ветру.

— Знаете, как это всё надоело? Мы старались... работали ночами... А никто даже не понимает, что мы сделали!

— А что вы сделали? Если это никто не понимает!

— Лет через сорок поймут... когда поздно будет.

Ткачёву надоела недоговорённость.

— Так расскажите коротко. Может быть я сумею как-то вам помочь.

— Да мы уже всё объясняли! И длинно, и коротко. Нам случайно попали материалы об исследованиях двадцатилетней давности. В Москве, в начале прошлого года проходила научная конференция, и один специалист из Швеции подарил нам журнал по нашей тематике. В нём была статья об исследованиях... ну, вы не поймёте, и были приведены формулы. Мы нашли в них маленькую ошибку. А когда посчитали по новой, то родилась конструктивная идея. Мы её отослали в Москву с выкладками. Но в Москве нам не поверили, сказав, что такого не может быть. А мы собрали конструкцию, и даже провели испытания. Но нам опять не поверили! Тогда мы опубликовали свои выкладки и расширили гипотезу в применении. Нам помог один товарищ в продвижении статьи в журнале «Наука и жизнь». Вот после этого и раздался телефонный звонок...

— Что за звонок?

— Междугородний. Какая-то женщина просила нас продать наши разработки и материалы за очень хорошую сумму. Мы подумали и отказались поначалу. Но когда нас в

Москве послали в очередной раз, то задумались. Если эти разработки не нужны нашей стране, то можно и продать.

— Но ваши разработки не принадлежат вам. Они принадлежат стране!

— Но стране-то они не нужны!..

Ткачёву нечего было сказать. Он с таким уже сталкивался не раз, когда старые «грибы» — академики, дрожащие за свои персональные пенсии, высокие зарплаты и всевозможные льготы, цепляются за свои места, как крабы, не желая их уступить более молодым и похорошему амбициозным учёным. Да что там говорить, если в управлении МВД сидят генералы шаркающие ногами по коридорам здания на Петровке.

— Знаете, в войну был такой случай, — улыбнулся инженер. — В Сталинграде первому секретарю горкома какой-то умелец принёс необычный аппарат. Вот, говорит, мой вклад в борьбу с фашистами — электрический пулемёт. Аппарат повертели, а ни дула, ни патронов нет. Только коробка с маленькой антенной и провод с вилкой. Умельца спрашивают — а как стрелять из этой штуки. Тот гордо воткнул вилку в розетку. Сначала ничего не случилось, а потом со стен штукатурка полетела, и стекла из окон посыпались. Первый секретарь, кажется, Чуянов была его фамилия, отправил умельца в Москву с этим пулемётом. Но ни умелец, ни пулемёт до столицы не доехали. А ведь идея была очень прогрессивная. Но, ладно, тогда война была страшная, не до прогрессивности было. А сейчас то, что мешает?! Американцы, вон, эти разработки с шестидесятых годов ведут. А это даёт большое преимущество — кто первый, тот и будет «на коне». В роли догоняющих очень сложно выдумывать что-то принципиально новое...

— Я понимаю вас, — сказал Ткачёв. — Но постарайтесь принять данность осознанно, а не с обидой. Насколько мне известно — ваше ОКБ все же переводят в Москву. Кстати, а вы бы сумели узнать голос женщины, просившей продать ей разработки ОКБ?

Инженер задумался, потом с готовностью кивнул.

Полковник облегченно выдохнул.

— Хорошо. Так мы договорились насчёт завтра? Вы поможете сотрудникам быстро уйти в бомбоубежище?

— Конечно. Не беспокойтесь.

Ткачёв отцепил ключ от связки и, попрощавшись с инженером, когда они спустились с крыши, направился к выходу.

«В банде есть ещё женщина», — размышлял полковник, сидя в автобусе. — «Кто это может быть?»

Старая и некрасивая была похожа на Серафиму — сестру Топтыги. Только зачем она послала мальчишку на поиск пистолета? Удостовериться, что его там нет? А вот это очень возможно. Преступник не мог знать, где потерял оружие и подозревал, что обронил у лестницы. Значит, он настолько был занят мыслями об уходе с места преступления, что не сразу обнаружил пропажу пистолета. Высокий, в лохматой шапке...

Надо навестить «малину» местных уголовников и поговорить с ними. Хорошо бы ещё мальчишку на опознание вытащить.

Но одному шагать в дом к Серафиме было боязно.

«Надо Хмеля попросить составить компанию», — решил полковник.

По дороге к дому Андрей Викторович зашёл в булочную и гастроном. Купил хлеба, сосиски, чая и полкило сахара. Подумал, и добавил двести грамм конфет.

Войдя в дом, Ткачёв не удивился, увидев Хмеля, Румянцева и Нодия. Агент по

обыкновенно дремал в кресле, закинув ноги на подоконник, а опера раскладывали привезённые с собой «игрушки» — автоматы, пистолеты, бронежилеты и рации.

— Андрей Викторович! — тараща глаза, восхищенно прошептал лейтенант. — Тут такое!

— Привет, полковник, — сонно пробормотал Хмель. — Извини, броневик не дали — революция отменяется...

— Это почему?! — не понял Нодия, но смеющийся Румянцев хлопнул его по плечу.

Ткачёв окинул взглядом арсенал, изумлённо двинув бровями.

— Вместо броневика дали два гранатомёта, — капитан показал пальцем на две короткие трубы с ремнями для ношения. — А мне понравились. Жаль, у нас таких не было...

— Всё, конечно, здорово, но где Александр Владимирович? — поинтересовался полковник у капитана. — Вы звонили ему?

— Ещё нет, — ответил Румянцев. — Вас ждали.

Ткачёв выложил на стол покупки и попросил лейтенанта поставить варить сосиски и вскипятить воду для чая, а сам позвонил майору. В управлении трубку взял дежурный и сказал, что майор вечером не появлялся. Полковник позвонил ему домой, но там никто не брал трубку.

— Так, Сергей Сергеевич, берите Георгия и найдите майора, — приказал Ткачёв, обеспокоившись. — Он должен был встретиться со своим знакомым в ГАИ...

Андрей Викторович тут же подумал, что Поплутин мог попасть в какую-нибудь неприятность:

— Возьмите оружие... на всякий случай.

— Броники напяльте, — поддержал его Хмель. — Не дай вам бог попасть в перестрелку.

Румянцев и Нодия стали набивать патронами автоматные магазины, озабоченно посматривая на полковника. Снарядили, надели бронежилеты и прицепили оружие под куртки.

— Рации тоже возьмите, — посоветовал Хмель. — Я показывал вам, как с ними обращаться. Будем все время на связи. Первый канал будет общим...

— Ага, и мы по городу, как пришельцы, — усмехнулся Румянцев, — обвешенные оружием и при наушниках с микрофоном...

— Машину мою возьмите, — буркнул агент, кинув капитану ключи. — Выходите через сарай...

Нодия с сожалением посмотрел на кухню, наполняющуюся запахом вареных сосисок. Но Румянцев мягко подтолкнул его к выходу.

Когда опера вышли, Хмель встал с кресла, подмигнул Ткачёву:

— Нам больше достанется...

Вдвоём они наскоро перекусили, и агент стал обучать полковника.

— Смотри, Андрей Викторович, вот это автомат Калашникова модернизированный облегченный. Глушитель накручивается вот так. Три магазина сам набьёшь. Броник тоже подбери с рацией. Гранатами умеешь пользоваться?

— Доводилось. Разберусь.

— Тогда пару запихнешь в карманы на жилете. А вот тебе пестик... ПБ называется.

— Твою мать! Я теперь как диверсант — с гранатами, глушителями...

Хмель улыбнулся.

— А ты как хотел...

Пока Ткачёв разбирался с оружием, агент настраивал рации.

— Слушай, — Ткачёв посмотрел на Хмеля, набивая магазины, — мне тут надо на одну «малину» сходить. Прикроешь?

— Не вопрос. Только надо амуницию куда-нибудь спрятать, а то, не дай бог, зайдёт твоя соседка, а тут...

— Да, ты прав. И свяжись с Румянцевым, что там у них...

Полковник неторопливо перетаскал «арсенал» в сарай и спрятал между поленицами.

— Майора пока не нашли, — сообщил Хмель, пристегивая автомат. — Я сказал, что когда найдут, то пусть приезжают сюда, но в дом без нас не входят.

Полковник помнил дом Серафимы, и они с агентом прошли к нему переулками, прячась от неожиданных прохожих.

— А это что?! — Ткачёв показал на «Волгу», стоящую на заднем дворе дома сестры «авторитета». — Не припомню, чтобы у Топтыги была такая машина.

— Может быть, он её купил, пока ты бандитов ищешь, — выдвинул версию Хмель, разглядывая двор сквозь щель в заборе. — Как заходить будем?

— Зайду я один, — подумав, ответил полковник. — А ты у окошка посиди. Видишь, форточка открыта — там накурено так, что хоть топор вешай.

— Добро. Ты на вход, я к окну, — согласился агент.

Полковник подбежал к углу забора, выпрямился и спокойно, как на прогулке, подошёл к калитке. Она была не заперта. Ткачёв взошёл на крыльцо дома, стукнул в дверь несколько раз. Через минуту она открылась и на крыльцо вышла Серафима, закутанная в шерстяной платок.

— Что надо, мент? — она пыхнула папиросой.

— С Топтыгой поговорить.

— Занят брательник. С другим человеком разговаривает. Приходи позже...

Серафима хотела закрыть дверь, но Ткачёв поставил ногу на порог.

— Это машина на дворе не того человека?

— Глазастый, — прошипела воровка. — Погодь здесь...

Но полковник не стал ждать, а нагло зашёл в дом вслед за Серафимой. И остановился, не входя в комнату. Прислонился к дверному косяку, чтобы его не было видно.

— Топтыга, — сказала воровка, — тут мент пришел. Тот опер из Москвы.

Послышалось громкое шуршание.

— Мишин! — незнакомый голос брызгал злостью. — Мы же договаривались!

Ткачёв быстро зашёл в комнату и увидел незнакомого человека в костюме, галстук и начищенных до блеска ботинках.

— Кто вы?! — грозно спросил полковник, нащупывая под курткой ПБ.

— А вы кто, чтобы задавать мне вопросы? — скривил губы незнакомец.

Но Топтыга вдруг встал на сторону Ткачёва.

— Ты это, гражданин второй секретарь, с ментом не спорь. Мне в доме не нужны неприятности.

— Второй секретарь?! — удивился Андрей Викторович. — И что вы тут делаете?

— Ладно, Мишин... Разговора не получилось, — поднялся секретарь горкома. — Пойду я...

— Идите, товарищ второй секретарь, — усмехнувшись, напутствовал Андрей

Викторович.

Когда партийный чиновник вышел из комнаты во двор, то Ткачёв подумал, что Хмель вытрясет из него всё, о чём даже тот не подозревает.

— Ну, Топтыга, рассказывай, и о чём ты тут разговаривал, — полковник присел за стол. Пистолет немного мешал, но Ткачёв счёл не лишним держать его наготове.

— Дурак он, — «авторитет» прикурил папиросу и выпустил клуб дыма. — Он думает, что я такой лихой «джентльмен удачи», а я — просто вор. Это большая разница.

— И что он тебе предлагал? — поинтересовался полковник, оглядываясь на затаившуюся Серафиму.

— Знаешь, я не скажу тебе... А там думай, чего хочешь.

Андрей Викторович подумал, что не стоит терять время на пустую болтовню.

— Тогда скажи мне, Топтыга, как Антон Цыганков оказался в Зареченске.

— Мне позвонили и сказали принять Цыгана, — уклончиво и не называя имен, ответил «авторитет». — Как в твоём случае.

Теперь полковник сложил почти все части сложной конструкции под названием «зима в Зареченске», и решил прояснить один маленький штрих.

— Тут мальчика задержали, а у него в куртке пистолет. Не знаешь — чей?

— Врешь, мент! — не сдержалась Серафима. — Не нашёл пацан пистолет!

Она тут же сообразила, что совершила большую ошибку. Но, судя по реакции Топтыги, последний был не в курсе того, что сделала его сестра.

— Серафима, — проревел «авторитет», — чего я не знаю?!

Воровка молчала, со злостью поглядывая на полковника.

— Тихо, — махнул рукой Ткачёв. — Вы потом сами разберётесь в своих семейных делах. Мне нужно: первое — сейчас Серафима скажет, с кем она связалась; второе — завтра вы все сидите на попе ровно целый день. И своим корешам это передадите. Кто высунет нос на улицу, того буду считать врагом. Уяснили?

Дождавшись подтверждающего кивка Топтыги, полковник выжидающе посмотрел на его сестру. Та, под злобным взглядом брата пробурчала:

— Он взял меня на базаре — на кошельке. Сказал, что посадит...

— Да кто — он?! — рыкнул Топтыга. — Говори!

— Гладышев...

Андрей Викторович встал, кивнул Топтыге в знак благодарности.

— Я через задний двор выйду, — и оставил брата и сестру выяснять отношения.

«Волга» все ещё стояла у дома. Полковник подошёл и открыл дверь водителя. Второй секретарь сидел, прижав к носу ком снега, а сзади него Хмель самодовольно улыбался.

— Полковник, я не думал, что в этом городе столько желающих получить полмиллиона. Что будем делать с этим? — он кивнул на второго секретаря горкома.

— Грише надо позвонить — пусть он разбирается.

— Я не хочу к Григорию Михайловичу, — гнусаво пробормотал партчиновник. — Он страшный человек!

— Может его прямо здесь пристрелить?

Вопрос агента привел второго секретаря в ужас, и Ткачёв понял, что тот не может быть Главарём. А приехал предложить уголовникам напасть на инкассаторов за долю в этом деле. Видимо почувствовал, что Козыреву «светит» понижение и ссылка в места не столь отдалённые. А место первого секретаря горкома останется вакантным. Оставалось только

занести некую сумму первому секретарю областной организации, и вопрос с назначением на вакантную должность был бы улажен. Ткачёв не был далёк в своих предположениях, с единственной разницей, что второй секретарь приехал к Топтыге выменять компромат на него, взамен информации об инкассаторах. Но Топтыга не был круглым идиотом и отказался. Идиотом стал второй секретарь, посчитавший, что «авторитет» с лёгкостью согласится на такие условия. Да ещё некстати объявился Ткачёв.

— Надеюсь, товарищ второй секретарь горкома, что теперь мы будем сотрудничать? — полковник незаметно подмигнул Хмелю.

— Да, да, да, — поспешил согласиться чиновник.

— Тогда поехали. А по дороге вы нам всё расскажете о Гладышеве...

Отпустив словоохотливого партийного чиновника, Ткачёв и Хмель вернулись к дому на Советской улице. Румянцев и Нодия нашли майора Поплутина на автобусной остановке пьяным в стельку, о чём и поспешили сообщить. Им было приказано срочно привезти майора в дом к Андрею Викторовичу.

— Хмель, а ты стал часто светить своим лицом, — сказал полковник. — Мне генерал говорил, что тебя знают немногие.

— Такая сложилась обстановка. Вот закончу здесь, и направят в другой район. А там меня точно никто не знает.

— Что, и всю жизнь так?

— Кому-то же надо делать такую работу, — пожал плечами Хмель. — Да и не могу я с твоими операми всё время в маске ходить. Это подозрительно.

— А перед вторым секретарём?

— Так он меня не видел. Даже в зеркало заднего вида. А если и увидел, то не запомнил, — ответил Хмель убеждённо.

— Но ты же не собираешься всю жизнь ходить, будто призрак?

— Да нет, конечно, — агент недовольно сморщился. — Я, Андрей Викторыч, мечтаю, что когда-нибудь у меня будет семья. Будущую жену встречу обязательно в какой-нибудь деревне. Такую красивую, с большими... глазами и домашнюю.

— Не скучно тебе будет? — усмехнулся полковник.

— А почему скучно? Вот тебе не скучно со своей женой?

— Честно? Очень...

Хмель остановился, показалось, что даже оторопел от слов полковника.

— Это как? — не поверил он. — Может быть, ты её не любил?

— Да, не любил. Мы и поженились-то... по надобности. А чего ты про любовь заговорил?

— Не знаю. Мне кажется, что это важно. Жить без любви, что аквариум с рыбками кормить. Но только без рыбок.

Теперь удивился до оторопей Ткачёв.

— Ничего себе у тебя аллегории!

Хмель улыбнулся, в темноте улицы глаза его мягко сверкнули.

— Да ладно тебе. Пошли быстрее, а то опера замерзнут.

— Про Гладышева будем им говорить?

— Зачем? — агент ускорил шаг. — Утром он будет указания им раздавать. Не нужно чтобы они смотрели на него, как на врага народа. Да и вряд-ли полковник искомый нами главарь. Скорее всего, он ведёт какую-то свою игру, но запутался, как в лабиринте. Похоже, что в этом городе практически у всех какая-то своя искаженная реальность.

— Да, я тоже это заметил, — согласился Ткачёв.

За разговорами они подошли к дому.

Опера ждали их в машине Хмеля и успели немного замерзнуть при выключенном двигателе. Только Поплутин чувствовал себя отлично, похрапывая на заднем сидении.

— Вот что с ним теперь делать? — стукнул по крыше Жигулей Румянцев. — Утром у него будет башка болеть.

— Значит, будем без него, — спокойно отпарировал полковник. — Пусть спит. Авось на холоде очухается быстрее. А мы в дом...

Пройдя в дом, затопили печку и сняли амуницию.

— А тяжелый бронезилет, — Нодия с облегчением потер плечи.

— Мало физкультурой занимался, лейтенант, — Румянцев уже суетился на кухне. — Ничего себе! А откуда еда?!

Ткачёв тут же заглянул в сарай посмотреть на схрон в поленнице. Нет, поленья никто не двигал. Значит, приходила Мария и принесла еду.

— Разогревай, — сказал Ткачёв капитану. — Поужинаем хотя бы...

Они почти все съели, как в комнату, пошатываясь, зашёл Поплутин.

— Ух! Вот развезло! И выпил-то всего три рюмки...

— Где ж, ты, так нализался, Устин Акимыч. Вот загремим под фанфары! — засмеялся беззлобно Хмель, подвигая майору тарелку с едой. — Я же говорил, что пойдем вместе к твоему знакомому из ГАИ. Зачем в одиночку попёрся? Не разболтал ему ничего?

— Нет, — твердо сказал Поплутин, жуя картошку. — Я больше слушал его болтовню. А в ней много интересного.

— Я так понимаю, что тропинку отхода твой знакомый не перегородит? — нахмурился полковник.

— Нет. Я не просил его об этом.

Ткачёв почувствовал, что план немного меняется. Броневика нет, машины для заграждения отхода тоже нет, и майор завтра вряд ли сможет принять участие в операции. Хорошо успел с уголовниками переговорить. Топтыга, вроде, оказался человеком разумным.

— Итак, что у нас по плану, — Андрей Викторович поднялся, выгнув спину. — Сергей и Георгий с утра идут на развод. У меня в сарае за поленницей лежит снаряжение для инкассатора. Возьмете сумку и положите в неё, потом сумку быстро передадите в инкассаторскую машину. На разводе Гладышев даст вам Уазик и водителя. Едете к отделению Госбанка и ждёте у ворот выезда инкассаторской машины.

— Начальник ГАИ тоже получил распоряжение выделить машину для сопровождения, — добавил почти протрезвевший Поплутин. — Мало того, экипажи ГАИ будут стоять на всём протяжении маршрута следования инкассаторов.

— А маршрут уже известен?! — удивился Ткачёв.

Майор усмехнулся.

— Конечно. Гладышев его разрабатывал. Он будет отслеживать по радиии конвой, и докладывать Козыреву. Э... а мы вроде говорили, что я с Жорой иду к банку, а Сергей пойдет к ОКБ.

— А ты отойдешь от похмела к утру, Саша? — поинтересовался Румянцев.

— Да вы что, товарищи?! — возмутился Поплутин. — Я с утра буду, как стеклышко!

— То есть — остекленевши? — хохмил Румянцев под улыбки оперов.

— Да иди ты, Серёга!

Ткачёв усмехаясь, решил остановить словоблудие.

— Так, товарищи, давайте серьёзно. Александр Владимирович, выкладываете — что вы узнали от сотрудника ГАИ...

— Значит так, — деловито начал Поплутин. — Начальник ГАИ приказал выделить на конвой одну машину, но инспекторов будет двое. Знакомый сказал, что самые нерадивые, по мнению их начальника. Особо никто не верит в серьёзность намерений бандитов. Мол, всё

это фигня и на инкассаторов нападать никто не будет. Но на всякий случай будут наготове ещё пять экипажей, расставленных на самых оживленных перекрестках. Маршрут передвижения конвоя согласован с Гладышевым. Доставайте карту...

Ткачёв достал из своего портфеля карту, развернул на столе.

— Экипаж ГАИ должен прибыть к отделению Госбанка ровно в десять утра, так же и наша патрульная машина — из ГУВД. Первой идёт машина ГАИ, потом инкассаторская, и замыкает патрульная, — майор не глядя взял с тарелки тонкую обглоданную косточку от курицы и ткнул ей в карту. Чем вызвал смех оперативников. Даже серьёзный Хмель непроизвольно улыбнулся. Майор, возбужденный своим красноречием не обратил внимания на смех.

— От отделения Госбанка конвой проследует, — косточка прошла по карте, оставляя жирный след. — Вы что мне подсунули?!

Поплутин возмущенно разглядывал кость, часто моргая.

— Саша всё! — давясь от смеха, Ткачёв отобрал «указку». — Быстро расскажи нам маршрут и отправляйся спать. Завтра очень тяжелый день.

— Хорошо, — майор отправил косточку в печь и вернулся к столу. — Теперь смотрите... Маршрут выбран, будто нарочно, по безлюдным местам. Даже на прямой к заводу радиотехнических конструкций он идет вплотную к границе города. А вот здесь — около пяти километров сплошного леса, и никуда не сдвинуться. Идеальное место для нападения.

— Майор прав, — Хмель склонился над картой. — На этом участке очень удобное место, даже если нападавших будет немного. Машина ГАИ выбивается первой и тормозит весь конвой. Далее огонь переносится на замыкающую машину, а инкассаторов напоследок. И отход сразу в лес. Если встать на лыжи, то можно за пятнадцать минут преодолеть километра три до любой точки вот на этой трассе. Запрыгнуть в машину и ...

— На прямой перед заводом тоже удобное место, — показал пальцем на карту Румянцев. — Тут участок дороги сужается. В этом «горлышке» тоже можно напасть.

— Чёрт! И ты тоже прав, — буркнул Хмель. — Что делать будем?

Ткачёв высказался первым:

— Надо Сережу отрядить в помощь конвою.

Хмель задумался, но ещё кого-то привлечь к операции не было возможности. Люди просто не успеют за половину суток доехать до Зареченска и включиться в действие.

— Да, так и сделаем. Капитан пойдёт в помощь конвою. Там ещё и инкассатор в деле, насколько мне известно. Так что, вчетвером отобьётесь. А я с полковником на завод. В ОКБ можно и вдвоём продержаться — нападавшие будут, как на ладони. А мы в укрытии.

Милиционеры и агент КГБ молча всматривались в карту, словно могли увидеть в ней кого-то, кто присоединится к ним. И каждый думал о своём: Поплутин — что скажет жене, если не придёт домой ночевать; Румянцев — не взять ли больше магазинов к автомату; Нодия — жутко боялся, но не подавал виду; Ткачёв — решил, что надо запастись гранатами; Хмель... что после этой кутерьмы подаст в отставку и уедет в какую-нибудь деревню.

— Ещё раз повторю, — нарушил молчание агент. — Геройствовать не надо — валим бандитов насмерть. Разбираться будем потом. Без причины не высовываться из укрытия. Майору, капитану и лейтенанту при первых выстрелах машину покинуть, залечь и тут же постараться выявить огневые точки. Огонь вести экономно и всё время менять позицию. Выстрелил — откатился, снова выстрелил. С той стороны обученные профи, они щадить вас

не будут. В бою соблюдайте взаимодействие. Майор и лейтенант накрывают огневые точки, капитан старается подобраться и уничтожить. Не давайте им передвигаться. Если что, капитан, накрывай их гранатами — не жалей. Будет совсем худо — используй «муху». Поняли!

— Да, — сказал за всех Румянцев.

— Мы с полковником на заводе. Андрей Викторович занимает позицию на крыше, я внутри цеха у грузовых ворот. Если бандиты полезут через ворота, а только там они смогут зайти на территорию, то ты, полковник, кидай гранаты перед пожарной лестницей. Так отрежешь им дорогу и откинешь обратно под мой огонь. Понятно.

— Да, — кивнул Ткачёв. — Пленных не берём.

— Верно... Теперь каждому — один звонок. И всем спать.

Саша Поплутин со вздохом набрал домашний номер. Чтобы никто не слышал, прикрыл микрофон трубки ладонью и долго объяснял жене, почему он не придёт ночью домой. Несколько раз отчетливо донеслось — прости. И так же, со вздохом, разговор прекратил. Больше к телефону никто не стремился.

— Андрей Викторович? — вопросительно взглянул Хмель.

Полковник только махнул — отстань. Агент ничего не сказал, подсоединив к телефону коробку шифратора, потом набрал номер и назвал код.

— Товарищ генерал, подготовка к операции выполнена. Судя по добытой информации, группа агентов иностранной спецслужбы заинтересована в нападении на конвой и, возможно, готовит теракт на ОКБ. Ждем вашей команды... Есть, подождать...

Хмель задрал подбородок и глубоко вдохнул, не кладя трубку. Очевидно, генерал Трефилов созванивался с вышестоящим руководством.

Напряженно текло время. Поплутин забрался на печку, Нодия лежал на лавке в сарае, устремив взгляд в потолок, и только Румянцев деловито набивал патронами автоматные магазины. Хмель и Ткачёв ждали ответа генерала.

— Слушаю, товарищ генерал. Есть позвонить утром в восемь по Москве...

Хмель положил трубку на аппарат и посмотрел на Ткачёва.

— Начальство примет решение утром, но отбоя для операции не было. Так что — ждём.

Из сарая глухо проговорил Нодия, от волнения перейдя на грузинский акцент.

— Раэс! (Чёрт побери (груз.) — прим. автора) Мы готовимся почти как на войну! Это нормально?!

— Жора! — прокричал с печки майор. — Прошу не выражаться! Мешаешь спать...

— Ээ, Александр Владимирович, какой спать! Разве можно уснуть?!

— Тогда выйди во двор, — сказал Румянцев. — И закопай себя в снег. Георгий, не истери...

— Вам хорошо, Сергей Сергеевич, у вас опыт есть...

— Жора, тебя на аркане никто не тянет. Мы здесь добровольно...

Нодия встал с лавки, бормоча по-грузински.

— Я тоже добровольно, но хочется знать — почему мы на своей земле готовимся к войне с иностранным спецназом? Это нормально? Зачем они сюда пришли, чтобы делать зло? Их никто не звал!

— Капиталисты всегда хотят крови, — ответил Румянцев. — Они, как вампиры — ненасытные. До крови, и до денег. Мне довелось поговорить с одним «котиком» в Бангладеш. Он говорил, что пошёл в армию из-за денег — жрать-то надо, семью кормить. А

так ничего был парень — улыбался...

— Почему — был? — спросил Нодия.

Капитан ничего не ответил, только продолжал набивать магазины — медленно, патрон к патрону.

— Молод ты ещё, Георгий, — наконец, сказал Румянцев. — Не понимаешь, что не все люди такие, как ты.

— Вы не понимаете, с кем будете иметь дело, — вмешался в разговор Хмель. — Если нам завтра доведётся стрелять, то стрелять мы будем в русских... Это не «морские котики», не военный спецназ, это — подготовленные диверсанты из русских эмигрантов. Их вербуют по всему миру. Они не только за деньги дерутся, но и за идею.

— Какую? — не понял Нодия.

— У каждого своя, — махнул рукой Хмель. — В общем, злые они... И на тебя, Жора, тоже.

— А на меня за что?!

— За то, что ты живешь на этой земле. А они считают её своей.

Нодия примолк, и попытался понять. Не получилось. И молчаливо ушёл в сарай на лавку — спать.

Утро выдалось на удивление солнечным и ярким. Снег искрился и с замёрзшей рябины юркие синички кокетливо посматривали на Ткачёва, вышедшего за сарай в майке и трусах. Полковник поежился от морозца и, набрав большую горсть снега, стал истово протирать лицо, шею и плечи. Закутанный в тулуп Нодия, взирал на умывание полковника с изумлением.

Проснувшись, никто не проронил ни слова. Молча умылись, молча наскоро позавтракали и сгрудились возле телефона. Хмель набрал номер ровно в восемь. Едва слышно проговорил в трубку код.

— Здравия желаю, товарищ генерал... Да, мы готовы...

Трефилов что-то говорил Хмелю, и агент без слов только кивал. Потом выпрямился и, гордо вскинув подбородок, сказал:

— Слушаюсь, товарищ генерал. По окончании операции доложу лично.

Милиционеры напряглись, когда он положил трубку на аппарат и отсоединил коробку шифратора.

— Товарищи, — тихо проговорил Хмель. — Готовимся. Выезд через час...

И с легким вздохом лейтенанта началась подготовка. Опера подгоняли амуницию, проверяли оружие и рассовывали по карманам магазины. Хмель подходил к каждому и тщательно проверял.

— Присядем, — сказал Ткачёв, напомнив русский обычай немного посидеть перед трудной и дальней дорогой.

Оперативники и Хмель послушно расселись. Через минуту агент поднялся.

— Я завожу машину. Через десять минут, — он посмотрел на наручные часы, — выходим.

Ткачёв тоже встал и обратился к операм.

— Саша, Сережа, Жора... Чтобы не случилось, не теряйте разум... Друг друга страхуйте и прикрывайте... Не суетитесь и не поддавайтесь на провокации... Враг умен и хитёр... И всё время будьте на связи — рации у нас хорошие.

— Не волнуйтесь, Андрей Викторович, мы всё понимаем, — сказал Поплутин.

поправляя бронезиленит.

— Тогда... удачи нам.

Опера друг за другом вышли из дома и сели в машину, прихватив сумку для инкассатора Ильи. Последним сел Ткачёв, закрыв ворота заднего двора.

— Сейчас едем к управлению ГУВД, но близко подъезжать не буду, — Хмель крутил руль, поглядывая в зеркала. — Группа майора десантируется и забирает сумку из багажника. Общая связь по первому каналу. Мой канал второй, третий канал у полковника, а далее — по старшинству. Рация инкассатора настроена на шестой канал. Думаю, он разберётся — не маленький.

Жигули мягко катили по улицам, на заднем сидении, с двух сторон прижатый внушительными телами, сопел Нодия. Выбрав удобное место для парковки, Хмель остановил машину и безмолвно кивнул операм Зареченска, протянув ладонь к заднему сидению. Милиционеры поняли этот жест и каждый, выходя из машины, шлепнул по ней — кто кулаком, кто тоже ладонью. В этом был некий сакральный смысл действия — доверие и полная готовность.

— Давай заглянем кое-куда, — Ткачёв взглянул на Хмеля, когда опера гуськом потянулись к ГУВД по заснеженной тропинке.

— Я так понимаю, что к «Ландышу»? — агент лихо вырулил на дорогу.

— Ты правильно понял... Надо взглянуть на это "логово".

До кафе доехали быстро — на улицах почти не было транспорта. Припарковались. Ткачёв хотел вылезти из машины, но Хмель остановил его и протянул небольшой бинокль. Полковник взял, подумав, что будет лучше рассмотреть кафе издали, чем крутиться у дверей.

Здание кафе выглядело безжизненным, на двери висела табличка «закрето». Ткачёв не знал, радоваться ему или огорчиться. Табличка, возможно, доказывала, что бандиты готовятся к нападению и расчёты полковника верны, а с другой стороны — это и пугало.

Он вернул бинокль Хмелю:

— Поехали на завод.

Агент не спеша вырулил на дорогу и быстро набрал скорость. Теперь машина неслась по тихим улицам Зареченска к выезду из города. Ткачёв не понял такой манёвр.

— Проедем к заводу «огородами», — пояснил Хмель. — Вдруг они поставили кого-то наблюдать за входом. На завод пройдем через грузовые ворота. Со сторожем я договорюсь.

Ткачёв согласился с доводами агента. Сейчас можно одним неосторожным шагом испортить выполнение операции. Он нажал кнопку передатчика:

— Четвёртый, я — третий... как у вас дела?

Рация зашуршала, и послышался голос Поплутина.

— Не мешайте, третий. У нас развод. Гладышев инструктирует, правда, очень нервничает...

— Принял, четвёртый...

Хмель усмехнулся.

— Полковник, ты прямо «коммандос». Не засоряй эфир. Рано ещё...

Какое-то время ехали молча, потом агент озаботился:

— Не нравится мне этот Гладышев. Какой-то он скользкий...

Ткачёв отключил рацию.

— Я тоже подозреваю, что неким боком он во всем этом деле. Рвения к расследованию никогда не проявлял. Я даже и видел то его всего пару раз. Но на Главаря он тоже не тянет. Тот, наверняка, ненавязчиво контролировал бы...

— Очень плохо, Андрей Викторович, что мы не вычислили Главаря. Если уйдёт, то мы и не найдём его никогда.

— Найдём, — убеждённо сказал полковник. — Без связи он просто никто. А связи у него есть, значит найдём.

— У тебя есть соображения? — насторожился Хмель.

— Есть. Вот закончим... тогда расскажу. Непросто всё это. Много людей увязло в Зареченске. А выход из лабиринта только один.

— Тебе виднее, — Хмель сбавил скорость заезжая на неприметную лесную дорогу, ведущую к заводу радиотехнических конструкций. Машина поехала медленно, подпрыгивая на ухабах.

Агент остановил Жигули, не доезжая до грузовых ворот с полкилометра, немного проехав в лес. Они вышли из машины и Хмель, прежде чем пойти к воротам, внимательно осмотрел в бинокль стоянку перед ними и дорогу, идущую из города.

— Тихо всё, — он махнул Ткачёву, и они пошли к воротам.

— И как ты будешь договариваться со сторожем? — ехидно поинтересовался

ПОЛКОВНИК.

— Увидишь, — так же ехидно ответил Хмель.

Сторож сидел в небольшой кирпичной будке с большими окнами и закрытым дверьми проходом на территорию завода. Посередине прохода стояла металлическая «вертушка». Огромная створка ворот отодвигалась в сторону электрическим приводом, но вплотную к стене будки не подвигалась, оставляя щель. В такую щель мог протиснуться человек, издали предъявив сторожу пропуск.

Так поступил и Хмель. Он достал удостоверение и, помахав им, стал протискиваться в щель между стеной будки и воротами. Ткачёв сделал так же. Похоже, сторож вообще не обратил на них никакого внимания, читая разложенную на столе газету.

— Вот видишь, Андрей Викторович, всё не так сложно, — усмехнулся агент. — Предприятие не режимное, красть здесь особо нечего. Давай-ка осмотрим тут всё...

Они остановились. Хмель показал рукой на ворота.

— Попрут они здесь. Но на всякий случай ты с крыши присматривай за правым флангом. Вдруг через забор полезут. Я же займу место напротив ворот — вот тут, у люка разгрузки.

— Может быть, чуть левее, — подсказал полковник. — Вот там, на втором этаже — туалет. Так они будут под перекрёстным огнём и не смогут уйти под козырёк люка.

— Шаришь, — одобрительно кивнул агент. — Если чего, то и второй этаж я им перекрою. А на первый им и заскочить негде, только со стороны пожарной лестницы. Пойдем, взглянем на неё.

Пока они шли вдоль стены цеха, ожил передатчик Ткачёва.

— Третий, я — четвёртый. Выдвигаемся к отделению Госбанка.

— Принял, четвёртый, — походя, ответил полковник.

Увидев пожарную лестницу Хмель присвистнул.

— Растяжку бы здесь поставить, но опасно. Вдруг какой-нибудь рабочий подорвётся... Смотри, Андрей Викторович. Твоя задача не дать им зайти внутрь. Если они пройдут на первый этаж, сразу говори мне — я спущусь. Но тогда, боюсь, бой затянется.

— Может подпереть дверь на первый этаж изнутри? — предложил Ткачёв, немного подумав.

— А ты хорошо соображаешь! Так и сделаем — всех загоним в убежище, дверь закрём наглухо, а ты на крышу через второй этаж.

— Хорошо. У меня и ключ есть...

— Тогда, пошли...

Время летело — счёт велся на минуты. Это подтвердил Поплутин, связавшись с Ткачёвым:

— Третий, я — четвёртый. Стоим у отделения Госбанка — ждём инкассаторов. Подошёл экипаж ГАИ. Ребята в нём совсем молодые...

Радиа хрипнула, и голос майора прошелестел еле слышно: — Жалко...

К разговору подключился Хмель.

— Отставить сопли, четвёртый. Потом разберёмся. Не забудь передать инкассатору посылку.

— Не забуду...

Радиа стихла.

— Чёрт, как трудно работать! — агент стукнул кулаком об стену. — Андрей

Викторович, может, ты объяснишь майору?

Ткачѐв щелкнул кнопкой канала:

— Четвёртый, я — третий... Ничего не выдумывай, так только себя подставишь и их не сбережѐшь. Мы потом отыграемся... Обещаю!

— Принял...

Полковник сжал губы от злости. Попадись ему сейчас начальник ГАИ Зареченска, он бы не раздумывая врезал бы ему по толстой и наглой роже. Хотя он и не знал, какая рожа у начальника ГАИ.

— Ну, что? — Хмель взглянул на свой хронометр. — Пора людей собирать в убежище. Через минуту конвой выходит. До планируемой нами точки первой засады им ходу пятнадцать минут.

Они поднялись на второй этаж. Хмель подставил ладонь и Ткачѐв хлопнул по ней. Агент быстро пошёл по коридору в сторону туалета.

— Наушник в ухо вставь, так удобнее, — послышался его голос. — И переключи на общий канал. Майору тоже передай...

Полковник зашёл в кабинет Вадима Марковича.

— Объявляйте всем сбор в убежище, — сказал Ткачѐв удивленно смотревшему на него руководителю. — Быстрее!

— Что за спешка?! — Вадим Маркович явно не желал торопиться.

— Мне повторить?! — грозно надвинулся полковник.

Раздражѐнно хмыкнув, руководитель ОКБ стал обзванивать отделы с просьбой собираться в бомбоубежище.

— И вы тоже, — указал на дверь Андрей Викторович.

Вадим Маркович послушался, и Ткачѐв решил его проводить. В этот момент рация ожила в наушнике голосом Поплутина:

— Третий, мы начали движение. Всё по плану. Посылка передана.

— Принял, — Ткачѐв подтолкнул оглянувшегося руководителя ОКБ. — Переходите на общий канал связи.

Вадим Маркович, услышав эти слова, с подозрением спросил:

— А с кем это вы разговариваете?!

— Не ваше дело, — ответил полковник. — А как руководитель лучше проконтролируйте эвакуацию людей.

— Полковник, где вас черти носят?! — возмутился Хмель. — Тут за воротами какое-то странное движение. Подъехала машина ГАИ. Мне из окна не очень видно.

— Вадим Маркович, — любезно обратился Ткачѐв, — пожалуйста, поторопитесь. И поторопите сотрудников!

Руководитель, наоборот, почему-то встал истуканом.

— Вам что-то не ясно? — Андрея Викторовича крайне раздражало поведение руководителя.

— Я начальник на этом предприятии. И я должен знать, что тут происходит!

— Викторыч, твою за ногу! — надрывался Хмель. — Врежь этому научному дебилу, иначе я его пристрелю к ядерной матери!

— Вадим Маркович, — сохранял любезность Ткачѐв. — Пройдите, пожалуйста, в убежище. Вам всё объяснят потом...

Неожиданно в наушнике полковника раздался сдавленный хрип, больше похожий на

человеческий.

Поплутин подошёл к машине ГАИ. Два молодых инспектора посмотрели на него так, будто встретили в лесу бродячую беспородную собаку — брезгливо и надменно. Александр Владимирович постучал костяшкой пальца о стекло водителя.

— Тебе чего?! — молодой сержант скривился, опустив стекло.

— Майор Поплутин, — представился опер, показывая удостоверение.

— И что вам нужно, майор Поплутин? — сидевший рядом с водителем лейтенант, такой же молодой, как водитель, слегка наклонился, разглядывая начальника УГРО Зареченска.

— Лейтенант, вам сообщили кто начальник конвоя?

Оба инспектора были как с картинки — новые выглаженные шинели, заломленные по моде шапки, и белые ремни португали.

— Нет, — ответил лейтенант. — У нас указание провести инкассаторскую машину. А кто начальник конвоя — мне без разницы, я ему не подчиняюсь. Такого приказа у меня нет.

Майор скрипнул зубами — субординация у этих юнцов явно хромала.

— Вас чем там в ГАИ кормят? Пофигизмом?

Но лейтенант, видимо, не отличался сообразительностью.

— Товарищ майор! Отойдите от машины и не мешайте выполнению задания! Я повторяю ещё раз — мы вам не подчиняемся. У нас чёткий приказ — двигаться по маршруту со скоростью пятьдесят километров в час и держать в поле зрения инкассаторский автомобиль. Можете позвонить начальнику ГАИ и уточнить.

Поплутин стукнул кулаком по крыше автомобиля инспекторов. Ему стало жаль этих самоуверенных молодых парней, но с другой стороны он не мог им выложить всё — они просто возьмут и сбегут тут же. У них и оружия нет.

Он побежал к патрульному Уазу, раскрыл дверцу водителя. Старшина-водитель удивленно подскочил на сидении.

— Вылезай! — крикнул ему майор. — Остаёшься здесь до особого распоряжения. К воротам инкассации никого не подпускать. Если кто-то спросит — скажешь, я распорядился. Понятно?!

Испуганный гневной речью майора, старшина выскочил из машины.

— Есть!

Поплутин сел за руль Уазика, включил двигатель и рацию.

— Шестой, заводи! Поехали!

— Принято, — отозвался инкассатор.

Конвой тронулся. Машина ГАИ догнала их чуть позже — юнцы проспали начало движения, но лихо объехали конвой и пристроились спереди на значительном расстоянии.

Нодия и Румянцев расстегнули куртки, сняв с крепления автоматы. Капитан похлопал по карманам, проверяя гранаты. Трубы гранатомётов лежали между ним и лейтенантом на заднем сидении.

— Сань, а ты не погорячился, убрав старшину? — Румянцев посмотрел назад.

— Нет, — твердо ответил майор. — И переключайтесь на общий канал — приказ полковника.

Опера щёлкнули кнопками раций и застыли, всматриваясь в пробегающий за окном городской пейзаж.

Вскоре конвой проехал мимо перекрёстка с одинокой машиной ГАИ. Инспектор расслабленно прижимался задом к боку машины и только проводил их взглядом. Через пять

минут три машины конвоя зашли на участок дороги, тянувшийся по лесу.

— Приготовились! — сказал Поплутин и взглянул на спидометр. Стрелка едва достигала цифры пятьдесят. — Шестой, прибавь чутка скорости...

— Сань, не нервничай, — Румянцев спустил вниз предохранитель автомата. — И ты оружие не приготовил.

— Сейчас уже некогда. Вот проскочим этот участок, тогда...

Он не успел договорить. Машина ГАИ, идущая спереди, вдруг пошла юзом по дороге, покрываясь дырками и роняя разбитые стёкла. А из машины инкассатора полетели искры.

— Нападение! — прокричал Поплутин, забыв, что не вставил в ухо гарнитуру. Он нажал на тормоз и, открыв дверь, стал вываливаться на снежно-грязную дорогу. По Уазику противно зашлепали пули, проделывая дырки и рикошета. Но майор заметил, что задняя дверка уже открыта и Румянцев откатывается на обочину дороги. С грохотом лопнуло переднее колесо Уазика.

— Саня, не спи! — крикнул Румянцев, поднимая автомат. Затвор заходил взад-вперед, выплевывая отстрелянные гильзы.

Майор перевернулся к Уазику, стараясь спрятаться за колесо и отстегивая автомат. Пара пуль с грохотом вонзились в железо над головой. Он оттянул затвор и дал короткую очередь в ту сторону, куда стрелял капитан.

— Саня, очнись! Возьми чуть правее! Там за деревом...

Погрохотал взрыв гранаты и горячая волна царапнула лицо Поплутина...

Ткачёв оторопел. В наушнике слышались звуки боя и крики Румянцева. Он открыл было рот, чтобы спросить его, что происходит, но тут в руке Вадима Марковича что-то блеснуло...

Удар в бок был чувствителен. Полковник отшатнулся и сделал два шага назад. Руководитель ОКБ, до этого выглядевший неким научным «пнем», вдруг изменился лицом — оно стало страшным, перекошенным от злости. В руке он сжимал заточку.

— Ах, ты — падаль, — зашипел Вадим Маркович, наступая и занося руку для следующего удара, но не успел. Раздался хлопок, и затылок руководителя брызнул кровью.

— Андрей, на крышу! — Громко крикнул Хмель. — Началось!

Вадим Маркович со стеклянными глазами сначала упал на колени, а потом ничком на пол. Заточка выкатилась из его пальцев, звякнув о кафель.

Ткачёв развернулся и бросился к выходу на крышу. Он не стал открывать дверь ключом, а ударом ноги выбил её наружу. И тут же нырнул обратно в коридор — взвизгнули пули, выбивая в стене штукатурку, несколько попали в железо лестницы, громко обозначив попадание.

Андрей Викторович споро вытащил гранату и, сдернув чеку, метнул её вниз. Дождавшись хлопка взрыва, выскочил на лестницу, мельком посмотрев вниз. Странная фигура в черном метнулась к стене цеха и попыталась забежать за угол. Ткачёв не отстегивая автомат, а лишь распахнув куртку, сноровисто передёрнул затвор, и выстрелил короткой очередью. Человек в чёрном резко изменил траекторию движения и выстрелил в ответ, но Андрей Викторович спрятался за толстое основание лестницы. Пули звонко щелкнули.

Ткачёв выбрал момент, когда противник стал переносить центр тяжести с одной ноги на другую, чтобы постараться забежать за угол, и выпустил длинную очередь, стараясь стрелять на опережение. Противник резко вскрикнул странным тонким голосом, выронил автомат, но снова моментально ушёл с линии огня. Правда, слегка пошатываясь. Ткачёв не растерялся — достал ещё гранату и прицельно бросил...

Майор перекатился под днищем на другую сторону Уазика и уткнулся в чьё-то тело. Рядом с телом валялись гранатомёты, схваченные за ремни мёртвой рукой засыпанной снегом. Поплутин приподнял голову и увидел человека в чёрном невдалеке за деревом. Тот стрелял из непонятного оружия по инкассаторской машине, но пули лишь высекали искры из металла и с треском ломали усиленные стёкла. Александр Владимирович не слишком раздумывая, выдернул из заснеженных пальцев один из гранатомётов. Вспомнил, чему учил его Серёга Румянцев. Открыл заднюю крышку и до упора раздвинул трубы. Затем быстро прицелился в противника, стреляющего по инкассаторской машине, и надавил спуск. Грохнул взрыв и чёрный человек, вскинув руки, отлетел от дерева метров на пять. Его оружие полетело в другую сторону.

Но тут страшный удар в бок заставил майора вздрогнуть и стиснуть зубы. Тело тут же налилось тяжестью и в глазах резко потемнело. Боль пришла чуть позже и Поплутин протяжно закричал...

Взрыв отбросил противника назад. Его тело перевернулось на земле несколько раз, сбившаяся с головы шапочка обнажила серебряно-русые пряди.

— Андрей, меня прижимают! — орал Хмель. — Быстрее на крышу!

Полковник шустро забрался по пожарной лестницы, пригнувшись подбежал к краю крыши с той стороны, где было окно в туалет. Осторожно выглянул.

Во дворе, рядом с воротами стояла машина ГАИ. Два инспектора и ещё один человек в странной черной форме стреляли поочередно в окно туалета. Пули щелкали по кирпичу, разбрасывая красную крошку. Гранат у Ткачёва больше не было. Он встал на колени и поднял автомат. Прицелился. Длинная очередь изрешетила крышу автомобиля, но один из инспекторов ткнулся лицом в землю, вывернув ноги. Второй инспектор попытался убежать за ворота, но, срезанный короткой очередью Хмеля, кувырнулся на спину. Оставшийся противник на мгновение растерялся, задержался за машиной, а Ткачёв, заменив магазин, уже нажимал спусковой крючок. Пули зашуршали вокруг противника, взметая снег попеременно с асфальтом, автомат дергался в руках Ткачёва, но все решил одинокий выстрел Хмеля. Тщательно прицелившись, агент попал противнику в голову.

— Андрей, живой?! — интересовался по рации Хмель.

— Да, — ответил полковник, вставая.

И тут же услышал стук по железу. Ткачёв не стал раздумывать, в автоматном магазине уже не было боеприпасов. Привычным движением выдернул ПБ и выстрелил на звук три раза...

Румянцев, оглушенный взрывом, мотал головой, выплевывая снег и землю. Голова гудела, как чугунный колокол. Вытаращив глаза, капитан попытался рассмотреть поле сражения, но видел только разлетающиеся искры от машины инкассатора. Затем на дорогу вышел человек в черной одежде. Удерживая на боку необычный автомат с длинным глушителем, он медленно приближался к инкассаторской машине. Автомат дергался, разбрасывая гильзы. Капитан провел рукой по снегу, но не нашел своё оружие. Тогда выдернул из кобуры свой ТТ и поднявшись, сделал шаг, поднимая пистолет. Человек в чёрном будто почувствовал и, не прекращая стрелять, резко повернулся к Румянцеву... Тяжелый пули попали в грудь капитана, но, падая, он сумел выстрелить...

Ткачёв понял, почему фигура налётчика показалась ему странной. В гуще боя он не смог рассмотреть, но теперь...

Из трех выстрелов два достигли цели. Рефлексы старого опера не подвели полковника, но он понял, что ошибся. Мария на крышу поднялась уже без оружия. Иссеченное осколками некогда симпатичное лицо, превратилось в маску. Развороченное пулей горло медленно выталкивало наружу чёрно-бурую лаву. Дырка на её груди от попадания пули маячила перед глазами Ткачёва рваными краями.

Женщина ещё шевелилась, дергая вытянутой рукой, и как показалось Андрею Викторовичу, пыталась что-то сказать. Серебристо-русые волосы шевелились под слабым ветром и, наконец, накрыли потухшие глаза окровавленным покрывалом.

Ткачёв сел рядом, прислонив ко лбу рукоять пистолета. Ему не было жалко Марию, его огорчало то, что он убил безоружного врага, возможно, захотевшего напоследок сказать ему что-то важное.

На крышу взобрался Хмель и присел рядом. Безразлично взглянул на мёртвую женщину.
— Кажись, всё, Андрей.

Полковник спросил, не меняя позы:

— А как там наши?

— Плохо, — ответил Хмель. — Твой инкассатор остался цел, только царапнуло... Пионера убили, майор едва живой, а капитана... не довезли. Крови много потерял. На месте только следователь, да пара патрульных. Что им делать — не знают...

Ткачёв выронил пистолет и со вздохом прикрыл глаза ладонями.

— Надо сюда вызвать следственную бригаду, — глухо проговорил он.

— Я уже позвонил...

Полковник помолчал немного, а потом неожиданно спросил:

— А почему тебя называют — Хмель?

Агент ответил не сразу, вынул автоматный магазин из кармана бронежилета, проверил, стукнув им по бедру, и вставил в автомат.

— Я от вида крови пьянею...

Дима Гладышев ещё с детства завидовал всем. Сначала в детском саду малышам-одногодкам, когда их родители приходили за ними раньше его родителей. Затем в школе, когда его одноклассникам ставили хорошие оценки, а ему — нет. Потом в старших классах парням-одноклассникам за то, что те ходили гулять с девушками, а его не звали. В институте студентам, на которых преподаватели обращали больше внимания, чем на него. Офицерам — в армии, за то, что те жили на квартирах, а он ютился в холодной камерке с дырявой крышей. Мужчинам, у которых были симпатичные жены, машины и дачи...

И он решил, что добьётся того, что будут завидовать ему.

Поступив в Школу милиции, Гладышев больше помалкивал и смотрел что делают другие, и постепенно стал понимать — надо идти наверх по лестнице, не обращая внимания на крики тех, по которым идёшь. Для этого надо быть хитрее и жёстче.

Когда второй секретарь горкома партии Зареченска, куда старшего лейтенанта Гладышева отправили проходить службу, отдавал ему в жёны свою страшную и неуклюжую дочь, то сказал:

— В общем, так, зятёк. Будешь обижать мою Ирку — я сотру тебя в порошок. Если будешь меня держаться — то будешь жить с ней, как у Христа за пазухой. Первым делом вступай в партию, рекомендацию я тебе обеспечу. А потом тихонько будем тебя продвигать по службе.

Ирка оказалась не только страшной и неуклюжей, но и совершенно неприспособленной для всех сторон семейной жизни. Как такой дурнушке вдолбили в мозги, что она самая красивая на свете, Дима не представлял. Простого зеркала хватало, чтобы развеять такой миф в прах. Занятия любовью с супругой для него оказались сплошным мучением, готовить она не умела, собственно и любить тоже, поскольку была яркой эгоисткой.

Гладышев прилагал максимум усилий, чтобы изображать любовь к Ирке, но получалось всегда плохо, а делать вялую плоть мужа стойкой, как оловянный солдатик, она не умела, не хотела, или брезговала. И самое неприятное, что после всех неудач она жаловалась папе — он меня не любит, он меня не хочет и так далее.

— Ты, зятёк, уразумей, — напившись водки, брызгал слюной высокопоставленный в городском масштабе отец Ирки. — Я знаю, что дочура не подарок. Но ты тоже меня пойми! Я тебя сделал начальником отдела? Сделал! Я тебе обещал звание капитана? Ты — капитан милиции. Так ты почему Ирку не обрюхатишь? Трудно чтоль?!

Гладышев неопределённо крутил ладонью, сжимая сухие губы. Не признаваться же тестю, что еловое бревно проще отыметь, чем его дочь.

— В общем, так, мой любимый зять. Родишь мне внука — будешь майором!

И прислонившись губами к уху Димки, тесть тихо добавил:

— Ну, не учить же тебя, как бабе наскоро запихнуть...

Тогда Дима подумал, что это была неплохая идея...

Гладышев после этого решил, что следует на всю эту семейку собирать компромат. И в этом преуспел — не зря же учился в школе милиции. Правда, тогда он не осознавал, что компромат всегда имеет обратный ход, к тому же, вдруг выяснилось, что Ирка детей иметь не может — на щеголявши по морозу в короткой юбчонке, супруга подхватила болезнь.

Тесть тогда так орал на неё, что стены дома, казалось, завернуться в трубочку. Супруга, вообще-то, любила погулять и оголиться где надо, и где не надо. А немного повзрослев, так и стыд потеряла напрочь. Но отца боялась до смерти.

Дима два дня утешал супругу всяческими способами и обрёл в её лице напарника. Ирка много чего рассказала и показала. Наверное, это их сблизило.

Гладышев быстро получил майора, потом и подполковника, став заместителем начальника ГУВД Зареченска. Тесть своё слово держать умел. Это развязало руки Диме, и он стал полегоньку залезать в такие дела, где его присутствие совсем не требовалось. Но его терпели, как зятя второго секретаря горкома.

Начальник ГУВД Гладышева не жаловал. Мало того, он просто иногда не замечал этого выскочку, вызвав у Димы чувство скрытой ненависти. Тесть уговаривал его не обращать внимания, мол, сейчас поменяется первый секретарь, а потом и видно будет.

Всё резко поменялось в жизни Гладышева с назначением в Зареченск Козырева. Тесть помрачнел лицом, и говорил, что ничего сделать не может, ибо Козырев человек самого Сулова, а начальник ГУВД — самого Щёлокова. Зареченск, по задумке сверху, должен был стать «форпостом» перед Афганистаном.

Гладышев пожаловался Ирке на свою нелегкую судьбу.

— Димочка, — ласково сказала супруга, расстегивая кофточку. — Сделай мне приятно,

а я сделаю тебе...

Привычно поставив жену на четвереньки, Гладышев сделал ей приятно. За последние полгода он научился это делать.

Вскоре начальник ГУВД слег с сердечным приступом, и Дима быстренько приобрел приставку «и.о. начальника ГУВД». Болезнь прогрессировала, и Гладышев получил полковника и назначение на должность без «и.о.». А чуть позже, во время московской Олимпиады ему прислали заместителя, но которого Дима и взвалил все обязанности. А сам часами просиживал в кабинете Козырева, слушая высокопарные речи о новом устройстве Зареченска и вовремя этим речам поддакивал.

Елена Петровна Шмелёва ворвалась в его жизнь, как вихрь, как ураган, как цунами. Её дьявольская красота и некая раскрепощённость влекли к ней Гладышева, как собаку к заботливому и кормящему хозяину. Он перестал видеть и слышать вокруг. Он видел только её и слушал только её. И, как ни странно, она не обошла его вниманием.

На праздновании очередной годовщины Октябрьской революции был собран большой банкет. Шмелёва пришла туда в таком одеянии, что у всех челюсти упали на пол. Нет, она не оголилась, как его Ирка, но так подчеркнула свои достоинства, что воображение тут же нарисовало такое, от чего стариков бы хватил сердечный приступ.

По обыкновению, присутствующие на банкете напились до бесчувствия. Ирка так вообще спала на кушетке в ворохе одежды. Но первому секретарю захотелось обсудить что-то важное, и всех более менее трезвых начальников он позвал к себе в кабинет. Гладышев сделал вид, что пьян и послал вместо себя заместителя.

Елена Петровна, грациозно виляя бедрами, направилась в дамскую комнату и, походя, призывно подмигнула Гладышеву. Тот ринулся за ней, как верный пёс на посвист.

Увидев поднятый подол платья и изящный наклон, Дима потерял разум. Старенькая швейная машинка «Зингер», если бы ей довелось соревноваться в тот момент с Гладышевым по частоте производимых операций, просто бы не успела, захлебнувшись на десятой минуте. Такого яростного напора, видимо, не ожидала и Шмелёва, запросив о пощаде.

Вскоре, мимолётные свидания переросли в многочасовые. Полковник имел служебную машину и под видом встреч с нужными людьми часто задерживался после работы, встречая Елену Петровну в условном месте.

Но как-то раз Шмелёва резко пресекла интимную встречу. На свет были извлечены снимки их любовных походов, и Елена Петровна заявила, что «сладкого» теперь Дима будет получать дозированно. И только после того, как принесёт ей нужную информацию. В противном случае снимки лягут на стол его жены и тестя.

«Сладкое» осело наркотиком в сознании Гладышева, и он особо не раздумывал. Но попросил ещё кое-что — деньги и препараты для поднятия «тонуса» для занятий любовью с женой. Шмелёва согласилась и даже дала несколько ценных советов. Например, лишить её мужа служебной машины и отдать Диминой супруге в пользование. А ещё познакомила с одним из местных уголовных «авторитетов» по кличке Цыган. После Цыган стал передавать через Гладышева некоторые сведения Шмелёвой, и вообще, у Димы с ним сложились некие отношения. По наводке Цыгана Гладышев и завербовал Серафиму Мишину. Та говорила ему всё, что творилось в преступном мире Зареченска.

Гладышев за короткий срок сплёл в городе такую паутину, что сам Топтыга стал «заносить» полковнику мзду за своё пребывание в Зареченске. Дима не объявлял неподъёмных сумм, но и не бедствовал.

После первого налёта на инкассаторов Гладышев серьёзно поссорился с Еленой Петровной и задумался над своим существованием. Тем более Цыган поставлял ему девочек, когда Гладышеву не терпелось. А тут ещё и «высокая» комиссия из министерства разогнала половину состава ГУВД. После второго налёта стало ясно, что Дима «попал». Причём, с всеми «потрохами». Козырев стал смотреть на него строго, а тесть только отмахивался.

И у Димы Гладышева созрел безумный план. Это безумие подгоняла Шмелёва, выдвинув ему условия — он должен был всеми возможными способами тормозить расследование и достать поэтажный план завода радиотехнических конструкций.

План он принёс и запросил у Шмелёвой денег и негативы с их похождениями. Он уже давно сделал себе ещё один паспорт — недаром был начальником ГУВД, и его план предусматривал побег из города куда-нибудь подальше.

Елена Петровна согласилась, поскольку Дима привёл много различных аргументов, в том числе и тот, что на случай его внезапной кончины все похождения Шмелёвой в Зареченске лягут в отдел КГБ.

В то же вечер Цыган продал ему глушитель к пистолету.

Ткачёв молча наблюдал, как тело Марии упаковывают в мешок.

— Что же ты хотела сказать мне, Маша?!

Прошептал полковник, посматривая по сторонам, будто надеялся увидеть какой-то оставленный знак. И вдруг, совершенно ясно осознал, что ещё ничего не закончилось. Смутная догадка стала размытыми контурами проступить в его сознании.

Мария не могла быть Главарём. Так же и не мог быть им Автондил. Это всё пешки в какой-то запутанной игре, в которую забрались по незнанию многие и многие люди. Но Главарь, как умелый кукловод, вёл игру и людей в точку, понятную только ему. Но совершенно непонятную для Ткачёва.

К полковнику подошёл следователь Рыков. Михаил Ильич был обескуражен размахом сражений, произошедших в Зареченске за последний час.

— Я даже не представляю, что мне докладывать прокурору, — Рыков кивнул на автоматы с глушителями, сложенные на брезенте. — А трупов-то сколько? Только здесь четыре!

— Доложите, что помогать вам некому...

Следователь сжал губы. Гибель оперативников уголовного розыска и тяжёлое состояние Поплутина, лежащего в реанимации, положили тяжесть расследования на плечи прокуратуры. А эти плечи не были сильными и молодыми.

— Но вы-то нам поможете, Андрей Викторович?

— Конечно. Вы сказали четыре трупа. А кто четвёртый?

— Сторож завода...

Ткачёв отвернулся, стиснув челюсти. Старик-сторож был совсем безвинной жертвой.

— Я что-то не вижу Гладышева, — сказал полковник. — Уж он бы смог выделить людей в помощь.

— Начальника ГУВД не нашли, — Михаил Ильич развел руками.

Ткачёв тихо зарычал и посмотрел в глаза следователю.

— Мне нужна ваша санкция на задержание Гладышева и обыск у него на квартире и на даче.

— На каких основаниях?

В ответ Ткачёв достал из кармана сложенные листы опроса второго секретаря горкома

Зареченска. Рыков внимательно прочитал, и бледное лицо следователя побледнело ещё больше.

— Мне пора на пенсию, раз такое происходит.

С этими словами следователь достал из папки бланк распоряжения на задержание подозреваемого и размашисто вписал туда фамилию Гладышева.

— Возьмите, перед прокурором я отчитаюсь.

Ткачёв взял листок, вставил в ухо гарнитуру рации и пошёл к воротам — на выход.

— Андрей Викторович! — крикнул ему вслед Рыков. — Вы не хотите отдать мне автомат?

— Нет! — огрызнулся Ткачёв и щёлкнул кнопкой рации. — Хмель, ты где?

— Иди от ворот налево метров двести. Я жду в машине...

Полковник, злобно топчя лежалый снег, подошёл к машине. Уселся на пассажирское сидение и с грохотом закрыл дверь. Желваки заходили на его скулах нервными буграми.

— Сначала в ГАИ, затем в горком партии. У тебя есть лишний магазин?

— Ты кого крошить собрался? — Хмель протянул снаряжённый магазин.

Ткачёв вставил его в автомат, звонко щёлкнул затвором и предохранителем.

— Всех, кто под руку попадётся. Не задавай дурацких вопросов... Ты генералу звонил?

— Нет ещё, — ответил агент, вырвав газ. — Я так понимаю, что операция ещё не закончена.

— Правильно понимаешь, — полковник взглянул на промелькнувшие грузовые ворота завода.

— Так просвети...

— Нам надо сейчас арестовать Гладышева — санкция прокурора у меня есть. Этот хитровый... в общем, нехороший человек, думаю, прольёт некий свет на эту крайне запутанную историю. Потом мы едем к Топтыге и расспросим его с пристрастием. Надоело, знаешь, нянчиться с уголовниками. Если бы он в мой первый визит к нему рассказал бы всё, как есть, то не было бы столько ненужных, бессмысленных смертей. Чёрт, Жору-то как жалко! Совсем ещё пацан! Старик-сторож, Румянцев... Ладно, Серёга — он военный человек, знал, на что шёл, но старик совсем не при делах!

Хмель молча рулил, слушая истерику Ткачёва.

— Знаешь, Андрей, — агент прервал полковника, — у меня случай был. Я ещё в армии служил. Ждала меня на гражданке девчонка, мы с ней ещё с детского сада вместе росли. Хорошая такая, симпатичная. Тут дембель подходит, а меня в командировку посылают. Я решил позвонить своей зазнобе и предупредить, что задерживаюсь возвращением. Уговорил прапорщика отпустить меня в город — позвонить. Хороший был мужик — душевный. Он мне даже свою машину дал, чтобы я быстрее смотался. До города десять километров от части. Ну, я со всей амуницией и поехал. Мы уже на взлётке транспорт ждали. Приезжаю я в город... Ну, не то чтобы это город, так поселение в несколько кварталов, но телефонный узел там был. Машину оставил и на почту. А за стойкой девочка сидит. И, знаешь, такая маленькая, длинноволосая, но с такими... глазами, что у меня дух перехватило! Смотрит на меня испуганно своими глазницами, губки трясутся, побледнела. Я-то, как зашёл, как положил на стойку автомат и выдохнул — мне позвонить... Девочка в себя пришла и кабинку меня отправила, а кабинка так незаметно на почте, в нише, которую со входа не видно. Болтаю я со своей зазнобой, значит, воркую, мол не беспокойся, как освобожусь — приду, и все будет хорошо. А тут, вдруг, беглые зеки на почту ворвались, и без слов давай

палить. Денег им было нужно — они подумали, что я на машине пенсионерам пенсию привёз. Я трубку уронил и в ответ пальнул — одного ранил, а второго — грохнул. Раненный по полу катается, орёт благим матом, а я смотрю... девочку, что за стойкой сидела — в решето превратили... И такая злость во мне застряла, что я в того раненного зека два магазина разрядил, а когда третий вставлял, тут меня милиционеры и схватили. Потом разобрались, конечно, я не сопротивлялся, но в командировку не попал. Да и домой не попал... А глаза той девочки на почте мне до сих пор снятся. Я к чему это рассказал, Андрей. Чтобы ты лишних дров не наломал. Не готов ты к тому, чтобы без жалости поступать. Не такой ты человек...

— Много ты обо мне знаешь, — злость в Ткачёве унималась, уходила, втягивая грязные, черные щупальца. — Но за поддержку, спасибо...

Ткачёв не просто вошёл в отдел ГАИ Зареченска, а прошёл на второй этаж, будто бульдозер. Хмель еле поспевал за ним, суя под нос каждому удостоверение сотрудника КГБ.

— Товарищи, вы...

Молоденькая секретарша начальника замерла на полуслове, увидев двух вооружённых странными автоматами, людей.

— Начальник на месте? — спросил её Ткачёв, поправляя на плече оружие.

Девушка тут же кивнула.

— Собери здесь всех инспекторов, — грозно приказал полковник. — Беседовать с ними буду...

И решительно открыл дверь в кабинет начальника.

Поднявшегося ему навстречу начальника ГАИ Зареченска майора Скобцева, Ткачёв отправил в нокдаун прикладом автомата. Хмель тут же прикрыл дверь в кабинет.

Пока Скобцев поднимался с пола, вытирая разбитый нос и жалобно всхлипывая, Ткачёв уселся за стол.

— А теперь рассказывай, майор, какие отношения у тебя были с Гладышевым. Надеюсь, ты понял, за что я тебя еба... ударил.

Хмель хихикнул.

— Кто вы такие?! — Скобцев схватился за трубку телефона, но аппарат разлетелся на мелкие кусочки от точного выстрела агента.

— Послушай, майор. Ты меня не серди! — лицо Ткачёва побагровело. Он вынул удостоверение и ткнул им в глаза Скобцеву. — А вот этот нервный человек, что стоит за моей спиной — сотрудник КГБ. А вот это! — полковник положил на стол раскрытые удостоверения инспекторов ГАИ, участвовавших в перестрелке возле ОКБ. — Документы убитых сотрудников ГАИ города Зареченска. Видишь, там твоя подпись стоит. Но вот дело в том, что эти два инспектора почему-то решили стрелять в меня и сотрудника КГБ. Из автоматов вот с такими же глушителями. А знаешь, что за автоматы? ППС времён Великой Отечественной войны. И я не очень удивлюсь, если эти автоматы использовались во время ограблений инкассаторов...

— Это чушь! — вскрикнул Скобцев.

— Где?! — удивился Ткачёв. — Вот копия протокола осмотра места происшествия...

Он достал несколько листов бумаги и развернул.

— Ознакомься пока, а я с инспекторами поговорю. И это... не хулигань. Оружие дай сюда...

Майор дрожащей рукой вынул свой ТТ из стола. Ткачёв резко забрал оружие.

— Читай, тебе говорю! — и направился к выходу из кабинета. Проходя, сунул пистолет Шмелю:

— Если этот гад дёрнется, то пристрели его, — громко сказал полковник, открывая дверь.

В приёмной уже толпились вызванные секретаршей инспектора. При виде Ткачёва некоторые вздрогнули, а кто-то даже попытался достать оружие.

— Смирно! — крикнул Андрей Викторович. — Я — полковник шестого отдела главного управления МВД СССР Ткачёв. Вот моё удостоверение...

Он грозно посмотрел на притихших ГАИшников.

— Сегодня убили четверых сотрудников ГАИ Зареченска, двух сотрудников уголовного розыска Зареченска, а ещё один в реанимации. И сейчас вы, по моему приказу, как руководителя следственной группы МВД, прочешете весь город и его окрестности. И максимум через час доложите мне, что задержали начальника ГУВД Зареченска полковника Гладышева. На посты при выезде из города передать, чтобы задерживали все машины и досматривали. И если я узнаю, что кто-то из вас филонит, то тому стоит сразу примерить в руках кайло и ватник. Вопросы есть?!

После короткого молчания раздался тихий голос:

— А если задержать Гладышева, то что с ним делать?

— Отвезите в ГУВД, там его запрут в клетку, — ответил Ткачëв и протянул руку секретарше. — Соедините меня с дежурным по ГУВД.

Девушка трясущимися пальцами набрала номер и подала трубку Андрею Викторовичу.

— Дежурный?! Говорит полковник Ткачëв. Гладышев не появлялся в управлении? Короче, если появится, то посади его в камеру до моего приезда. Разрешение на арест прокурор выписал. Ты понял меня? Всё, отбой!

И отдав трубку секретарше, спросил инспекторов:

— Ещё вопросы?

Вместо ответа раздался выстрел и звон стекла в кабинете Скобцева. Секретарша упала в обморок, а инспектора нервно зашевелились. Тут дверь кабинета открылась, и вышел Хмель, разглядывая майорский ГТ.

— Прости, Андрей, но этот засранец хотел выпрыгнуть в окно... плохо получилось...

— Твою же мать! — прошипел Ткачëв и прикрикнул на ГАИшников. — Чего встали истуканами?!

Инспектора, толкаясь, заспешили покинуть приёмную.

— Девочку в чувство приведи, — полковник показал Хмелю на секретаршу. — А пистолет вложи майору в руку. Он не вывалился через окно наружу?

— Нет. В кабинете разлегся. Вот что за оружие у ГАИшников? Целился в ногу, а попал в голову...

— Дима, что ты натворил?!

Второй секретарь горкома Зареченска ходил кругами по комнате. Гладышев ему позвонил в горком с полчаса назад с дачи, и тесть примчался тут же. Дача второго секретаря стояла с краю элитного посёлка и не выделялась помпезностью. Второй секретарь, хоть и был карьеристом, но строго соответствовал требованиям системы — второй секретарь не мог красть больше, чем первый. Это каралось так строго, что никто никогда и не думал рисковать.

Полковник сидел за столом. Его руки тряслись сильнее, чем у алкоголика после жуткого запоя, а тесть ходил кругами и твердил одно и то же.

— Вот что теперь делать?! Ты же подставил и меня, и Ирку, и Козырева! Что ты натворил?!

Диме надоело слушать причитания тестя. Он понял, что в этой жизни ему никто завидовать не будет. Ему вдруг показалось, что вся его жизнь, будто какой-то сон. Кошмарный и длинный. И проснуться вроде надо, да и сна уже нет. Остается только бежать. Бежать быстро и туда, где его никто не знает. Паспорт у него есть, деньги тоже.

— Ладно, Дима, только ради своей дочери, — тесть остановился. — Я могу спрятать

тебя в одном месте. Посидишь там месяц другой, пока всё не уляжется. А что? Потерпишь... Потом отправлю тебя к своему знакомому — мы вместе в институте учились. Устроишься к нему персональным водителем. Я похлопочу... Обживешься, а потом и Ирка к тебе приедет, всё не один будешь.

Елейный голос второго секретаря ублажал Гладышева, и он уже хотел кивнуть в знак согласия.

— Только, Дима... Ты мне свои архивы-то отдай. Договорились?

Это была ошибка. Тесть мог знать о собранном компромате только от Ирки. Гладышев понял, что жена сдала его своему отцу. Но никто не знал, где Дима прячет документы.

— Нет, — жестко отрезал Гладышев. Потом резко встал и достал пистолет с длинным цилиндром глушителя. Направил в мигающие глаза тестя.

— Дима?! — пролепетал второй секретарь, и тут же, грохоча, упал с простреленной головой.

Теперь будущее Димы Гладышева обрело четкие черты — постоянно скрываться. Но это была ерунда по сравнению с тюрьмой или со смертной казнью. Зависть?! Да кому она теперь нужна! Теперь только вырваться из этого лабиринта и раствориться на просторах. Да кто его найдёт под другим именем? Можно отрастить усы и бороду, очки нацепить и всё — нет Димы Гладышева. Пропал он. А пистолет выбросить где-нибудь с моста в реку. А где пересидеть пару месяцев, Дима и сам знает.

Так. Теперь быстро переодеться и в путь. Машину тестя взять и околицами выскочить за город, уж тропку он знает...

— А ты куда собрался, полковник?

Гладышев не просто вздрогнул, а содрогнулся всем телом — голос этого человека никогда не предвещал ничего хорошего.

— Я..

Раздался хлопок и пуля раздробила Диме колено. Он упал на пол и закричать не смог — рука в перчатке жестко закрыла ему рот, а что-то твердое надавило на рану так, что потемнело в глазах и парализовало тело от боли.

— Знаешь, полковник, мне совершенно всё равно то, о чём ты сейчас думаешь. Но ты меня обманул. И обманул очень подло. Сначала я тебе поверил, когда ты оклеветал Цыгана. Но бог с ним, он мне был уже не нужен. Потом я разрешил тебе убить... Елену Петровну. Впрочем, хрен с ней — она заигралась и на неё уже выходили милиционеры. Потом ты грохнул таксиста, но при этом потерял пистолет. Но почему ты меня не предупредил, что Ткачёв устроил засаду? И что везли не деньги, а сумку набитую рваными и старыми обоями?!

На рану надавило так, что Гладышев чуть не потерял сознание от боли.

— Не, не... Ты не отключайся. Это ещё не всё. Теперь я узнаю, что ты собирал на всех компромат. Но уже никого нет, понимаешь? Ткачёв со своей командой всех убил. Остался только ты и я. А ты как-то незаметно решил слинять. А что там у тебя?

Рука в перчатке полезла в карман к Диме и выудила паспорт.

— Посмотрим, кто здесь... Ба! Адамов Игорь Витальевич. Что, больно?

Гладышев пытался выдохнуть — да, но только хватал воздух губами, как рыба.

— Давай так, полковник, я тебе возвращаю твой новый паспорт и не забираю деньги. Катись ко всем чертям. Я тебе даже укол сделаю, чтобы ты боль не чувствовал полдня. Сядешь в машину своего убиенного тестя, и вали... Но, взамен, ты мне скажешь, куда дел

свои материалы. Я просто проверю их — нет ли там моей физиономии. И не просто проверю, а ты поедешь со мной. Ну, что? Делать укол?

— Да, — еле слышно подтвердил Гладышев. Боль он терпеть не мог физически. Никакую.

— Тогда говори, где спрятал.

— Сначала... сначала укол, — попытался торговаться Дима, но безуспешно — боль пронзила тело в очередной раз. — Всё, всё... тайник в погребке на Иркиной даче. За банками с вареньем...

— Ключи от дачи?

— В кармане шинели...

Рука пошарила в кармане и вытащила связку ключей.

— Ну, вот...

Раздался хлопок и звяканье стреляной гильзы по полу. Гладышев почувствовал нестерпимую и удушающую боль, и чувствовал её ещё долгую минуту.

Рука в перчатке положила паспорт ему в карман, потом вложила пистолет в мертвую ладонь второго секретаря. Пистолет Гладышева был положен уже в его мёртвую ладонь.

— Тесть с зятем не поделили большие деньги...

Для пущей убедительности была разорвана пачка сторублёвок и купюры разбросаны по полу.

— Теперь в горком? — попытался уточнить Хмель, когда они с полковником вышли из здания ГАИ.

— Нет, — на ходу поменял план Ткачёв. — Едем в морг.

— Зачем?

— Осмотрим убитых тобой и моими коллегами агентов иностранных спецслужб.

— Ты тоже принимал участие...

— Хмель, не спорь! Правда, я не знаю, где в этом городе морг. Давай спросим?

Полковник остановил пробегающего мимо инспектора ГАИ.

— Сержант, не подскажите где тут у вас морг?

Инспектор от такого вопроса чуть не свалился без чувств.

— Улица Лазо, дом три, — отчеканил он и припустил обратно в здание.

— Ты знаешь, где это? — Ткачёв взглянул на Хмеля, выпучив глаза.

Агент потерял терпение.

— Андрей, хватит уже паясничать. Или ты с ума сходишь?

— А как тут не сойти с ума?! За четыре дня я навидался трупов больше, чем за всю свою прошедшую жизнь. Настрелялся вдоволь, потерял оперов, ставших мне близкими друзьями и застрелил женщину, которая мне нравилась и меня кормила... И тебя тоже, между прочим. А ещё — всё руководство этого города можно смело посадить. Начальник ГУВД в бегах, начальник ГАИ ... ну, это опустим, а на первого и второго секретаря горкома партии столько материала, что Феликса Идмундовича, наверное, в гробу перевернуло! Руководитель закрытого ОКБ бросается на меня с заточкой! И это я ещё про прокурора города не говорю, который наглým образом порвал в клочья моё служебное донесение. Это что за город такой?! Это я в какую страну попал? В страну победившего социализма?!

Хмель прижал Ткачёва к себе и заткнул ему рот.

— Андрей, тише. Не кричи.

Агент понимал, что у полковника нервный срыв. Он усадил Ткачёва в машину и

помчался по городу в поисках морга. Притормозив у магазина «Пиво-воды», купил бутылку дорожущего коньяка «Москва», немало удивившись, что в этом городе такое можно купить.

— Что это? — полковник не удержался от риторического вопроса.

— Пей, — скомандовал Хмель. — Только не всё сразу. Надо же, мне в магазине подсказали направление к моргу!

Патологоанатом — полный, высокий мужик в огромных очках, хмуро проводил их в холодильник для трупов.

— Сегодня смертушка собрала хороший урожай. Я такое в первый раз вижу...

Ткачёв осмотрел тела убитых налетчиков. Долго стоял над Марией, что-то нашептывая самому себе, потом обернулся к Хмелю.

— Я не вижу тут ещё одного персонажа — моего тёзку из кафе «Ландыш».

Хмель попытался возразить.

— А если твой тёзка не при делах?

Полковник ладонью подозвал агента.

— Ты видишь тут того бармена, что скручивал тебе руки во время твоего посещения?

— Да, — Хмель указал на тело, — вот он.

— Тот Андрюша, сказал мне, что они работают сутки через трое. Получается четыре бармена и хозяйка кафе, — Ткачёв указал на Марию. — Откуда она брала такую вкусную еду? Я особо не замечал, чтобы она дома стряпала. Сколько бы мы не разговаривали в доме, я постоянно поглядывал на окна дома Марии.

— Я замечал, — кивнул Хмель. — Иногда ты долго смотрел.

— Так вот. Мария проговорила всего один раз, когда спросила у меня — насколько долго я пробуду в Зареченске. Тогда я подумал, что у неё возникли ко мне чувства, и она жалеет, что времени остается мало. Но в разговоре со вторым секретарём... помнишь?.. он сказал, что официально хозяйкой, то бишь, директором «Ландыша» числится его дочь — Ира. Кстати, жена Гладышева. А эта Ира, наверное, в кафе была всего пару раз. Но Шмелёва не просто так организовала это заведение и заказала оборудование. И случайный человек в кафе устроиться на работу не мог. Шмелёва знала Марию, а Мария знала Шмелёву. Тут есть ещё какой-то фактор, но о нём может знать Гладышев и бармен Андрюша.

— Думаешь, бармен и есть Главварь?!

— Нет. Главварь — она, — полковник показал на мертвое тело Марии. — Мой приезд не был для них неожиданностью. Об этом знали многие — Козырев, Гладышев и ещё куча народу. Твое появление здесь, вернее, то, что тебя не было на третьем нападении, спутало им все карты. Они думали, что убрали всех агентов КГБ. Перенаправление маршрута третьей инкассации сыграло не на руку, позволив тебе легализоваться в городе под прикрытием. А мой приезд только подтвердил, что в Зареченске агентов КГБ не осталось.

— Почему тогда Главварь сама пошла на ОКБ? Почему бармен остался вне сражений? Лишний ствол им бы явно не помешал.

— У бармена была какая-то другая задача. Какая — это я пока не знаю.

— Хорошо. А как они тогда собирались уничтожить ОКБ? Взрывчатки в машине ГАИ не было...

— Этого я пока тоже не знаю. Но, думаю, Маша именно об этом и хотела мне сказать. Вот что, надо звонить генералу и просить в Зареченск людей. Мы вдвоём просто не сможем поймать бармена и раскрутить все детали деятельности группы иностранной разведки. Нам нужно ещё два дня. И пусть экспертов ещё пришлют. У здешней прокуратуры нет ни

оборудования, ни грамотных людей для проведения экспертиз. И кто-то же должен возглавить ГУВД! Ни начальника, ни оперов... Как работать?!

— Ладно, не начинай... Твои предложения — что нам делать сейчас...

— Едем на Советскую, а заодно и пошарим у Марии в доме.

— А Гладышев?

Полковник на секунду задумался.

— Если он ещё живой, то мы его возьмём. Давай-ка, заглянем в прокуратуру. Возможно, они что-то нам подскажут. Фактов собрано навалом, но что-то я упустил...

Они вышли из морга и направились к машине. Хмель хотел предложить Ткачёву попрощаться с убитыми операми, но измученный вид полковника, его жадные глотки коньяка и наморщенный в раздумьях лоб, навели агента на мысль, что с прощанием надо повременить.

— Давай только предположим, — Ткачёв вытер губы рукавом. — Что у них была задача изъять документацию ОКБ и уничтожить инженеров. Но теперь мне не кажется это логичным. Зачем уничтожать инженеров, а вдруг что-то будет в чертежах непонятно. У кого тогда спрашивать объяснений? Правильно, у руководителя ОКБ. Этого Вадима Марковича, что прыгал на меня с заточкой. Но зачем он это делал?!

— Чтоб тебя убить, — развел руками Хмель. — Что тут непонятного?

— Я не об этом, — отмахнулся полковник и опять глотнул из бутылки. — Зачем он так себя подставлял? Мог бы уйти со всеми в убежище. И почему твой долговязый очкарик мне ничего не сказал про руководителя? Я ведь с ним на крыше стоял и нас никто не слышал. Тут что-то не вяжется вся эта картина!

— Андрей, я тебе ничего подсказать не могу, — огорчённо сморщился агент. — У меня просто мозгов не хватает.

— Мозги... мозги, — ворчал полковник, усаживаясь в машину. — Поехали в прокуратуру.

Когда они приехали в прокуратуру, Ткачёв уже еле передвигал ногами и Хмель отобрал у него оружие.

— Прости, Андрей, но туда я пойти не смогу, — толкнул полковника агент. — Ты уж сам как-нибудь...

Андрей Викторович устало махнул рукой и стал разыскивать Михаила Ильича Рыкова. Он зашел к эксперту, но того не было. Зашел к следователям — там тоже никого не было.

— Кого-то потеряли, мужчина?

Стройная дама, уже не молодая, но явно следившая за своей внешностью, разглядывала Ткачёва.

— Мне нужен Рыков, — соизволил ответить полковник, в свою очередь, разглядывая женщину.

Она смутилась от такого пристального внимания.

— Михаил Ильич на совещании у прокурора города.

— Хм, — пошатнулся полковник, сморщившись. У него резко зачесалась грудь под бронежилетом. — А он мне очень нужен. Вы меня не проводите на совещание?

— Нет. Во-первых, вы пьяны. Во-вторых...

— Ну, не будьте такой занудой, — Ткачёв расстегнул куртку и, просунув руку под бронежилет, шумно почесался. От неловкого движения из кармана выпала пистолетная обойма и с тихим грохотом упала на паркет. — Вот, чёрт! У меня ещё патроны оставались...

Андрей Викторович присел и взял выпавшую обойму, попутно рассмотрев изящные лодыжки дамы, перетянутые ремешками босоножек. Потом выпрямился и, улыбнувшись, представился:

— Полковник Ткачёв. Можно — Андрей Викторович.

Испуг в глазах дамы быстро сменился любопытством.

— Надежда Ивановна. Я — секретарь прокурора города. Наслышана о вас...

— Да?! Мне повезло! Так вы меня проводите к прокурору на совещание? Честно, мне Рыков вот так нужен...

Он провёл ребром ладони у горла.

Секретарь смерила его уже насмешливым взглядом:

— Что же, пойдёмте...

Ткачёв шёл за ней и рассматривал её покачивающиеся бёдра.

«И о чём я только думаю?» — корил сам себя полковник, вдыхая едва уловимый сладкий шлейф, тянущийся за Надеждой Ивановной.

— Прошу вас, — она показала изогнутой ладонью на кабинет прокурора города.

— Благодарю, — выдохнул полковник и зашёл.

Все участники совещания дружно оторвались от обсуждения и устали на Ткачёва, будто в кабинет свалился инопланетянин с Альфа Центавры. Первым опомнился прокурор города.

— Полковник, мы вас ждали! Где вы ходите?!

— Я из морга, — Андрей Викторович неожиданно икнул. — Чёрт, вспомнил кто-то...

Следователи заметили его состояние и улыбнулись. Прокурор покраснел.

— Пока вы были хм... в морге, второй секретарь горкома и начальник ГУВД друг друга

перестреляли! Начальник ГАИ застрелился, а первый секретарь горкома пьян до бессознательного состояния! — крикнул прокурор.

Ткачёв опять икнул.

— Да что же такое! Товарищи, у кого-нибудь есть, чем закусить?

Пожилой мужчина, видимо, эксперт с готовностью протянул яблоко.

— Товарищ Ткачёв, не устраивайте балаган! — надрывался прокурор.

— Да что вы, — Андрей Викторович присел и с хрустом надкусил яблоко. — Если бы вы, товарищ прокурор города, не порвали бы тогда мою записку, то, глядишь, и ничего такого бы не было. А всё то, что произошло — есть следствие круговой поруки в руководстве города Зареченска. Второй секретарь горкома — тесть начальника ГУВД. Первый секретарь горкома спит с заместителем управляющего отделением Госбанка. Простите, спал... Заместитель начальника ГУВД муж зама управляющей отделением банка. Начальник ГАИ отправляет двух инспекторов, секунду внимания, на штурм ОКБ завода радиотехнических конструкций! Кстати, Михаил Ильич, там подобрали труп директора ОКБ?

Рыков кивнул.

— А что вы от меня хотите? — Ткачёв откинулся на высокую спинку стула. — Четвёртый день, как я сюда приехал, а не видел ни одной экспертизы! Оружия в городе — целый арсенал! Отстрелянных гильз — мешок наберётся, а я не видел ни одного заключения. Товарищ прокурор, и как вы это объясните? А что сейчас? Город без руководства, ГУВД — без руководства, ГАИ — без руководства... И что мне делать? Я и три дня назад был, как слепой котёнок... Так дайте мне хоть какой-нибудь факт, чтобы я смог оттолкнуться, а то у меня только догадки и предположения... И куча трупов. Вы чего-то боитесь, товарищ прокурор? Или боялись? Но теперь-то, чего бояться?

Ткачёв смолк. Молчал и прокурор. Потом робко заметил:

— У меня один эксперт, и то, только с лупой...

— Товарищ прокурор, — не выдержал полковник, но кричать не стал. — Вы знали, что город будет расширяться. Но не вы, не Гладышев так и не подняли вопрос о переоснащении своих структур. О расширении парка машин и оборудования. Вы только лебезили перед Козыревым, думая, что он возьмёт вас с собой в Москву. Москва же давала городу деньги на расширение! Но вы даже заикнуться не смели о расширении своих штатов, поскольку любовница Козырева — Шмелёва, полностью контролировала всё распределение денег. Но как потом выяснилось, Елена Петровна была агентом иностранной разведки, а у вас под носом действовала целая группа террористов. Я свою задачу выполнил — группа террористов уничтожена. А до ваших внутригородских разборок мне дела нет. И вообще, я сегодня докладываю наверх о выполненной работе, и если не будет больше указаний, то уезжаю.

И добавил очень тихо: — Только с ребятами попрощаюсь...

Полковник вернул эксперту огрызок яблока и под удивленный взгляд прокурора вышел из кабинета.

На выходе он столкнулся с Надеждой Ивановной — женщина явно подслушивала. Она сделала вид, что оказалась случайно на его пути и, сделав шаг к шкафу, нагнулась над нижней полкой. Полковник сначала смотрел на оттопыренную попу секретаря, потом быстро подошёл и положил ладони на это великолепие. Надежда Ивановна сильно вздрогнула и тут же выпрямилась. Он тихо шепнул ей на ухо:

— Я не верю, что вы никогда и ничего не слышали. Наверняка, вы сможете мне что-то

сказать...

Она прикрыла глаза и шепнула в ответ:

— Вроде у Гладышева были документы, компрометирующие прокурора. Я слышала, как они ругались...

Андрей Викторович провел ладонями вверх-вниз, замечая, как лицо женщины краснеет:

— Как замечательно, что секретари подслушивают.

Из прокуратуры Ткачёв вылетел, будто его ошпарили кипятком. Залетев в машину, сильно ткнул в бок спящего Хмеля.

— Летим к дому Топтыги. Шевелись же!

Очнувшись, агент завёл машину, и они помчались к жилищу «авторитета».

— Ты чего такой ошампуренный? — недоумевал Хмель. — Коньяка больше нет.

— Коньяк не нужен, зато есть мысль как словить этого бармена. А где мой пистолет? У меня ещё обойма осталась.

Хмель внял важности момента и пистолет отдал. Полковник залихватски вставил в него обойму и воткнул оружие в кобуру.

К дому Топтыги они «долетели» минут за пять — у Хмеля оказалась чудной зрительная память. Ткачёв буквально на ходу выскочил из машины и добежал до двери. Сильно постучал.

— Серафима, открывай!

Но дверь открыл сам Мишин.

— Чего кричишь, полковник?

— О, вот ты мне и нужен! Ну-ка, зайдем в дом...

Ткачёв затолкал «авторитета» в прихожую.

— Говори, у Гладышева есть дача?

— У него нет. У жены его — Ирки есть домик.

— Ты там бывал?

Топтыга отвел взгляд.

— Я вижу, что бывал. Собирайся...

— Начальник, погодь...

— Некогда годить. Надевай валенки и дуй за мной. Покажешь мне дачу этой Ирки. Я в накладе не останусь.

Топтыга поверил полковнику. Ткачёв ему не сделал ничего плохого, а наоборот, предупредил об опасности не раз.

В машине Андрей Викторович передёрнул затвор пистолета и поставил оружие на предохранитель. У Хмеля на коленях лежал приготовленный автомат, и он рулил, поглядывая на сидевшего рядом Топтыгу. «Авторитет» указывал дорогу к даче Гладышевой.

— Чем же тебя взял начальник ментовки Зареченска? — Ткачёв задал вопрос и Мишин запнулся.

Но потом, все же ответил:

— Хитрый он, гад. Директор нашего рынка — Серафиме свояк. Они вместе на зоне когда-то пересеклись. Ну, подружились. Свояк нам скидывал маляву — кто и с какими деньгами с рынка уходит. Мы там пощипали несколько раз... Короче, узнал Гладышев, чем мы занимались, и терпил на признание подписал. Вот мы и договорились, срок-то нехилый светил. А оказалось, что это Серафима ему всё рассказывала, ну ты слышал, что он на кошельке её взял. Она ему и Цыгана сдала, когда тот в город приехал по просьбе Автондила.

Гладышев быстро с Цыганом сошелся — тот ему девочек поставлял, и пистолет с глушителем продал. Тогда мы с Цыганом крепко поговорили, он обещал и божился, что не будет больше...

— Вот почему ты в первый раз мне об этом не сказал? А, Топтыга? Я же тебя, как человека просил!

— Да! Чтобы потом Серафима все Гладышеву рассказала! А потом бы меня пришили, как Цыгана... Да и не знал я тебя, мало ли чего Автондил начирикал.

— Понятно. Испугался, значит...

— Понимай, начальник, как хочешь. Но на мне крови нет. Стой, вот дом Гладышевой, — Мишин показал на неприметный домишко, окруженный зелёным забором. По забору тянулись кусты малины и смородины.

Хмель остановился.

— Пойду, погляжу, — агент вышел из машины, передав автомат Ткачёву. — Как махну, иди ко мне.

Андрей легко открыл дачу Гладышева, посмотрел вокруг и зашёл внутрь. Вход в погреб он искал долго — дощатый люк был спрятан у стены, да под ковром. Пришлось повозиться.

Открыв люк, Андрей залез в погреб и при свете фонарика стал снимать с полок банки с вареньем. Было неудобно, да вдобавок одна банка раскололась, и он чавкал ботинками по сладкой массе, смешавшейся с мёрзлой землёй.

«И зачем варенье в трёхлитровые банки закатывать?» — подумал он, неудачно задев ещё одну банку, с хрустом расколовшуюся под ногами.

Андрюха, так его звали в детстве, с самого раннего возраста любил занятия, будоражащие нервную систему — забирался на крыши высотных домов, благо их было много в Москве. Шатался по наваленным на стройках плитам; незаметно проскакивая мимо сторожей, взбирался на башенные краны; гонял на велосипеде «Орлёнок», подаренным родителями, по лесным канавам и оврагам. Конечно, часто приходил домой в синяках и ссадинах.

— Ты меня в гроб сведёшь! — кричала на него мать.

Отец, будучи занятым на постоянных заработках, времени сыну не уделял. Приходя поздно и уходя рано, только шумно вздыхал и хлопал дверь.

Андрюха повзрослел рано. Ему не были интересны игры одноклассников, так же как не были интересны и сами одноклассники, вечно боявшиеся сделать что-то неправильное. Его тянуло к парням более взрослым. Тем, кто втихаря курил за спортзалом школы, а вечерами в кустах у футбольного поля пил портвейн со странным названием «Агдам». А выпив, и накурившись, начинали рассказывать различные истории, разглядывая проходивших невдалеке девчонок.

Такое времяпровождение довольно быстро Андрюхе надоело. Парни только мололи языками, но делать ничего не делали. И как-то он назвал их пустобрёхами. Компания решила проучить его, а один даже ударил. Андрюха, несмотря на то, что был младше, не спасовал, а разбил пустую бутылку из-под портвейна, и эту «звёздочку» всадил в ногу обидчика. С тех пор, близко к нему никто не приближался, а Андрюша попал под надзор инспектора по делам несовершеннолетних.

После школы Андрюха поступил в ПТУ. Он не совсем понимал, на кого он учится, ибо обучали всему, и в то же время — ничему. Получался разнорабочий непонятно какого профиля — бери больше, кидай дальше.

Внешность Андрюхи была обманчива. Худой и нескладный парень обладал недюжинной физической силой, и после окончания ПТУ попал в ряды Советской Армии. В элитные войска под названием строительный батальон. Там он столкнулся с землячеством и дедовщиной. А москвичей, так вообще за людей не считали. И буквально на второй день после принятия Присяги Андрюха себя проявил.

Человек десять «дедов» из Средней Азии решили поглумиться над ним, когда он мыл пол в столовой. Но это им не удалось. Андрюха, вооружившись деревянной скамейкой весившей килограмм двадцать, стойко отразил все попытки «дедов», выбив одному челюсть, а ещё одному пробив голову. Прибывший в столовую дежурный по батальону, увидел худого парня, гонявшего со скамейкой наперевес кучку горлающих таджиков, поскольку от страха никто из них не догадался вынуть из двери засов, который сами же и задвинули.

После этого Андрюшу, от греха подальше, перевели в строительную роту, занимавшуюся постройкой аэродромов близ границы с Афганистаном. За полтора года он сильно окреп и возмужал, да набрался знаний по подрывному делу. Рубить камни кирками под взлётную полосу было невыносимо тяжело и медленно. А ещё он научился метко стрелять, хоть военным строителям и не полагалось оружие, но жизнь на границе того требовала.

Почти перед самым Андрюхиным «дембелем» с Афганской территории пришла группа моджахедов и вышла на строящийся аэродром. Андрюша отличился, изрубив киркой трех нападавших, но его взяли в плен и приволокли в какой-то горный аул для показательной казни. Там его и заметила женщина с серебристо-русыми волосами. Она выкупила Андрюху...

Потом она быстро научила его многому и дала тоже много. А главное — она дала ему то, что он всегда хотел — постоянное и пьянящее чувство напряженности нервной системы, будто ходишь по краю тонкого лезвия.

Андрей нашёл тайник в подполе, поддел ножом панель, скрывающую глубокую нишу и вынул оттуда две толстые картонные папки. Он знал, что в одной из них лежит небольшая фотография, на которой Андрюха запечатлён с русоволосой женщиной. Фото было сделано скрытно, и он сделал его для себя и всегда носил с собой. Но этот Гладышев украл фото, когда пиджак Андрея висел на вешалке в раздевалке кафе для персонала.

В погребке смотреть в папках было неудобно и темно, и Андрей решил подняться в комнату. И только он устроился на верхней ступеньке, держа папки под мышкой, как раздался тихий голос:

— А что это у нас за папки?

Подчиняясь рефлексам, Андрей швырнул тяжелые бумажные кирпичи назад и, вытаскивая нож, кувырнулся в сторону. Встать на ноги он не успел — могучий удар ногой в ухо едва не лишил его сознания, но падая вновь, он махнул рукой с зажатым ножом. Хорошо отточенное широкое лезвие попало в цель — послышался легкий треск разрезаемой ткани.

— Ух ты! — вскрикнул незнакомец, и Андрей смог его разглядеть, хотя в глазах ещё белела пелена от боли.

Перед Андрюхой стоял широкоплечий мужчина в порезанной на животе черной куртке. Жесткий взгляд темных глаз, небритые щеки и ухмылка опытного бойца. Уверенная и злая. Мужчина, переступая боком, резко сдернул куртку. Легкий бронежилет с карманами и кобурой для пистолета, надетый поверх черной футболки, Андрея удивил. Он немного отступил назад, удобней перехватив рукоятку ножа.

— Ты кто? — Андрей подумал, что просто так ему незнакомца не одолеть.

— Неважно. Нож положи, и ложись на пол лицом вниз.

Нож метать было бесполезно, и Андрей решил схитрить.

— Ладно, ладно... Ты мне не нужен. Дай мне пару минут, и мы разойдёмся.

— Не получится... Ты — мне нужен.

Андрей уже отошёл от боли, и постепенно его сознание стало наливаться знакомым и бодрящим чувством напряженности.

— Тогда попробуй взять меня.

Незнакомец неуловимым движением вынул нож. Это был такой страшный тесак, что Андрюха невольно вздрогнул, и понял, что перед ним непростой боец. Он немного пригнулся и расставил локти, чуть приподняв руку с ножом.

Противник неожиданно прыгнул к Андрюхе, и пока тот, выпрямляясь, попытался переместиться в сторону, сделал обманное движение левой рукой, а правой резко провел тесаком снизу вверх. Андрей неуклюже отпрыгнул назад и не сразу почувствовал острую боль в левом предплечье, но все же успел махнуть ножом — лезвие только скрипнуло о металл бронежилета.

Они опять заняли позицию друг против друга. Незнакомец двигался мощно и экономно. Качнув корпусом и не давая Андрею опомниться, он провел удар ногой в порезанную руку, которой тот попытался поставить блок. А потом, когда Андрюха на мгновение замер от пронзительной боли, жестоким ударом рукояти тесака пробил в голову.

Андрей думал, что о боли он знает всё. Но до этого удара это было заблуждением. Доли секунды хватило, чтобы сознание Андрюхи вылетело из его черепной коробки, поблуждало по комнате и вернулось обратно, но только с другой стороны. Андрюху спасло то, что он отлетел от незнакомца метра на три и припечатался к стене, как лягушка к стеклу при порыве сильнейшего ветра.

Его тело не ощущало уже ничего — сознание блуждало, как в растёкшейся по стене жиже, не давая соображать. Дыхание застряло в легких противным комом, глаза заволокло черной поволокой с массой разноцветных звезд.

— Bravo, Хмель!

Аплодисменты буравили мозг, словно в нём хотели достать до позвоночника и выдернуть его наружу. А через минуту Андрюха лежал на полу со связанными руками и ногами.

— А ты думал я тебя не возьму? Это тебе не кофе с круассанами подавать...

Хмель играл тесаком, сидя на стуле рядом с барменом из «Ландыша» и поставив на него ноги.

— Что будем делать с ним, полковник?

Ткачёв мельком взглянул на тёзку, продолжая изучать содержимое папок.

— Пусть он в себя немного придёт, а потом допросим. А уж затем и подумаем. Если что-то ценное расскажет, тогда повезём в Москву. Если нет, то всадишь ему в спину свой страшный ножик. И где ты такой взял? Аж смотреть больно! Самый большой кабан при виде такого инструмента зарылся бы в землю по самый пяточок.

Хмель улыбнулся.

— О, это целая история, Викторич. В Анголе это было...

— В какой Анголе?!

— Африканской, ёпрст! Три года назад...

— Ладно, потом расскажешь, — перебил Ткачёв агента. — Не до Африки... Тут бы со своим захолустьем разобраться.

И наклонился над барменом, положив папки на стол.

— Ну что, тёзка? Говорить будем?

Андрюха хотел послать это мента ко всем чертям, но жало тесака как-то неуютно проткнуло кожу на спине.

— Э, Хмель! — заметил это полковник. — Это не бабочка, а ценный свидетель. Давай-ка, лучше приведи в дом Топтыгу, а то он в машине поди замёрз.

Ткачёв подождал пока недовольный Хмель выйдет и тут же наклонился к бармену ближе.

— Советую, тёзка, быстро всё рассказать. Переезд в Москву тебе не мешает. А если всё удачно сложится, то и поможет.

— И как мне это поможет? — прохрипел Андрюха.

— Посидишь немного — подумаешь. А там сам выберешь себе дальнейшую участь. Прикинь, ты сам себе выберешь судьбу! Это не каждый может.

Бармен не понял словесных хитросплетений мента, но задумался. Пожить ещё, конечно, очень хотелось.

— Уговорил, мент. Спрашивай.

Елена Петровна уже больше полугода скучала на одном из Мальдивских островов. Если бы не книги и передаваемые ей документы, то она бы сошла с ума от скуки. Постепенно она наладила здесь свой быт и свою работу.

Это бунгало на маленьком острове архипелага ей выделил куратор из Международного Финансового Агентства. Правда, за её деньги. Хорошо ещё, что охрана была бесплатно — трое угрюмых и неразговорчивых мужчин старались держаться от неё на расстоянии, и только самый старший приносил ей раз в неделю кипу документов и журналов. С ними она потом работала, составляя отчёты. Куратор появлялся редко, давал задание и быстро уезжал. Задания, в основном, касались описания работы советской системы Госбанка и выводов Елены Петровны по выявлению различных слабых мест в этой системе.

Елену Петровну одиночество не тяготило — она всю жизнь была одиночкой, но, обретая спокойствие и возможность работать, она стала задумываться и о своих потребностях. Как-то, краснея от стыда, она сбивчиво объяснила куратору, что мужчина раз в месяц ей бы не повредил.

Куратор, выпятив губы и оглядев её фигуру сверху вниз, сказал «ОК». И в следующий приезд привёз ей каталог солидного агентства.

Шмелёва, теперь уже Элен Моуди, внимательно и пристрастно рассмотрела предлагаемые агентством услуги, и ткнула пальчиком с безупречным маникюром в мужчину средних лет с крепкой фигурой.

— Окей, — повторил куратор, — но за ваш счёт.

— А ещё мне надо купить несколько нарядов, — Элен кокетливо улыбнулась.

— Есть каталог «Квелле», мадам. По нему вы сможете заказать любой наряд.

Элен прикупила себе несколько легкомысленных нарядов и с нетерпением стала ждать первого свидания.

Прибывший на моторной лодке мужчина не обманул её ожиданий. Был любезен, нежен и ласков. Но Элен, войдя во вкус, захотелось более страстных ощущений. Она выбрала мужчину моложе и с озорным взглядом голубых глаз. И на этот раз ожидания её не обманули. Такого вулкана страсти Элен никогда не испытывала и Фредерико, так звали мужчину по вызову, стал её постоянным партнёром. Его привозили на лодке и увозили. И пока Элен развлекалась, лодочник играл с охранниками в карты.

Во время развлечений Элен отрывалась вовсю. Она давала волю всем своим несбыточным мечтам и фантазиям, и Фредерико понимал её с полуслова.

В конце января она ждала очередного посещения и, лежа на шезлонге в весьма откровенном бикини, придумывала очередную забаву. Фредерико приехал в немного мрачном настроении.

— Что случилось мой милый? — ворковала Элен. — Что тебе не нравится?

— Очень жарко, — пожаловался он.

Действительно, было жарко, и солнце не думало опускаться за горизонт, в отличие от «инструмента» Фредерико. А Элен просто сгорала от нетерпения.

— Ну что я могу сделать, милый? — с мольбой вопрошала Элен.

Фредерико подумал и загадочно предложил:

— А давай в море попробуем! Там не жарко.

— В море?! — Элен никогда в голову не приходила такая мысль. — Но нас будет видно!

— А мы нырнём, — и он с воодушевлением стал объяснять преимущества и технику этого развлечения.

Элен, недолго думая, согласилась. Все её мысли были только об одном, а тело уже пылало от предвкушения. Она забыла об охране, о работе, о своих обещаниях куратору... Знала бы Елена Петровна, что три охранника уже лежат закопанные в песок...

Ощувив прохладу небольшой глубины, Элен расслабилась и попыталась расстегнуть бикини. Но тут... легкий укол в плечо, а потом затуманился разум, и загубник акваланга стал вываливаться из онемевших губ...

Очнулась она на дребезжащем полу, на грязной подстилке из промасленной тряпки. Жутко хотелось пить. Маленькая каморка из железных стен угнетала ржавыми заклепками и дверью с колесом. Елена Петровна подползла к двери и из последних сил постучала кулаком. Через минуту дверь открылась, и перед ней присел мужчина в белой форме офицера.

— Ну что, Елена Петровна? — по-русски сказал он. — Едем обратно — в СССР...

Ткачёв тщательно записывал рассказ бармена, пока Хмель и Топтыга грелись у электрического самодельного обогревателя. Чистые листы бумаги и карандаш нашлись в комодe, а также несколько пачек с купюрами по пятьдесят рублей.

— Может, я возьму? — кивнул на пачки Мишин. — Гладышеву уже всё равно без надобности. А у Ирки итак денег валом.

Ткачёву было всё равно. Хмелю тоже.

— Вот спасибо, начальник! — обрадовался Топтыга. — Век не забуду.

— Ловлю на слове, Мишин, — Андрей Викторович закончил писать и оглядел комнату. — Теперь хватайте бармена и ховайте его в багажник. Потом отвезём Топтыгу, а потом... доложим наверх.

Так и сделали. Топтыга с Хмелём упаковали тело бармена в багажник машины, потом отвезли Мишина домой.

— Для полноты ещё бы в доме Марии покопаться, — сказал Ткачёв, когда они отъезжали от дома «авторитета» Зареченска. — Сейчас приедем, ты доложишь и постережешь пленника, а я быстро к соседке забегу. А завтра с утра мы на ОКБ смотаемся.

— Не думаю, что мы завтра попадём на завод, — возразил Хмель. — Группа приедет ночью, если я доложу всё, как есть. Бармена заберут, и сами на завод двинут. Так что, по моим расчётам, я завтра уже «вне игры». Да и тебя, наверное, отзовут.

— Стой! — крикнул полковник. — Поворачивай назад.

Хмель без слов развернулся и подкатил обратно к дому Топтыги, благо они отъехали недалеко. Мишин заметил их возвращение и вышел к машине.

— Ты это, — полковник запнулся, но потом все же сказал. — В кафе «Ландыш» есть заначка — сто тыщ. Пока не опечатали, сходи — возьми деньги. Но пообещай мне, что поможешь семье Поплутина. И чтобы могилки Нодия и Румянцева всегда были убраны. Проследи за этим сам.

— Начальник, — Топтыга понимающе кивнул, — не беспокойся. Я присмотрю.

Машина уехала, а Мишин ещё долго стоял и смотрел ей вслед. Для него ещё не было выхода из лабиринта...

Бармена пришлось принести в сарай, и положить к теплой стене. Андрюха равнодушно смотрел перед собой и не произносил ни слова.

Ткачёв и Хмель зашли в комнату, и полковник с облегчением сбросил амуницию. Потом безразлично взглянул на папки, исписанные листы бумаги и свой портфель, в котором лежали материалы по расследованию.

— Ну, что? — он пристально посмотрел на Хмеля. — Надо набросать тезисы доклада начальству.

— Не надо никаких тезисов, — твердо обрубил агент рвение полковника. — Просто коротко доложим. А там начальство пусть само думает.

— Согласен. Тем более я не осмотрел дом Марии. Вдруг там ещё что-то полезное будет. Тогда звони и поторопи их. Не будем же мы возиться с этим арестованным.

Хмель привычно подцепил к телефону шифратор и набрал номер. Похоже «наверху» очень ждали его звонка, так как лицо агента вытянулось после приветствия Трефилова.

— Никак нет, товарищ генерал. Пять минут назад закончили проведение операции. Докладываю... В результате проведённой операции уничтожена группа агентов западных спецслужб. Один из них взят живьём. Имеются факты, доказывающие принадлежность убитых к спецслужбам иностранных государств. Прошу направить в Зареченск спецгруппу для этапирования задержанного в изолятор. Нам здесь не обеспечить его содержание.

Хмель замолчал, выслушивая генерала.

— Так точно, — наконец сказал он, поглядывая на читающего Ткачёва. — Сейчас приглашу полковника, — и, прикрыв трубку рукой, позвал его к телефону.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — устало проговорил Андрей Викторович.

— И вам не хворать, полковник, — несколько раздраженно выговорил Трефилов. — Коротко доложите о том, что сейчас твориться в Зареченске. Рядом со мной товарищ Андропов — он тоже послушает.

Ткачёв собрался с духом и с мыслями.

— В результате проведённой совместной операции город Зареченск лишился всех руководителей высшего звена. В ГУВД нет начальника, заместителя и тяжело ранен начальник уголовного розыска. Управление ГУВД на данный момент имеет треть штатного состава. Прокуратура Зареченска не может обеспечить своими силами сопровождение следственных мероприятий. Про экспертизу я даже говорить не буду. ГАИ Зареченска в полуразобранном состоянии, а про то, что твориться в партаппарате города, лучше узнать от самого первого секретаря горкома товарища Козырева. Документы по нему я могу передать следователям КГБ.

После минутного молчания раздался далекий незнакомый голос.

— Полковник, а куда делось руководство города? По линии прокуратуры пришло сообщение, что вы там устроили чуть ли не Чикаго тридцатых годов.

— Прошу прощения, но руководство перестреляло само себя. Начальник ГУВД и второй секретарь горкома не поделили какие-то деньги, начальник ГАИ застрелился во время опроса...

— Понятно, — перебил его незнакомый голос, видимо, принадлежавший Андропову. — Спецгруппа будет в Зареченске часа через два. Я перенаправлю её из ближайшей структуры Комитета Государственной Безопасности. А вы побудьте рядом с телефоном, товарищ Ткачёв.

Звонок прервался.

— Сказали подождать часа два, — объяснил полковник Хмелю.

— Вот и хорошо, — агент присел в своё любимое кресло у окна и прикрыл глаза. Он не

раздевался, а только расстегнул порезанную куртку. — Только почему-то кажется, что не всё так хорошо. Этот бармен либо наврал, либо выдал желаемое за действительное. Половину его показаний ещё проверять и проверять.

— Прав ты, Хмель, — Ткачёв подвинул стул к тумбочке с телефоном и устало присел. — Черных пятен ещё достаточно. И самое большое пятно — это первое нападение на инкассаторов. Оно никак не увязывается в общую картину.

Но Хмель уже дремал и никак не отреагировал на слова полковника.

Пискнул шифратор, и телефон едва слышно задрезжал звонком.

— Слушаю, Ткачёв, — полковник и не подумал, что надо разбудить Хмеля, а взял трубку сам.

— Это — Трефилов, — генерал кашлянул, прочищая горло. — Андрей Викторович, с вами желает поговорить товарищ Андропов...

— Да, конечно... Здравствуйте, Юрий Владимирович, — полковник невольно встал.

— Товарищ Ткачёв, — послышался голос Андропова, — мы тут посоветовались и решили попросить вас на некоторое время возглавить ГУВД Зареченска. Соответствующее распоряжение министр уже подписал. Сегодня вечером в город прибудет новый первый секретарь горкома — окажите ему всяческую помощь. Думаю, что задержитесь вы недолго. За это время прошу вас довести дело по Зареченску до логического завершения и прибыть лично ко мне с докладом. С вашим руководством в управлении всё согласовано.

— Слушаюсь, товарищ председатель Комитета Государственной Безопасности, — отчеканил полковник и связь прекратилась.

Ткачёв подумал о том, что со всеми делами он позабыл об обещании жене позвонить в том случае, если будет задерживаться. Только звонить не хотелось. Людмила начнёт ныть и триндеть о том, что он бросил семью ради работы, что жена ему безразлична и ... всё это было правдой. Если бы не сын, то Ткачёв давно бы ушёл от Людки в общежитие. Там хоть мужики мозг не проедают хотелками о лучшей доле полковничьей жены. С такими грустными мыслями усталый Ткачёв задремал.

Ему почему-то приснилась секретарь прокурора Надежда Ивановна...

Такой приятный сон был нарушен громким стуком в дверь. Полковник непонимающе крутил головой, стараясь понять причину стука, и пошёл открывать.

— Майор госбезопасности Хромченко, — седой коренастый мужчина со шрамом на виске предъявил удостоверение и кивнул на людей стоящих позади него. — Это со мной. Где арестованный?

— В сарае, — Ткачёв посторонился, пропуская в дом приехавшую бригаду.

— Забирайте, — отдал команду Хромченко и прошёл с полковником в дом.

Андрей Викторович очень удивился, не увидев в комнате Хмеля — его любимое кресло пустовало. Пока сотрудники КГБ выводили бармена Андрюшу и сажали его в чернук «Волгу», Хромченко передал Ткачёву запечатанный пакет.

— Это мне передали для вас, товарищ полковник.

И пошёл к машине, махнув на прощание.

Андрей Викторович запер дверь и, облегченно вздохнув, сел на стул возле телефона. Заметил, что шифратор оставался подключённым.

— Хмель! — позвал он. — Выходи!

Агент не появлялся и не отвечал. Это не было странным — Хмель появлялся и исчезал незаметно. Но Ткачёв загрустил, он привык к присутствию рядом этого необычного и

страшного человека. Это вселяло некую уверенность и спокойствие, да и помощь от него была существенной.

Андрей Викторович вскрыл пакет и достал из него бумаги. Распоряжение Андропова на осуществление следственных действий и назначение на должность начальника ГУВД Зареченска, подписанное замом Щелокова.

Полковник подумал, что остаться в этом городе не так уж и плохо. Дом у него есть, служебная машина будет, а секретаря... тут Ткачёв самодовольно улыбнулся, он подберёт себе сам. Андрей Викторович шумно втянул воздух, потягиваясь.

Его приятные мечты прервал шум автомобильного мотора, а затем стук в дверь.

— Наверное, что-то забыли, — сказал сам себе полковник и пошёл открывать.

Перед дверью стоял немолодой усатый милицейский старшина.

— Здравия желаю, товарищ полковник. Я за вами.

Ткачёв не сразу сообразил.

— За мной?! Зачем?

Старшина смешно шевельнул роскошными усами.

— Так это... Первый секретарь горкома вас разыскивает. Совещание у него. Все уже собрались, только вас ждут.

— А вы кто?

— Старшина Ипатьев, товарищ полковник. Ваш персональный шофер. Скажу по секрету, то никто не знал где вас искать. Только товарищ майор Поплутин подсказал...

— Саша! Он живой?! — не сдержался от крика Ткачёв.

— Так точно. Час назад перевели в общую палату... Я вот к нему мотанулся — узнать, где вас можно найти. Всё управление на ногах — начальника потеряли... Первый секретарь страшно ругался на дежурного.

Ткачёв с криком «минуту, старшина» забежал в комнату, заметался в поисках одежды, но не стал переодеваться, а нацепил бронежилет и куртку, сунул ПБ в кобуру и спрятал в поленицу документы. Выскочил на улицу, прихватив свой портфель, и запер дом.

— Поехали, старшина!

По дороге к горкому Ипатьев рассказал Ткачёву, как его эксплуатировала жена Гладышева, и много чего ещё, правда, сбивчиво. И полковник решил, что он ещё поговорит со старшиной.

К горкому подъехали быстро и комфортно.

— Я жду вас, товарищ полковник, — улыбнулся Ипатьев, выключая мотор.

— Пройдите внутрь, старшина. Нечего в машине мерзнуть. — Ткачёв быстро «входил» в роль начальника.

Он пробежал на четвёртый этаж и не заметил в приёмной знакомого «бульдога».

«А новый первый секретарь быстро осваивается», — заметил Ткачёв, входя в кабинет.

— А вот и начальник ГУВД, — показал на него высокий мужчина в роговых очках. — Присаживайтесь, полковник.

За столом для совещаний уже сидели: Гриша, Рыков и неизвестный молодой человек в костюме. Высоким оказался новый первый секретарь горкома, буквально час назад прибывший из Москвы.

— Товарищ Ткачёв, в связи с тем, что в городе произошли крайне неприятные события, то среди населения может возникнуть недовольство, волнения и провокации. Ваши соображения по этому поводу...

— Я не силен в плане организации мероприятий по пресечению волнений среди населения, — сказал Ткачёв. — Насколько вам известно, то я оперативный работник по расследованию бандитских преступлений. Но могу уверенно сказать — ГУВД катастрофически не хватает людей и техники. Нужно, как минимум, человек сорок личного состава, пары небольших автобусов и десяток легковых машин для патрульной и оперативной службы. Тогда ГУВД сможет быстро реагировать на все проявления беспорядков. Так же архиважно, — Ткачёв козырнул знаниями из речей Ленина, — снабдить ГУВД средствами оперативной связи и личными системами защиты. Простите, но даже банальных наручников не хватает.

Первый секретарь записал что-то в блокноте.

— Необходимая техника и амуниция будут в ГУВД завтра, — сказал он. — А что делать с привлечением людей?

— Надо поднять дела уволенных в конце прошлого года сотрудников и пустить клич среди молодёжи. Может быть, комсомол нам поможет?

Молодой человек в костюме поправил галстук.

— Несомненно. Но молодёжь надо заинтересовать. Например, выделением отдельных квартир для сотрудников МВД. Думаю, что в новых перспективах создания собственного ДСК — домостроительного комбината — это будет возможно.

— Очень хорошее предложение, товарищи, — первый секретарь поднялся. — Я выслушал всех и в ближайшее время мы найдём возможность выполнить ваши пожелания. Товарищ Ткачёв, вы не будете против, если завтра с утра я подъеду к вам в управление?

— Нет.

— Вот и хорошо. Спасибо, товарищи, все свободны.

Выходя из горкома, Андрей Викторович на ходу поговорил с Гришей и Рыковым. Оказалось, что прокурор города отстранен от должности и старший следователь пока занимает его должность. Гриша сообщил, что ему присылают двух молодых оперативников, и Ткачёв может пока на них рассчитывать.

— Как вас зовут, старшина? — Ткачёв сел в машину.

— Иван Иванович.

— Вы давно служите в ГУВД?

— Да, почитай, годков двадцать будет, — ответил Ипатьев, выруливая на дорогу.

Ткачёв удовлетворённо улыбнулся.

— Старшина, заезжайте за мной завтра часиков в семь утра...

Ипатьев подвёз Ткачёва к дому. Полковник поблагодарил старшину и отпустил домой, а сам остался стоять на улице, посматривая на дом Марии. Ему хотелось осмотреть его, и казалось, что именно в нём он найдёт ответы на оставшиеся вопросы.

Андрей Викторович подошёл к калитке с аркой и протянул руку, попробовав поискать ключи.

— Не надо, полковник, — неожиданно раздался голос Хмеля. — Нет там ничего.

Ткачёв резко обернулся и увидел рядом стоящего агента. Тот, едва заметно хмурясь, протянул ему связку ключей.

— Я всё обыскал, пока ты спал, а потом ездил в горком. Нет там ничего, — повторил Хмель. — Будто она там и не жила.

— Но я сам видел её... И ты видел. Или?

— Вот именно, — кивнул агент, — или... Она только делала вид, что живёт в доме. Зато мы с Топтыгой слазили в кафе. А вот там много интересного. А ещё я звонил Трефилову и он мне сказал, что привезли обратно настоящую Шмелёву. Так что ты завтра, после того как раздашь указания в ГУВД, уезжаешь в Москву. Там её допросишь и на доклад к Андропову. А без тебя здесь справятся. Я так понимаю, что тебе не хватало деталей, чтобы восстановить полную картину. Пойдём в дом, я немного еды прикупил — поедим и подумаем.

— Я все же хотел...

— Брось, Андрей! Не было ничего... Это была какая-то уловка. У меня есть факты, но я не знаю, куда их прилепить. Пойдём и разберёмся.

Ткачёв послушался, хотя, что греха таить, Мария ему очень понравилась. Изысканная женщина. Но... её почему-то не жаль. Она все равно какая-то не такая, души в ней, что ли нет. А красивая, зараза!

Они зашли в дом, и Хмель засуетился, выставляя на стол колбасу, огурцы, зелень и картошку. Своим страшным тесаком нарубил хлеба.

— Ну, и что ты думаешь? — агент, наконец, уселся за стол.

— Если проведут экспертизу по оружию, то мы точно узнаем, кто нападал на инкассаторов в первый раз. Наверное, мы ошиблись, думая, что группа отработывала на этом свою слаженность, — ответил полковник, откусывая колбасу. — Ведь бармен про это нападение ничего не рассказал.

— Может быть, просто не знал?

— Да, Мария могла не посвящать его в детали, но это всё равно выбивается из общей картины. Понимаешь, — Ткачёв куснул огурец и медленно захрустел, — много мелких деталей, которые не увязываются.

— Например?

— Этот дом предоставил мне очень большой московский «авторитет»... оочень большой. А ключи к нему дала Мария.

Хмель перестал жевать:

— Ты мне не говорил об этом, — с укором произнёс он. — Почему?

— Прости, но у меня с «авторитетом» необычные отношения. Мы друг друга считаем, как бы, информаторами. На взаимовыгодной основе...

— И поэтому ты не подозревал Марию? Андрей, а тебе не кажется, что ты заигрался?

— Возможно, да — я больше, чем нужно доверился Автондилу. Но откуда я знал, что здесь такой клубок? Да этого никто не знал!

Хмель замолчал. Полковник был прав по-своему. Он действовал по накатанной схеме и не мог представить, что в Зареченске переплелись интересы многих людей и структур.

— Взять, хотя бы, Шмелёву и Марию, — продолжал Ткачёв. — Наверняка это две различные ветки, но одного ведомства. Группа Шмелёвой отрабатывала свою ветку, а группа Марии — свою. Всё перепугало убийство Шмелёвой Гладышевым. Не будь этого убийства, мы бы ещё толпились в лабиринте всей гурьбой, не зная, где выход. Смотри, Шмелёва держала на привязи всех руководителей — первого секретаря, начальника ГУВД и его заместителя, и, я не удивлюсь, если в эту группу подпадает начальник ГАИ. В свою очередь, первый секретарь держал в узде прокурора и второго секретаря. Остается начальник местного КГБ и управляющая отделением Госбанка. На Гришу и Большову у Гладышева компромата не было, хотя он даже местного «авторитета» подмял под себя полностью. Ладно, Большова, она была лишь исполнителем предписаний сверху, что её и спасло. А Гриша в одиночку крутился на ОКБ, не зная, что предпринимать. Но Вадима Марковича он проспал — факт.

Андрей Викторович откинулся на стуле, вытирая губы рукавом.

— Теперь посмотрим на тот факт, что Мария пошла на ОКБ с нарядом ГАИ. Я предполагаю, что она, по своей линии, держала в кулаке начальника ГАИ и начальника ОКБ. Взрывать опытный цех в её планах не было — она пришла за Вадимом Марковичем. При этом хотела уничтожить других инженеров. А ГАИшники помогли бы ей уйти вместе с ним, но бармен Андрюха должен был прикрыть её отход. Как? Он нам не сказал. Но, скорее всего, его заданием на завершающей фазе, было убийство Гладышева и изъятие папок с компроматом. Папки сжигаются, а отход Марии остается незаметным. При том, что если взять четырех человек из её группы, которые бы начали отход с кучей денег, то милиции и КГБ было бы очень сложно. Кто обратит внимание на женщину с мужчиной в очках? Кстати, её документов я так и не видел. Как думаешь, у кого они могут быть?

— Я вообще без понятия, — пожал плечами Хмель. — Ты так быстро всё «рисуешь», что я не успеваю за твоими мыслями. Но остаётся предположить, что у твоего Автондила, уж если они были знакомы.

Ткачёв согласился. К Автондилу вела еле заметная нить, и надо было за неё сильно дёрнуть. Но не порвать.

Хмель, наевшись, широко зевнул.

— Андрей, я переоденусь, и уйду. Мне здесь больше делать нечего. Напоследок, загляну к майору Поплутину. Что ему передать?

— Передай, что я тоже к нему зайду завтра вечером.

Перед уходом агент подошёл к полковнику, протянул руку:

— Мне понравилось с тобой работать, Андрей. Оружие я оставил здесь. Потом передашь кому надо.

Ткачёв не был сентиментальным, но не мог не обнять этого странного парня.

— Если что, то пароль ты помнишь, — закрывая дверь, подмигнул Хмель.

Полковник постоял в прихожей, просто посматривая на щели на досках, а потом ушёл в комнату — было ещё очень много работы с папками Гладышева.

Следующий день выдался кошмарным. Ткачёв, утром выстроив весь личный состав

ГУВД Зареченска, произнёс длинную речь. Милиционеры не привыкли к такому — они перешёптывались, посмеивались и не слушали. Полковник, разозлившись на невнимание, перешёл на нецензурную лексику, пообещав устроить всем «кузькину мать». Личный состав не поверил, но когда на развод приехал начальник КГБ Зареченска с двумя молодыми дюжими молодцами, стал постепенно вникать в слова Андрея Викторовича. А когда к управлению подкатила чёрная «Волга» первого секретаря горкома во главе колонны новеньких милицейских «Жигулей», то уже слушали речь начальника с величайшим вниманием.

Сам первый секретарь тоже выступил, применив тактику кнута и пряника, а когда подъехали два автобуса с курсантами областной милицейской школы, то «старички» взволновались и разговор перешёл в профессиональное русло.

Затем Ткачёв просматривал дела уволенных сотрудников, дав рекомендации отделу кадров, назначил временных заместителей и поехал в прокуратуру.

Не слушая болтовню Ипатьева, полковник подумал, что у нового первого секретаря получается всё очень оперативно, что радовало — скоро Ткачёв сможет вернуться в Москву.

Он зашёл в прокуратуру, слегка покачиваясь с голодухи — утром полковник так ничего и не перекусил. Его встретил Рыков, и срывающимся, но довольным голосом, рассказал, что к вечеру будут готовы все возможные результаты экспертизы. В прокуратуру прибыл грузовик с оборудованием и двумя молодыми экспертами.

— Не поверишь, Андрей Викторович, там такое!..

Полковник поверил. Молодые эксперты шустро колдовали над всякими приборами и убежали в подвал отстреливать изъятое оружие. Старый эксперт только успевал заносить в таблицы цифры результатов.

В коридоре Ткачёву встретилась Надежда Ивановна.

— Простите, я ... вчера позволил себе лишнего, — смутился полковник и покачнулся.

Женщина тревожно смотрела на него, не отрываясь, потом взяла за руку.

— Андрей, вы очень бледны...

Он улыбнулся через силу.

— Работал много, спал мало...

— И ничего не ел, — покачала головой она. — Ну-ка, пойдёмте со мной. Я вчера пирогов напекла.

Ткачёв накинулся на еду, будто месяц сидел голодный на необитаемом острове. Разыскавший начальника Ипатьев застал его с очередным пирогом во рту.

— Товарищ, полковник, — сообразил старшина. — Я в машине подожду. Не торопитесь.

Андрей Викторович пил чай и рассматривал Надежду Ивановну. Женщина чувствовала себя неуютно под его взглядом, но ей было приятно. Она хотела что-то сказать, но заглянувший в приёмную Рыков, позвал его к экспертам. Ткачёв лишь поблагодарил её за чай с пирогами, извинился и ушёл.

Один из молодых экспертов, напустив важность, выдал следователю кипу заключений и начал пояснять, когда его Ткачёв попросил коротко рассказать на словах:

— По первому нападению на инкассаторскую машину. Исследованный материал в точности совпадает с боеприпасами, выпущенными вот этих трех пистолетов ТТ.

Ткачёв взглянул на бирки, прикрученные к пистолетам. Это было оружие инспекторов ГАИ, участвовавших в нападении на ОКБ, и пистолет начальника ГАИ.

— В Цыганкова и женщину на квартире были произведены выстрелы вот из этих пистолетов...

Эксперт был явно доволен своей работой.

Полковник выслушал, нахмурился и, пообещав Рыкову заехать вечером, вышел на улицу.

Заключения экспертов по первому эпизоду никак не увязывалось в общую систему преступлений. Этот эпизод стоял обособленно — он был практически бессмысленным. К сожалению, ни инспектора, ни начальник ГАИ, уже не могут дать показаний. И тут Ткачѳв не то, чтобы вспомнил, а осознал, что начальника ГАИ застрелил Хмель. Скобцев никак не мог хотеть выпрыгнуть в окно — он перепугался до паралича, когда увидел полковника в кабинете. Так что же там произошло?! А Хмель, заикнувшись про некие факты, так и не сказал ничего.

Вечером, раздав указания и взяв остальные заключения из прокуратуры, Ткачѳв не поехал в больницу к Поплутину, а засел дома, разложив бумаги. В принципе, его работа была законченной — все участники преступлений были выявлены. Но чутьѳ старого опера подсказывало, что не всё так гладко. Мотив первого нападения на инкассаторов не очевиден, так же и нападение на ОКБ. Да, бармен Андрюха хоть и владел навыками подрывника, но взрывчатки в цехе не нашли, да и Андрюши там не было. А Вадима Марковича, если уж он надумал бежать из СССР с разработками какой-то неведомой конструкции, могли увезти и вечером. И совсем не надо было для этого штурмовать здание завода, а тем более убивать старика-сторожа. Тут что-то другое! Тем более в кафе оставались деньги и какие-то материалы. Но какие? А ведь об этом должен знать Мишин, ведь он ходил в кафе с Хмелѳм.

Ткачѳв быстро собрался и через полчаса стучался в дверь Топтыги.

— Начальник?! Вот уж не ожидал тебя увидеть.

— Разговор есть, — полковник отстранил «авторитета», и прошѳл в дом. — Кто-то ещё есть?

— Нет никого. Серафиму я в другой город отослал. Нечего тут отсвечивать.

— А твои подельники?

— По норам сидят, начальник. Нафиг сейчас нос высовывать, когда такой кипишь в городе. Вот утихнет...

Ткачѳв пристально взглянул на Топтыгу.

— А теперь, скажи мне, что вы нашли в кафе, когда туда лазили?

Топтыга сразу ответил:

— Денег я взял, ты же сам разрешил.

— Ещё что?

Топтыга силился вспомнить.

— Погодь. У напарника твоего сумка вроде была.

— Сумка?!

— Да. Знаешь, такая необычная — небольшая и с двумя ручками. Я не стал интересоваться.

Полковник ушѳл, не сказав ни слова удивленному Топтыге.

Значит, Хмель что-то нашѳл в кафе, но посчитал нужным это не показывать Ткачѳву. Что могло быть в сумке? Документов, удостоверяющих личности Марии и членов её группы не нашли. Андрюха про деньги в кафе сказал. А мог бы и не говорить, но Хмель всё равно туда бы ходил. Получается, что документы он взял. Если группа Марии была агентурной, то Хмель, как сотрудник КГБ, мог взять документы и не показывать их Ткачѳву. Допустим.

Документы полковнику всё равно не нужны — пусть в КГБ с ними разбираются. Скорее всего, после уничтожения папок Поплутина, Андрюха должен был забежать в кафе и забрать деньги и документы. А потом выйти на место встречи с Марией и Вадимом Марковичем. И почему Хмель так и не отдал Ткачёву материалы из кафе?!

Рассуждая на ходу, Андрей Викторович не заметил, как вернулся к дому на Советской. Но около дома заметил женщину с большой сумкой. Она посматривала на его окна и поправила белый пуховый платок.

— Надежда Ивановна?! — не поверил полковник, подходя ближе.

Она смело улыбнулась.

— Вы весь день в делах, Андрей. Я решила, что моё внимание вам не мешает, — и очень тихо добавила, — а ваше — мне...

— Спасибо тебе! — утром Надя нежно целовала его прохладными губами. — Не забывай меня, ладно?

Старшина Ипатьев был несказанно удивлён, когда секретарь прокурора вышла из дома Ткачёва вместе с полковником. Гладышева и его жену старшина не любил до коллик в печёнках, но к московскому полковнику относился с уважением. Надька-то — девка хоть куда, правда, одинокая. Так почему ей что-то нельзя? Вон, какая довольная, аж цветёт. И старшина решил, что будет молчать — он ничего не знает и ничего не видел.

— Заедем в больницу к Поплутину, — сказал Ткачёв, садясь в машину.

Майор выглядел бодрячком и обрадовался приходу полковника, хоть и был обход. Поплутин даже пытался сесть на кровати, но Андрей Викторович не позволил. Они немног поговорили, и Ткачёв сказал то, что хотел сказать:

— Я уезжаю Саша. Буду рекомендовать тебя в начальники ГУВД. Уверен, что первый секретарь поддержит твою кандидатуру, да и в министерстве против не будут. Кроме тебя, просто некому. Давай, быстрее поправляйся и наводи порядок.

— Ты не останешься на похороны ребят? — нахмурился Поплутин.

— Прости, не могу. С меня сам Андропов отчёт требует лично. А в Москве ждёт ещё один серьёзный разговор. Если смогу, то вырвусь сюда — обещаю...

Полковник потом заехал в горком и поговорил о Поплутине с первым секретарём. Тот оказался очень понятливым и внимательным. Тут же набрал Москву и выдвинул предложение, приведя веские доводы. В Москве обещали подумать.

Ткачёв тепло попрощался с эти властным и волевым человеком, потом заехал к Рыкову. Нынешний прокурор города выглядел бодрым и жизнедеятельным. Улыбался и желал полковнику всяческих успехов. В приёмной Нади не было, и Ткачёв подумал, улыбаясь, что до завтрашнего утреннего отъезда он ещё сможет с ней встретиться.

Потом полковник заехал в управление, отдав напоследок распоряжения, и на вокзале купил билет на утренний поезд. Наконец, Ипатьев довёз его до дома.

— Прощайте, старшина. Я хоть и немного с вами работал, но вы мне понравились.

— Товарищ полковник. Может, я довезу вас завтра до вокзала, — предложил Ипатьев, грустно пошевелив усами.

— Не стоит. У вас своя работа.

Ткачёв подождал, пока машина уедет и зашёл в дом.

Чьи-то сильные руки накрыли полковнику рот, скрутили и быстро вынули у него оружие. Он попытался дернуться, но услышал голос Гриши:

— Не дёргайтесь, Андрей Викторович. Не надо. Ребята могут сделать вам больно.

Проходите, присаживайтесь.

Ткачёв, посматривая на двух молодых оперативников КГБ, молча сел за стол.

— В чём дело? — спросил он у Гриши после некоторого молчания.

— Ничего особенного, полковник. Нам нужно серьёзно поговорить, а ребятки за тобой присмотрят. Чтобы ты особо не трепыхался.

— Может быть, объясните мне...

Ткачёв ничего не понимал, а только растерянно крутил головой. Гриша, напротив, был абсолютно спокоен.

— Конечно, объясню. А после, ты сам решишь, что тебе делать.

Андрей Викторович пытался усмехнуться.

— У меня будет выбор?

— Конечно, если не будешь дерзить. Сидишь спокойно, меня слушаешь, а потом — выбираешь. Договорились?

— Пока не знаю...

А вот Гриша усмехнулся отчётливо.

— Согласен. Но я начну, пожалуй.

Он удобнее устроился на стуле.

— Ты, полковник, очень хорошо сработал. Просто — замечательно. Но, видимо, капнул несколько глубже, чем мы предполагали. Поэтому я и разговариваю с тобой. Ты же завтра уезжаешь в Москву на доклад к Андропову. Так вот. У тебя есть два варианта. Первый вариант — рассказать Юрию Владимировичу то, что лежит на поверхности, не вдаваясь в подробности. Нет, ты можешь приукрасить доклад тезисами о том, что милиция прогнила насквозь. В принципе, это не далеко от истины. Но как ты тогда сможешь своим коллегам смотреть в глаза? А тут, всё очень просто — Андропов тебе предлагает звание генерал-майора... КГБ. И возглавить отдел по расследованию преступлений в рядах советских милиционеров. А ещё и награду — тебе и тем операм, что работали с тобой. Согласись, что это для них очень нормально. Нодия и Румянцев получают награды посмертно, а их... родители некую денежную компенсацию. Топтыга же получил от тебя распоряжение, так никто мешать ему не будет. Поплутин станет подполковником и начальником ГУВД. И то же с боевой наградой. Согласись, выход очень красивый?

— Неплохо, — пробурчал Ткачёв. — Только я ничего не понимаю.

— Это сейчас ты пока ничего не понимаешь. Но стоит тебе поговорить с Автондилом, и ты сразу сопоставишь все «тёмные пятна» истории с Зареченском. А вот этого докладывать Андропову не стоит. Да и с Автондилом тебе встречаться тоже — больше не стоит. Не гоже генерал-майору КГБ ходить по значным местам к «авторитетам».

— Откуда такая уверенность в том, что Андропов меня правильно или неправильно поймёт?

Гриша тихо рассмеялся.

— Какой ты ещё наивный, полковник. Но скажу, что после твоего доклада он сделает соответствующие выводы. И от твоих слов будет зависеть, какими будут эти выводы.

Ткачёв задумался — что-то в словах чекиста было не так.

— Григорий, вы многого не договариваете. Если я буду в системе, то всё равно найду сам «чёрные пятна» Зареченска. И мои выводы могут быть совсем не такими, какими вы их предполагаете.

— Андрей Викторович, полностью с тобой согласен, — улыбнулся Гриша. — Именно

поэтому я здесь, и с тобой разговариваю. Или ты думаешь, что это моя личная инициатива? Да, ладно! После нашего разговора мы свяжемся с генералом Трефиловым. И это будет при любом исходе.

— Как у вас — чекистов, всё заковыристо! — невольно возмутился Ткачёв.

— А ты как думал! — смеясь, Гриша развёл руками. — Но ты сам сопоставь все факты. Попробуй...

Ткачёв, наконец, стал понимать. Правда, не всё, но варианты просчитал. Второй вариант — это то, что его грохнут прямо здесь. Если он не примет нужную «политику» партии.

— Давай, давай, — смеясь, подстегнул его Гриша. — Шевели мозгами. Они у тебя есть — я знаю...

Всё началось с того злополучного убийства «на Ждановской». Андропов, раскручивая это дело, страшно обозлился на Щёлокова. Собственно, они оба понимали, что Брежневу осталось немного, и кто-то должен будет вскоре занять его пост. А милиционеры из линейного отдела № 5, в ведении которого и была станция метро «Ждановская», ускорили противостояние, убив майора КГБ Афанасьева.

И чекисты стали рассматривать убийство товарища, как вызов.

Щелоков, немало сделавший для советской милиции, только усугубил положение, заняв позицию — своих не сдаём. Чекисты пошли в наступление «по всему фронту».

До Олимпиады-80 к Автондилу обратился очень известный «коллега». Человек прекрасно был осведомлён о связях «авторитета» и попросил взять под «опеку» очень талантливую аспирантку с финансового факультета. На время. Предложив немалый профит. Автондил ещё удивился столь неожиданной просьбе. Ещё больше он удивился, когда «коллега» из Геленджика попросил об одной услуге по линии Минторга. И тоже за очень приличный взнос в «общак». И эти «услуги» касались тихого и провинциального Зареченска.

Автондил решил узнать, что это за город такой и выяснил, что Зареченск тесно связан с Афганской компанией советской армии, и первый секретарь горкома один из ставленников Суслова — «серого кардинала» СССР. Город быстро расширился. Причём темпы расширения были очень высоки.

Автондил хорошо разбирался в хитросплетениях кремлёвской верхушки того времени, и понял, что Зареченск стал ареной «битвы» за множество интересов самых разных людей. А когда его попросили помочь некой даме в Зареченске, да помочь аспирантке устроиться в созданное там отделение Госбанка, да направить туда полученный Минторгом груз из Геленджика, то сильно задумался о своём будущем. События «на Ждановской» подсказали путь, и Автондил тут же в большой тайне организовал себе встречу с генералом Трефиловым.

Уже потом, от генерала приходил человек и просил мнения по поводу оперов шестого управления МВД. Автондил назвал Ткачёва честным, опытным и наивным ментом. Больше ни с кем он дела не имел — остальные менты, по его мнению, продажны и нечестны.

Первое нападение на инкассаторов в Зареченске спровоцировал Гриша, подкинув заведомо ложные сведения местному «авторитету» Цыганкову. Старый чекист сделал это очень тонко и быстро, выбрав удачный момент. Цыганков вёл борьбу с Топтыгой за роль «смотрящего по городу». Тем более у Цыгана оружие было.

Гриша, получив задание от Трефилова — как можно сильнее натравить ментов друг друга, постарался. Дискредитация милиции в Зареченске была главной задачей местного чекиста. Но тут Андропов решил «унизить» в глазах уже мало что понимающего Брежнева, ещё одного его друга — Суслова. Напомнив Генсеку историю с покушением на него милиционера, сказавшего, что только Суслов может возглавить страну и партию, и, затаив на Суслова обиду, когда тот на пленуме ЦК отменил решение Андропова о признании виноватым советского посла в Канаде фразой: «А разве КГБ назначал посла в Канаду?», Андропов решил провести «пакость» в отношении сына Суслова — Револия. Поэтому когда из Зареченска инженеры ОКБ послали разработку в Москву, то по команде Андропова все учёные, работающие в области радиотехники, эту разработку признали неперспективной.

Кроме Революя Сулова, руководившего тогда научным центром радиоэлектронных систем.

Внедрение группы агента Мария в Зареченск было на руку КГБ. О внедрении агента «Шмелёва» догадывались, но не могли понять цели этого внедрения, хотя Гриша и присматривал за ней.

После первого нападения на инкассаторов прибывшая из Москвы инспекция МВД только усугубила положение, уволив опытных работников и получив мзду от Гладышева и начальника ГАИ. Шмелёв и Поплутин, в силу своей неопытности, тыркались, как слепые котята, а прокурор Зареченска всячески им мешал, не желая расстраивать Козырева. А тот, возомнив себя неприкосновенным божеством, стал наглеть.

Почуввав слабость ГУВД, и тоже обнаглев, Цыганков провёл второе нападение. Его подначивала Шмелёва. Тогда Григорию стало понятно, что цель внедрения Шмелёвой — это дискредитация Зареченска, как «форпоста» перед Афганистаном. А ещё чекист догадывался, что Шмелёва надолго не задержится. И её отход должна прикрыть группа Марии своей деятельностью вокруг ОКБ. И вот тут, будто сошлись неведомые планеты — цели группы Марии и Андропова пересеклись в одной точке — в ОКБ. И тогда в Зареченск срочно была послана группа Хмеля с копиями чертежей.

И вот тут всё и у всех пошло наперекосяк.

Шмелёва заподозрила неладное и сообщила Марии. Мария почувствовала провал, и срочно связалась с Автондилем, не подозревая, что «авторитет» уже сдал всех чекистам. В свою очередь, Автондил подумал, что было бы неплохо, если его случайные связи с иностранными разведками так и останутся случайными. КГБ умело когда надо работать быстро и жестко.

Иностранная разведка не была заинтересована в возвращении группы Марии, и не оставила ей никаких связей, кроме Автондила. Перебежчики из СССР рассматривались ЦРУ как расходный материал. И настоящая Шмелёва тоже. При отходе агента её бы попросту снова поменяли.

Но Мария об этом не знала, и организовала операцию по нападению на инкассаторов. Организовала и провела очень умело, страхуясь на тот случай, если инкассаторы были под наблюдением. После этой операции между женщинами-агентами произошла разборка. Агент Шмелёва ждала своей эвакуации, а не бандитского нападения. Она не знала, что её личный связной в Москве получил семь суток ареста за хулиганство, случайно повздорив в ресторане с двумя милиционерами в штатском, отмечающими увольнение из МВД.

Приезд Ткачёва в Зареченск не остался незамеченным. Если бы полковник сразу не поехал бы к Топтыге, то, возможно развитие событий поменялось. Фраза «Мне выделено три дня на поимку преступников», сказанная Гладышеву, повергла последнего в шок. Слова «Мне Автондил...», сказанные при встрече Марии, были расценены ей, как помощь Автондила. Ведь она ему позвонила до этого. А уголовники, поставленные перед фактом, что надо отдать что-то после третьего налёта, чуть ли не впали в ступор, наслушавшись про «зверства» КГБ.

Серафима немедленно сообщила Гладышеву, а тот — тут же Шмелёвой, позвонив в кафе. Мария быстро сориентировалась и, заметая следы, убрала Цыганкова буквально перед приходом Топтыги. По её задумке Ткачёв должен был «повесить» все разбойные нападения на Цыгана и закрыть дело. А Топтыга выдать ему того, кто что-то не поделил с Цыганковым. Никто из них не знал об истинной цели приезда полковника, хотя он при первой встрече сказал это авторитетам открытым текстом. Но Серафима об этом Гладышеву не сказала,

поскольку знала, что Топтыга не при делах.

Ткачёв не повелся на «подарок» Марии, а почему-то стал копать под отделение Госбанка, прислав туда Румянцева. Агент Шмелёва поставила условия Марии по своей эвакуации, и женщины опять устроили разборки. Мария поняла, что Шмелёва на грани провала и сдаст всех скопом. О чём аккуратно, через Андрюху и намекнула Гладышеву, приукрасив особенными «зверствами» КГБ. Гладышев, не раздумывая, Шмелёву убрал, подставляя своего заместителя.

Но дотошный Ткачёв начал копать ещё глубже, и Гладышев перестарался, убрав таксиста и потеряв оружие. Кстати, таксист был особо не замешан — он видел только исполнителей убийства Цыганкова. В эпизоде с третьим нападением он только подвозил «барменов» до определённой точки, где они выходили. Но эта точка была лишь недалеко от места засады.

Гладышев сделал непоправимую ошибку, послав Серафиму на поиски пистолета. Он это осознал, когда увидел Румянцева, поймавшего мальчишку. И совсем потерял разум.

Мария находилась в цейтноте. Вся работа группы по вербовке Вадима Марковича стала бесполезной. К тому же он запросил за свои сведения по разработке большие деньги, которых просто не было. И она отправила Андрюху к Гладышеву. И начальник ГУВД решил сыграть в свою игру. Он умолчал о своих накоплениях и выдал «наводку» об инкассаторах, которые повезут крупную сумму денег, но с хорошим прикрытием.

Мария не сомневалась в успехе — её группа была отлично вооружена и подготовлена. Она знала на что способны зареченские милиционеры, и была только одна загвоздка — как пройти в ОКБ и потом быстро выйти из города. Если бы Ткачёв и Хмель знали бы, что у Марии только одна цель вывезти Вадима Марковича и дать ему денег, то быстро бы собрали необходимую сумму и положили бы деньги перед ней в пакетике с бантиком. Нужен был факт вербовки иностранными разведками начальника ОКБ. Тогда переезд в Москву инженеров был бы привязан чекистами к сыну Сулова. Что было истиной.

Начальник ОКБ ждал Марию с деньгами, а вместо неё увидел Ткачёва и Хмеля с автоматами. И пошёл напролом, почуяв, что пришли за ним. Мария этого не знала. Два инспектора ГАИ и начальник были куплены Андрюхой для беспрепятственного выхода из города. Потом ГАИшников всё равно бы убрали. Мария, попав с группой в засаду, просто решила идти до конца. Зачем она взбиралась на крышу под пули Ткачёва, так и осталось неизвестным.

Ткачёв сломал вторую линию чекистов — Революция «зацепить» не удалось. Но всё остальное было очень кстати. Плюс чекисты обвинили в саботаже прокурора Зареченска, чем спровоцировали некое волнение в следственном комитете СССР. Но зареченское милицейское руководство и Козырев были весомой каплей в понижении авторитета Щелокова и Сулова, а разоблачение и уничтожение агентуры иностранной разведки в Зареченске — большим плюсом для КГБ и Андропова.

Трефилов понимал, что после этого Ткачёву не будет места в структуре МВД. Само расследование полковника было явно против принципа «своих не сдаём». Собственно, понимал это и сам Андрей Викторович. В управлении он бы встретил глухое презрение коллег. А умолчать об инициации зареченским чекистом нападения на инкассаторов тоже не мог.

Он бы смог выпросить себе немного времени, если бы подал в отставку, но его бы всё равно убрали. Оставлять его живым чекистам не было смысла. На Ткачёва вышли бы люди

Щелокова, а он бы всё им рассказал. А Андропов должен был оставаться чистым в этой истории.

Прошел без малого час, пока Ткачёв выстроил в уме всю цепочку «Зареченского дела». Гриша терпеливо ждал, посматривая на оружие полковника. Андрею Викторовичу оставалось только выбрать...

И тут он догадался. Его умозаключения так и останутся ими, если убрать из папок Гладышева кое-какие документы и данные экспертизы по первому нападению. Он итак уже в этом деле перешёл несколько граней. Так почему не перейти ещё одну?

Козырев, Гладышев, Шмелёв, начальник ГАИ, прокурор и второй секретарь горкома сделали из Зареченска лабиринт, исказив его под цветущий город. И сами же в нём запутались. Так почему полковник должен об этом молчать? Даже если КГБ и спровоцировало войну в лабиринте. Не было бы его, нечего было бы и провоцировать.

— Гриша, вы знаете телефон Топтыги? — Ткачёв нарушил молчание.

Чекист написал на листке цифры.

Полковник позвонил.

— Начальник? — удивился Мишин.

— Ты, Топтыга, сделай для меня ещё одно... Помоги семьям убитых инкассаторов. Сделай, пожалуйста.

Мишин помолчал, потом с горечью произнёс:

— Жаль, начальник, что ты уезжаешь.

Почему он так сказал, Ткачёв не понял, положив трубку. Он подошёл к столу, молча открыл одну из папок и достал не подшитый к делу протокол изъятия у Цыгана оружия. Подумал и предложил:

— Гриша, возьмите из документов то, что вам нужно.

Чекист не глядя в папки, взял их и сунул в печь. Потом стоял и смотрел, как огонь лижет коричневый дерматин на корешках. Ткачёв тоже пихнул протокол в огонь.

— Можете ехать домой, полковник.

Гриша пошёл к выходу, махнув молодым сотрудникам, не проронившим ни слова за всё время.

— Я позвоню Трефилову...

Москва зажила нормальной жизнью, оправившись после проведённой олимпиады. Ткачёва на Казанском вокзале встретили цыганки и два человека в черных пальто.

— Андрей Викторович, пройдёмте с нами...

Ткачёва повезли по улицам Москвы, потом «Волга» выехала за город, и водитель прибавил скорости. Лесная дорога была длинной и безлюдной, пару раз Андрей Викторович заметил лося, пробирающегося по глубокому снегу. Наконец, подъехали к двухэтажной даче.

Полковника провели на второй этаж, и к нему вышел сам Андропов — спокойный, но в то же время немного напряженный. Кивнул в ответ на приветствие. Подождал, пока сотрудники, привезшие Ткачёва спустятся на первый этаж, а потом спросил:

— Вы играете в домино?

Полковник честно признался, что не любит эту игру. Юрий Владимирович пристально взглянул на Ткачёва и провёл его в небольшую комнату со столом и двумя креслами. Щелкнул выключателем, но свет не зажегся. Но это совершенно не расстроило Андропова.

— Изложите коротко ваши выводы по делу в Зареченске, — попросил председатель КГБ.

Полковник думал с минутой, потом сказал:

— Руководство города не справилось со своими обязанностями. Халатность, малодушие и карьеризм, недостойные советского руководителя, привели к тому, что в городе образовалась сеть иностранной агентуры, которая тесно взаимодействовала с уголовными элементами. Но сотрудники КГБ, несмотря на малочисленность, сумели не только уничтожить агентуру, но и выявили проблемы в руководстве...

— И вы им в этом помогли, — улыбнулся Андропов уголком губ.

— Не только я. В результате операции погибли два сотрудника уголовного розыска Зареченска.

Юрий Владимирович сверкнул стеклами очков.

— Андрей Викторович, у нас не так много времени, поэтому буду краток... Комитету нужен следственный отдел, который будет заниматься расследованиями преступлений в рядах МВД и в высших эшелонах партийных ячеек. У следователей КГБ нет соответствующей практики работы и их методы далеки от совершенства. Предлагаю вам занять место начальника отдела. Должность генеральская, вы будете подчиняться только председателю комитета.

Ткачёв ожидал такого предложения. Об этом ему ещё говорил Гриша в Зареченске. Значит, Андропова устроили выводы полковника по «Зареченскому делу».

— Генерал Трефилов положительно отзывался о вашей работе, — подначивал Андропов. — И я тоже думаю, что вам следует принять моё предложение.

«А куда мне деваться?» — подумал Ткачёв. — «Пожить-то ещё хочется»

— Я согласен, — кивнул он. — Благодарю за доверие.

Андропов открыл ящик стола и, взяв оттуда погоны генерал-майора КГБ, удостоверение и орденскую коробочку, протянул Ткачёву.

— Поздравляю, товарищ генерал. Сегодня отдыхайте, а завтра... приступайте к работе. Генерал Трефилов введёт вас в курс дела. В управление МВД можете не заходить...

Ткачёв понял, что Андропов щёлкал выключателем установки помех от прослушивания.

Жена встретила полковника холодно. Тряся обвислыми щеками, только пробурчала:

— Приехал?

Как будто это было непонятно.

Андрей Викторович зашёл в комнату, скинул одежду и побрел в ванную. Ему стало грустно. Стоя под душем, Ткачёв вспоминал Надю, Хмеля, Поплугина, Марию, Топтыгу, оперов и беседу с Гришей. Для него командировка в Зареченск как-то незаметно изменила взгляд на многие вещи, будто он нашёл свой выход из лабиринта.

Но что-то ему подсказывало, что станет только тяжелее. Если лабиринт искажал действительность, то дальше Андрей Викторович будет сталкиваться только с её негативными проявлениями.

«Ну, и ладно», — подумал Ткачёв. — «Дерьмо тоже надо кому-то выгребать. В белых перчатках этого не сделать».

Когда он вышел из ванной, Людка уже переоделась в какой-то красный балахон и короткие шорты в обтяжку, нарисовала губы и теперь выглядела, как самка бегемота в период брачных игр. Из его портфеля она достала погоны генерал-майора и коробочку с орденом.

— Люд, а я тебя просил копаться в моём портфеле?

До неё не сразу дошёл смысл вопроса. Она вытаращила глаза и гневно нахмурила лоб.

— Ты чего на себя напялила? — опередил жену Ткачёв. — Хоть бы по утрам бегала что

ли ...

Он пошёл на кухню, чтобы налить чай и съесть чего-нибудь легкое. Но увидел только жирный борщ и толстые котлеты в сковородке под слоем сала. Трехлитровая банка с огурцами загоразивала заплесневелый кусок сыра и попу от батона колбасы. Ткачёв вспомнил Надины пироги с картошкой и творогом, постоял немного у открытого холодильника, а потом резко ушёл в комнату собирать вещи.

Жена кричала, умоляла, плакала и опять кричала. Ткачёв не слушал. Он понимал, что во всём этом есть доля и его вины, но последней каплей в переполненный сосуд был вопрос жены, брошенный сквозь перекошенные от злобы красные губы:

— Что, нашел себе другую бабу?!

Андрей Викторович выпрямился и взглянул на Людку. Она испугалась и даже попятилась от него.

— Баба — это ты, Люда, — сказал он спокойно. — Зачем мне менять шило на мыло? На развод я подам...

И уехал.

Трефилов не ожидал увидеть Ткачёва.

— Андрей Викторович, что случилось? — спросил генерал, попросив секретаря сделать кофе. Ткачёв с удовольствием понаблюдал за её походкой. Трефилов всё понял.

— Сходите в отдел обеспечения, я позвоню. Вам теперь полагается генеральская дача и автомобиль. Они должны были подготовить всё к завтрашнему дню, но, думаю, что уже подготовили. Юрий Владимирович лично распорядился. Ваш кабинет рядом с моим, чуть дальше по коридору. А ваши сотрудники этажом ниже. И зайдите в отдел кадров — там вам дадут более подробные инструкции.

Секретарь Трефилова принесла кофе с бутербродами и едва заметно улыбнулась Ткачёву.

«Жизнь налаживается», — подумал Андрей Викторович, глядя на её покачивающиеся бедра.

— Кстати, Андрей Викторович, вы сможете себе подобрать секретаря, — хихикнул Трефилов и серьёзно добавил. — А агент Хмель теперь работает только на ваш отдел, и подчиняется только вам и председателю. Его дело можете просматривать только вы.

И уже поздно вечером Ткачёв зашёл в свой кабинет. Осмотрел большой стол и здоровый диван в углу. Закрыл шторы и включил круглую настольную лампу.

На столе стояли три телефона и массивный интерком с кучей кнопок. Трефилов нажал кнопку «дежурный по управлению».

— Слушаю, майор Родин.

— Это генерал Ткачёв. Майор, не подскажете, как мне позвонить по межгороду?

— Товарищ генерал, подождите минуту. Я пришлю вам сотрудника — он все подскажет.

— Спасибо, майор.

Через минуту в кабинет постучались, и вошёл молодой капитан. Он быстро показал Андрею Викторовичу как пользоваться связью. Генерал поблагодарил и отпустил его, а сам набрал номер в Зареченске.

— Аллё, — раздался женский голос.

— Надя, здравствуй...

— Андрей?! Ты где?! Что-то случилось?! Я сейчас приеду!

— Приезжай, Надя. Только в Москву. Я встречу...

Больше книг на сайте - Knigoed.net